

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока
Российской академии наук

ЯПОНИЯ НАШИХ ДНЕЙ

№4(22), 2014

Москва
ИДВ РАН
2015

УДК [308+32/33+908](520)
ББК 66.3(5Япо)
Я70

Рецензенты:

к. и. н. А. А. Козлов, к. э. н. Е. Л. Леонтьева,
д. и. н. В. Д. Стрельцов

Редколлегия:

д. и. н. В. О. Кистанов (главный редактор), к. и. н. В. А. Гринюк,
Е. Н. Кручина (ответственный секретарь)

Я70 Япония наших дней. № 4(22), 2014. — М. : ИДВ РАН, 2015. —
184 с.

ISBN 978-5-8381-0295-9

Настоящий выпуск ежеквартального сборника «Япония наших дней» (издаётся с 2009 г.) затрагивает широкий спектр вопросов, связанных с нашим дальневосточным соседом — Японией. Рассмотрены актуальные политические, экономические, социальные, культурные и другие проблемы этой страны. Особое внимание уделено различным аспектам российско-японских отношений.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей.

УДК [308+32/33+908](520)
ББК 66.3(5Япо)

ISBN 978-5-8381-0295-9

© ИДВ РАН, 2015

Содержание

ПОЛИТИКА	5
<i>Павлятенко В. Н.</i> Обзор некоторых аспектов стратегии национальной безопасности администрации С. Абэ	5
<i>Стрельцов Д. В.</i> Виктимность как часть послевоенной идентичности Японии	24
<i>Кистанов В. О.</i> Треугольник Россия—Япония—Китай во внешней политике Абэ: территориальный аспект	33
<i>Гринюк В. А.</i> Япония—КНДР: попытка возобновить диалог	47
ЭКОНОМИКА	66
<i>Лебедева И. П.</i> Японский рынок труда как фактор и ограничитель экономического роста	66
<i>Меркушева О. А.</i> Децентрализация и механизмы региональной политики в Японии	76
<i>Маркарьян С. Б.</i> Жилищная сфера Японии: проблемы сегодняшнего дня	86
<i>Денисов Ю. Д.</i> Эффективность японских научно-технических прогнозов	100
ИСТОРИЯ	110
<i>Саркисов К. О.</i> Первая мировая война. Вступление Японии в «европейскую войну»	110
<i>Яковкин Е. В.</i> Диверсионно-разведывательная деятельность Японии и русская эмиграция на Дальнем Востоке. 1932—1945 гг.	134
<i>Зимонин В. П.</i> Японская агрессия в Азии и зоне Тихого океана и ее отражение в 12-томном труде «Великая Отечественная война 1941—1945 годов»	140

ЯЗЫК, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА	159
<i>Гуревич Т. М., Нечаева Л. Т.</i> Преподавание японского языка в современной России	159
<i>Белов А. В.</i> Основные направления реформы университетов Японии	174
АВТОРЫ	181
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ	182

ПОЛИТИКА

В. Н. Павлятенко

ОБЗОР НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АДМИНИСТРАЦИИ С. АБЭ

В представленном материале под «стратегией национальной безопасности» Японии подразумевается исключительно многоцелевая государственная политика, обеспечивающая не только национальный суверенитет и территориальную целостность страны, но в равной мере и стабильное и безопасное развитие всех без исключения сфер жизни современного японского общества.

Формат статьи объективно ограничивает возможность анализа мероприятий кабинета Синдзо Абэ во всех спектрах политики национальной безопасности. Поэтому цель данной статьи — сосредоточиться на приоритетах кабинета С. Абэ в области обеспечения национальной безопасности с момента прихода к власти в декабре 2012 г.

Эти приоритеты представляют собой политические аспекты стратегии национальной безопасности. Именно политические, поскольку они являют новую политическую идеологию и новые политические инструменты формирования и реализации стра-

тегии обеспечения национальной безопасности в масштабах страны, региона и на глобальном уровне.

Важнейшим мероприятием кабинета С. Абэ в реализации новых подходов к обеспечению национальной безопасности на современном этапе стали разработка и принятие программного документа «**Стратегия национальной безопасности**». Документ был одобрен и принят Советом национальной безопасности Японии (СНБЯ) и на заседании кабинета министров 17 декабря 2013 г. [1] Значимость этого шага обусловлена тем, что в послевоенный период, начиная с 1957 г., официальная политика Токио в сфере обеспечения национальной безопасности формировалась в рамках разработанной в то время «Базовой политики в области национальной обороны», которая в силу объективных и субъективных причин не имела целостной и конкретной концептуальной основы. Последнее во многом снижало эффективность «Базовой политики» в течение длительного времени после ее принятия. По этим же причинам «Базовая политика» не могла служить практическим руководством на современном этапе. С принятием нового документа, по мнению большинства политиков, наблюдателей и экспертов, открывается новая страница в стратегическом планировании, видении и оценке японской стороной не только собственных потребностей в обеспечении безопасности страны на современном этапе, но и в современных видении и оценке окружающего мира и расстановки сил на мировой арене в целом.

В Стратегии определены национальные интересы и цели национальной безопасности, которые включают: сохранение суверенитета и независимости, защита территориальной целостности, гарантирование безопасности жизни людей и их процветания.

Для достижения этих очевидных целей, как отмечается в Стратегии, необходимо: укрепить сдерживающий потенциал, который является сердцевиной «динамичной обороны», создать потенциал для предотвращения возникновения или ослабления прямых угроз Японии, активизировать ведущую роль Японии в урегулировании споров и конфликтов путем настойчивых дипломатических усилий.

В обеспечение указанных и других целей в Стратегии определены основные направления ее реализации:

- укрепление сдерживающего потенциала, необходимого для сохранения мира и безопасности и гарантирования выживания;
- кардинальное улучшение общего состояния всеобъемлющих проблем безопасности в АТР, предотвращение возникновения и ослабление прямых угроз Японии;
- построение мирного, стабильного международного сообщества путем активизации ведущей роли Японии в урегулировании споров и конфликтов путем настойчивых дипломатических усилий [2].

В документе дается оценка состояния глобальной безопасности и региональных вызовов Японии. На основе этих оценок определены цели стратегии Японии на ближайшее десятилетие. Эти цели включают:

- укрепление собственно японского потенциала для обеспечения национальной безопасности;
- усиление дипломатических мер для создания стабильной международной ситуации;
- построение всеобъемлющей оборонительной архитектуры, для гарантированной защиты Японии;
- расширение деятельности по защите территориальной целостности;
- гарантирование морской безопасности. Как морское государство, Япония будет играть ведущую роль в сотрудничестве с другими странами в сохранении и развитии «открытого и стабильного моря»;
- укрепление кибербезопасности;
- усиление мер противодействия международному терроризму;
- наращивание и укрепление разведывательного потенциала Японии;
- гарантирование стабильного доступа к открытому космосу и использование его в целях обеспечения безопасности;
- укрепление технологического потенциала [3].

В новом документе повторены как традиционные мероприятия по реализации оборонной политики, связанные прежде все-

го с условиями и обстоятельствами японо-американского военного союза, так и определены конкретные мероприятия по реализации оборонной политики в плане ее внешних аспектов с учетом современной военно-политической обстановки (ВПО). Такие мероприятия включают:

- усиление японо-американского союза. Это усиление подразумевает как дальнейшее усиление японо-американского сотрудничества в области обороны и безопасности в различных регионах, так и гарантирование стабильного пребывания ВС США на территории Японии;
- укрепление сотрудничества в области дипломатии и безопасности с партнерами Японии по поддержанию мира и стабильности на международной арене [4].

В Стратегии также дается четкое понимание «активного пацифизма», который Абэ провозгласил в качестве концептуальной основы нового курса японского кабинета в регионе и на международной арене в целом. Основные принципы этого «пацифизма» включают в себя:

- наращивание дипломатических усилий в рамках ООН. Япония будет продолжать выступать за реформу ООН, ставя своей целью занятие места постоянного члена СБ ООН;
- усиление верховенства закона;
- лидерство в международной деятельности по разоружению и нераспространению;
- содействие сотрудничеству в деле международного мира;
- содействие международному сотрудничеству против международного терроризма;
- усиление сотрудничества, основанного на универсальных ценностях, для решения глобальных проблем [5]. Многие эксперты считают, что «активный пацифизм» — внешнее прикрытие истинных намерений кабинета Абэ, которые, в конечном итоге, сосредоточены на пересмотре нынешней конституции. Сам Абэ этого не отрицает.

Нельзя не согласиться с мнением экспертов о том, что принятие на вооружение «активного пацифизма» потребует существенной модификации правовых, институциональных и кадровых основ государственной политики в сфере дипломатии и национальной безопасности.

Сегодня, как представляется, вряд ли можно со всей определенностью прогнозировать темпы и масштабы реализации «Стратегии». Вместе с тем можно уверенно констатировать, что в Японии впервые за послевоенный период теоретически разработана и принята к реализации стратегия обеспечения национальной безопасности страны, учитывающая все нюансы и тенденции развития военно-политической ситуации в мире, а также всеобъемлющей обстановки на международной арене. Главное — эта «Стратегия» определяет роль Японии в развитии глобальной обстановки на среднесрочную перспективу.

С точки зрения временных параметров, первым в цепочке мероприятий кабинета С. Абэ по разработке новых подходов к обеспечению национальной безопасности стал факт создания **Совета национальной безопасности Японии (СНБЯ)** [6].

Идея создания подобного механизма в системе принятия решений в Японии рассматривалась давно. Решение о создании аналога СНБ в США было принято еще кабинетом Дзюньитиро Коидзуми (2001—2006) [7]. Д. Коидзуми не довел до конца реализацию этой идеи, которая получила «вторую жизнь» с приходом к власти С. Абэ в 2006 г. [8]. Однако кратковременность пребывания у власти не позволила С. Абэ в его «первый приход» реализовать эту идею. Успех был достигнут в течение первого года пребывания у власти С. Абэ после его возвращения во власть в декабре 2012 г.

На заседании кабинета министров 4 декабря 2013 г. было утверждено решение о создании СНБЯ, его структуре, принципах и направлениях работы, обеспечивающем аппарате и др. С 4 января 2014 г. СНБЯ приступил к практической деятельности. Выступая на церемонии начала работы СНБЯ, С. Абэ заявил: «Я надеюсь, что СНБЯ сыграет роль диспетчерской башни в обеспечении защиты как национальных интересов в целом, так и жизни и процветания населения (Японии)» [9]. На последующей за мероприятием пресс-конференции, С. Абэ подчеркнул следующее: «Сегодня, как никогда раньше, Япония будет защищать свою территорию, территориальные воды и воздушное пространство со стратегических позиций» [10].

По мнению генерального секретаря кабинета министров Ёсихидэ Суга, СНБ будет играть лидирующую и определяющую

роль в разработке основных направлений и самой стратегии обеспечения национальной безопасности. С этой точки зрения такими приоритетами на сегодняшний день являются проблемы территориальных споров с Китаем, с КНДР и Республикой Корея, с Россией, создание Китаем идентификационной воздушной зоны в спорных районах Восточно-Китайского моря, проблема ракетно-ядерной угрозы со стороны КНДР, проблема американских баз в Японии, прежде всего на Окинаве, и др.

Создание СНБ, по словам Синдзо Абэ, нацелено на консолидацию всех потоков информации в секретариат кабинета министров с тем, чтобы премьер-министр эффективнее использовал ее для принятия решений в вопросах национальной безопасности. До создания СНБ сходная система характеризовалась тем, что в ней отсутствовала интеграция информации из разных министерств и ведомств, а также отмечались случаи, когда информация вообще не доходила до премьер-министра в силу наличия «бюрократической групповщины» [11].

Важной функцией СНБ должно стать «жизненно важное усиление его разведывательных возможностей и способностей по сбору информации за рубежом», в том числе и в результате обмена информацией с партнерами, прежде всего с США. Ряд японских экспертов прогнозируют, что в результате таких обменов СНБ США неизбежно будет оказывать влияние на японскую сторону не только на качество своей информации, но и в целом на образ мышления всех сотрудников СНБЯ.

Создание СНБЯ — важная часть плана Абэ по продвижению «активного пацифизма», который, по оценкам японских и западных экспертов, в конце концов, может привести к размещению подразделений сил самообороны за рубежом с военной миссией, опираясь на право коллективной обороны.

Структурно созданный СНБ состоит из следующих элементов:

1. Департамент национальной безопасности при секретариате кабинета министров, который является исполнительным органом СНБ. Сотрудники Департамента обрабатывают поступающую от министерств и ведомств Японии, от зарубежных партнеров информацию и готовят ее к заседаниям СНБ в качестве вспомогательного материала для принятия решений.

Генеральным директором Департамента назначен Сэтаро Яти — бывший заместитель министра иностранных дел в первом кабинете Абэ (2006—2007), близкий соратник С. Абэ. Будучи замминистра иностранных дел в 2005—2008 гг. С. Яти уделял приоритетное внимание улучшению японо-китайских отношений.

Специальным советником премьер-министра по вопросам безопасности назначен Ёсукэ Исозаки, член палаты советников парламента. Заместителями генерального директора Департамента назначены помощник генерального секретаря секретариата кабинета министров Нобукацу Канэхара, бывший сотрудник МИДа, и бывший представитель Министерства обороны (МО) Нобусигэ Такамизава.

2. Численно Департамент состоит из 60—67 человек, 50 из которых являются бывшими сотрудниками МИДа, МО и Агентства национальной полиции, остальные — военные эксперты сил самообороны.

3. В СНБ предусмотрено три вида совещаний. Высший уровень — Совещание премьер-министра, министра иностранных дел, министра обороны, генерального секретаря кабинета министров, которые являются постоянными членами СНБ. Совещания проводятся раз в две недели, но могут проводиться вне графика в соответствии с ситуацией.

Второй уровень — совещания по вопросам чрезвычайных ситуаций внутри страны и за рубежом. Совещания проводятся в составе постоянных членов СНБ и соответствующих министров или глав ведомств, отвечающих за направления внутренней и внешней политики. Периодичность встреч обуславливается внутренними и внешними обстоятельствами.

Третий уровень — расширенные совещания с участием девяти министров по аналогии с составом бывшего Совета безопасности Японии. Периодичность встреч обуславливается остротой внешних военной, экономической и других угроз безопасности Японии.

4. Для повышения эффективности работы СНБ запланировано установление «горячей линии» в первую очередь с СНБ США. В близкой перспективе планируется создать подобные

связи и с аналогичными структурами во Франции, Великобритании, Австралии, Индии, России.

С момента вступления в силу решения обеих палат парламента о создании СНБЯ от 4 декабря 2013 г. и до начала официальной его работы 6 января 2014 г. было проведено три совещания первого уровня. На этих встречах обсуждались оперативные вопросы безопасности, подобно вопросу о создании Китаем идентификационной воздушной зоны в спорных районах. Японские эксперты высоко оценили некоторые практические результаты работы СНБ, отражающие, по их мнению, высокую эффективность новой структуры. Одним из таких результатов стало принятие решения об оказании материальной помощи силам ООН в Южном Судане.

Спустя две недели после официального начала работы СНБ его генеральный секретарь Сётаро Яти 18 января 2014 г. посетил США и встретился с помощником президента США по национальной безопасности Сьюзан Райз, госсекретарем Джоном Кэрри, министром обороны Чаком Хэйглом. На встречах обе стороны подтвердили готовность тесного сотрудничества по линии СНБ обеих стран, по внешнеполитическим вопросам, представляющим взаимный интерес, по проблемам военного сотрудничества и дальнейшего всестороннего укрепления союзнических связей. Все это подтверждает вывод о том, что с созданием СНБ механизм принятия решений будет активно проводить линию на повышение политической роли Японии на региональной и международной арене, а также осуществлять более наступательную линию поведения в регионе, прежде всего, в отношении своих конкурентов и противников — Китая, Республики Корея, КНДР. Кроме того, с созданием СНБ неизмеримо повысится роль лично премьер-министра Синдзо Абэ в окончательном принятии решений.

Создание СНБ в Японии совершенно очевидно будет оказывать влияние и на развитие японо-российских отношений. Во-первых, СНБ станет последней инстанцией в выработке позиции Японии в вопросе подписания мирного договора с Россией. Этот вопрос будет решаться на первом и третьем уровне заседаний СНБ. Во-вторых, новая структура, установив контакты с российским Советом Безопасности, будет использовать эту

связь для формирования нового баланса сил в Северо-Восточной Азии за счет ослабления российско-китайской составляющей в обмен на расширение японо-российских контактов. Некоторые эксперты подчеркивают, что для реализации таких планов нет никаких предпосылок, а эти планы носят конъюнктурный характер, обусловленный, прежде всего, стремлением разрешения проблемы территориальных претензий к России в свою пользу. Вместе с тем нельзя не отметить следующий факт: в первой половине 2014 г. Сётаро Яти трижды посетил Россию и встречался на самом высоком уровне, включая высший, с российскими представителями для разрешения текущих проблем в двусторонних отношениях.

С созданием СНБЯ решена исключительно важная задача, стоявшая в повестке дня достаточно длительный период — оптимизирован механизм принятия решений. Структура, кадровый состав, специфика задач для отдельных подразделений на сегодня способствуют максимально приближенному к режиму реального времени принятию важных решений во всех областях — военно-политической, дипломатической, экономической, в случае природных и техногенных катаклизмов и др. Кроме того, СНБЯ стал инструментом для реализации «скрытой дипломатии» Абэ, прежде всего на «чувствительных» направлениях японской внешней политики — Китай, КНДР, Республика Корея, Россия.

За год работы СНБЯ были достигнуты как конкретные позитивные результаты, так и выявлены слабые места в функционировании новой структуры: нехватка квалифицированных, профессионально годных кадров, несоответствие объема поступающей информации и количества людей, обрабатывающих ее, «шероховатости» во взаимоотношениях представителей разных ведомств, составляющих «команду» СНБЯ и др. Впрочем, следует подчеркнуть, что все эти и другие проблемы не стали неожиданностью, так как большинство из них прогнозировалось еще на этапе формирования нового органа [12].

В череде декабрьских 2013 г. мероприятий кабинетом С. Абэ в области национальной безопасности заметным явлением стало одобрение и принятие Верхней палатой японского парламента законопроекта **Закона о государственной тайне** [13]. Примеча-

тельность мероприятия состояла в том, что, как и в случае со «Стратегией», этот законопроект принимался впервые в послевоенной Японии.

В октябре 2013 г. кабинет С. Абэ утвердил секретный законопроект о наказании за несанкционированное распространение государственных секретов [14]. Нижняя палата парламента одобрила этот законопроект спустя месяц — 26 ноября 2013 г. [15]. Верхняя палата одобрила законопроект 6 декабря 2013 г. Законопроект вступил в силу 10 декабря 2014 г. До вступления в силу законопроекта кабинет министров в октябре 2014 г. в первом приближении определил 55 категорий информации, подлежащих присуждению грифа «государственная тайна» [16].

С точки зрения общего направления стратегии С. Абэ по совершенствованию механизма обеспечения национальной безопасности в современных условиях, принятие данного законопроекта выглядит достаточно логичным шагом. Его цель — прекращение утечек информации в таких сферах, как внешняя политика, оборона, контрразведка, терроризм (в 2007—2012 гг. ряд утечек в Силах самообороны, полиции и др.). Еще в августе 2007 г. было заключено японо-американское **Основное соглашение об информации в области безопасности**, в котором были установлены стандарты безопасности в обмене разведывательной информацией и информацией в области оборонных программ и совместных оборонных мероприятий. В течение последних 6 лет аналогичные соглашения были заключены с НАТО (2010), Францией (2011), Австралией (2012), Великобританией (2013). Аналогичное соглашение с Республикой Корея сорвалось из-за позиции Сеула.

Закон о гостайне и указанные Соглашения — необходимое условие для расширения и углубления военного сотрудничества Японии с США и другими странами, для координации совместных действий на международной арене «с целью борьбы с международным терроризмом, другими видами подрывной деятельности, угрожающей миру и стабильности, процветания японского общества в целом» [17].

В течение 2014 г. 19 административных подразделений, включая секретариат кабинета министров, МИД, МО и др., были облечены полномочиями по определению уровня секретности документов и информации. В секретариате кабинета ми-

нистров около 20 человек отвечали за обеспечением секретности соответствующих документов и информации.

К моменту вступления в силу законопроекта 10 декабря 2014 г. почти все уполномоченные организации подготовили свои предложения. Первым уже 26 декабря 2014 г. доложило о своих предложениях Национальное полицейское агентство, предложившее засекретить 18 категорий информации [18]. В начале января 2015 г. правительство заявило, что назначенные министерства, агентства и другие административные организации подготовили свои предложения, в соответствие с которыми были определены 387 категорий и видов информации, подлежащих присвоению статуса «государственного секрета». «Чемпионом» по засекречиванию стало Министерство обороны (247 категорий и видов), кабинет министров определил 49 категорий и видов, МИД — 35, Управление береговой охраны — 15, министерство экономики, торговли и промышленности — 4, СНБЯ — 1 и т. д. [19]. Предложенные 387 категорий и видов информации охватывают около 400 000 документов [20].

Принятие данного закона вызвало неоднозначную реакцию в японском обществе. Такие проблемы, как недостаточная прозрачность документов, определяющих и устанавливающих новые правила оборота секретных документов, само понятие секретов — государственных и негосударственных, уровней секретности и др., вызвали протест оппозиции, общественных организаций и общества в целом, которые усмотрели в принятии закона шаг в сторону подрыва демократии, нарушения прав людей «знать», создания условий для авторитаризма и др. негативных явлений из прошлого (милитаризм). В декабре 2014 г. вступлении в парламенте С. Абэ убеждал, что Закон нацелен против «терроризма и шпионов» и «в целом никак не касается простых людей». Кабинет будет предпринимать шаги по успокоению общества и модернизации закона. Но самое главное — Закон принят, вступил в силу и будет укреплен в соответствии с текущими задачами, тем более, что успешные досрочные выборы, выигранные правящей ЛДП во главе с С. Абэ, будут этому способствовать.

Следует подчеркнуть, что некоторые мероприятия в области национальной безопасности стали производными от рассмот-

ренной выше «Стратегии национальной безопасности». В частности речь идет о такой важной проблеме, как **экспорт японским военно-промышленным комплексом (ВПК) вооружений и военной техники (ВВТ)**.

В «Стратегию», как в программный документ, было включено важнейшее принципиальное положение о сохранении и усилении оборонной промышленности Японии с целью поддержания местной промышленности, обеспечивающей военно-техническую сторону национальной безопасности. Во исполнение поставленной задачи 11 марта 2014 г. на заседании СНБЯ был утверждён исходный проект новых положений об экспорте ВВТ, который заменял «Три принципа экспорта вооружений» от 1967 г. и его модификаций от 1976 и 2011 г. Проект получил название «Три принципа передачи военного оборудования и технологий» [21]. 1 апреля 2014 г. эти «Новые принципы» были официально утверждены кабинетом министров. С этого момента в Японии вводились новые правила передачи (экспорта) ВВТ «правительствам иностранных государств, ООН или (другим) институтам, функционирующим на основе резолюций ООН» [22]. Новые правила базировались на предпосылке о том, что такие действия будут «вкладом в активное поддержание дела мира и международное сотрудничество», а также «вкладом в безопасность Японии».

В документ под названием «Реализация руководящих указаний для Трёх принципов передачи военного оборудования и технологий» было включено: определение и конкретизации ситуаций передачи ВВТ, условия проверки зарубежных поставок, принципы контроля, процедура принятия решений, отчетность и информационное сопровождение, разное.

С учетом того, что проблема экспорта ВВТ в течение длительного времени оставалась предметом пристального внимания пацифистски настроенного японского общества и важным фактором внутривластной стабильности в целом, кабинетом С. Абэ были четко продекларированы официальные рамочные условия действия новых принципов:

- не осуществлять передачу (экспорт) ВВТ в случае, если это очевидным образом препятствует поддержанию международного мира и безопасности;

- ограничить условия, при которых допускается передача ВВТ, и строго рассматривать каждый случай передачи;
- допускать передачу только в тех случаях, когда гарантирован надлежащий контроль недопущения использования не по назначению и передачи третьим странам [23].

В соответствии с новыми положениями при экспорте оружия либо связанных с ним технологий в особо важных случаях решения должны будут приниматься СНБ Японии, а эти решения — предаваться гласности; во всех остальных случаях правительство должно публиковать данные о количестве и получателях предметов экспорта в ежегодном официальном докладе.

Анализ содержания новых «Трёх принципов», а также объективных обстоятельств текущего периода в сфере торговли и совместного производства вооружений в мире дает основание для двух основных выводов. Во-первых, кардинально новый шаг кабинета Абэ открывает конкретные перспективы для оживления деятельности японского ВПК и местной промышленности, появления определенного прогресса в области производства современных вооружений на собственно японской базе и возможности сокращения определенной зависимости от импорта, выхода национального ВПК на международный рынок с конкретными образцами ВВТ, прежде всего двойного назначения, расширения и активизации сотрудничества с партнерами в деле военной интеграции в производстве ВВТ и др. [24].

Во-вторых, нельзя абсолютизировать эти возможности, поскольку совершенно очевидно, что Японии предстоит решить целый ряд исключительно сложных проблем объективного и субъективного характера для того, чтобы вышесказанное было реализовано. Главный результат действий кабинета в этом вопросе — обеспечение легитимных условий для качественно новой политики в создании инструментов по реализации Стратегии национальной безопасности, отвечающей условиям современного мира [25].

Упомянутые мероприятия в области формирования новых подходов к обеспечению национальной безопасности, проведенные кабинетом С. Абэ в короткие сроки, имеют важное политическое значение. Ориентированные в будущее, они определяют не только новые возможности Японии в действенном

обеспечении национального суверенитета и безопасности, но и роль Японии в формировании военно-политической обстановки как в регионе, так и на глобальном уровне.

Среди этих политически значимых мероприятий особо выделяется решение о легитимизации **права Японии на коллективную оборону**. На заседании кабинета министров 1 июля 2014 г. было принято одно из важнейших решений за весь послевоенный период в области обеспечения национальной безопасности. Было заявлено, что ст. 9 Конституции не запрещает использовать право на коллективную самооборону и что правительство Японии пересмотрит существующие положения закона с тем, чтобы новая интерпретация была узаконена в рамках политики национальной безопасности нынешнего правительства [26]. Такое решение кабинета было оценено японскими экспертами как «важный разворот в политике обеспечения национальной безопасности со времен окончания Второй мировой войны». Этому решению предшествовала подготовка группой экспертов во главе с Сюдзи Янай доклада с обоснованием рекомендации допустить ограниченное использование этого права, что в свою очередь ускорит прогресс в деле международного сотрудничества в обеспечении безопасности. Доклад был вручен С. Абэ в ходе заседания «Конференции по пересмотру правовых основ безопасности», состоявшейся в официальной резиденции японского премьер-министра [27]. Последовавшее за этим принятие кабинетом министров положительное решение в отношении права на коллективную оборону, по оценке ведущих японских экспертов, было «самым важным решением кабинета в отношении политики безопасности в послевоенной Японии» [28].

С точки зрения нынешнего руководства страны, новая трактовка положений Основного закона страны обусловлена серьёзными переменами в сфере безопасности и другими ведущими к росту напряжённости факторами складывающейся ситуации вблизи от границ Японии [29]. В соответствии с указанным решением, следующим шагом кабинета Абэ должно стать внесение соответствующих поправок в Закон о Силах самообороны Японии, в Закон о чрезвычайных ситуациях вблизи Японии и другие законодательные акты, имеющие отношение к данному вопросу. Как отмечают некоторые наблюдатели, реа-

лизация нового решения кабинета возможна только при наличии трех условий: а) если другое государство, с которым Япония имеет тесные связи, подверглось вооруженному нападению, и существует очевидная угроза ущемления основополагающих прав и свобод народа; б) если нет иных средств защитить народ; в) если сила будет использована в минимально необходимых пределах. Таким образом, Силы самообороны Японии получают возможность давать вооружённый отпор совместно с вооружёнными силами других государств в случае, когда нападению подверглась страна, имеющая тесные взаимоотношения с Японией, даже если при этом сама Япония нападению не подвергается [30].

Принятое решение, ставшее результатом компромисса между партнерами по правящей коалиции — ЛДП и Комэйто, было осуществлено на фоне ожесточенной дискуссии в обществе. Противники подчеркивали недопустимость решения крайне важного вопроса в результате лишь правительственного постановления. Кроме того, указывалось на опасный потенциал данного решения, который в случае реализации может привести к необратимым негативным последствиям. С учетом этих опасений в одобренной кабинетом «Новой позиции Японии по вопросу о юридических основах обеспечения национальной безопасности» были включены положения, гарантирующие от развития событий в опасном направлении.

Важно подчеркнуть — многие опасения и доводы противников нового подхода кабинета Абэ к трактовке ст. 9 Конституции носят скорее предупредительный и алармистский характер. Например, такие положения, как фундаментальное изменение роли СС в сторону их наступательности, размещение СС на зарубежных базах, создание предпосылок для ремилитаризации, дестабилизация региональной обстановки и др., становятся в большей мере преувеличенными при анализе всех составляющих нынешней ситуации не только в самой Японии, но и в регионе [31]. В то же время нельзя отрицать и потенциала нового подхода, позволяющего высказывать подобные преувеличенные опасения.

На сегодня главным видится то, что рассматриваемый шаг является всего лишь полушагом, поскольку для практической

реализации рассматриваемого решения необходимо его законодательное оформление, без которого это решение будет оставаться «пугалкой для общественности». Именно эта задача стала одной из главных в повестке С. Абэ на 2015 г. Состоявшиеся 14 декабря 2014 г. выборы в нижнюю палату дают все основания для положительного прогнозирования разрешения этого вопроса. Сам Абэ придает исключительную важность данной проблеме и, судя по его заявлениям по окончании выборов, законодательное оформление вышеуказанного решения станет его приоритетом. Положительное разрешение данного вопроса будет означать кардинальный поворот в послевоенной истории Японии, поскольку станет прецедентом для всестороннего пересмотра послевоенной Конституции страны, хотя этот процесс будет исключительно сложным в силу наличия внутренних и внешних ограничителей объективного характера.

* * *

Осуществленные кабинетом С. Абэ мероприятия в области укрепления механизма обеспечения национальной безопасности носят беспрецедентный характер, имея в виду политическую сложность принятия целого ряда неординарных решений. Действия нынешнего С. Абэ тем более привлекают к себе внимание, поскольку с момента, когда С. Абэ впервые пришел во власть в 2006 г. и быстро ее покинул (2007 г.), прошло всего 6 лет, за которые он необыкновенно преобразился как политик и национальный лидер.

Вместе с тем следует обратить внимание на следующие моменты.

1. Вышерассмотренные действия в области укрепления курса на обеспечение национальной безопасности при новом кабинете С. Абэ приобрели статус приоритетов, которые стали формироваться с начала первого прихода С. Абэ во власть, а некоторые из них имеют более длительную историю

2. В течение длительного времени формированием и разработкой этих приоритетов занимались специальные группы экспертов-советников, созданные при личном участии С. Абэ. Все эти специалисты, представляющие экспертную элиту, были

«возвращены в дело» после второго прихода С. Абэ во власть, некоторые из них заняли ключевые посты в новой администрации.

3. С. Абэ на протяжении всей своей политической карьеры поддерживал и продолжает поддерживать и укреплять теснейшие связи с влиятельными консервативными кругами и обществами, члены которых являются единомышленниками С. Абэ, с одной стороны, а с другой — формируют и укрепляют его мировоззрение как политика.

4. В свой новый приход во власть С. Абэ хорошо подготовился, учел уроки своих неудач прошлого, заручился поддержкой крупного японского капитала — все это стало основой нынешнего успеха Абэ.

5. Возможность реализовать приоритеты в области национальной безопасности в короткие сроки была обусловлена не только вышеперечисленными характеристиками самого С. Абэ, но и в целом благоприятной с точки зрения достигнутых результатов внутривластной ситуации в самой Японии.

Примечания

1. Кокка андзэн хосё сэнряку — Хэйсэй 25-нэн 12-гацу 17-нити, Кокка андзэн хосё кайги кэттэй, какуги кэттэй : [Стратегия национальной безопасности — Хэйсэй 25 год, 12 месяц, 12 день (2013 г., декабрь 17)]. Принято Советом национальной безопасности, принято кабинетом министров. — Брошюра правительства Японии, май 2014 г. С. 1—68).

2. Там же.

3. Там же. С.17—20.

4. Там же. С. 24—28. В документе, помимо США, упоминаются в связи с этим государства, сотрудничество с которыми Япония будет осуществлять в приоритетном плане — Республика Корея, Австралия, страны АСЕАН, Индия, Китай.

5. Там же. С. 28—31.

6. По моему мнению, разработка и принятие Стратегии национальной безопасности по своей политической и исторической значимости имеют для Японии большее значение, чем создание СНБЯ, предшествовавшее принятию «Стратегии». Тем более, что в структуре механизма государственного управления существовал Совет безопасности, который и был за-

мещен новым СНБЯ. Это обстоятельство взято за основу принципа «распределения первенства» между рассматриваемыми мероприятиями кабинета С. Абэ в вопросах безопасности.

7. The Asahi Shimbun. 30.06.2003.
8. The Japan Times. 15.11.2006.
9. The Asahi Shimbun. 8.01.2013.
10. The Yomiuri Shimbun. 9.01.2013.
11. The Japan Times. 18.06.2013.
12. *Takahashi Toshiya*. Abe and Japanese National Security Council // EastAsia Forum, 16 July, 2013.
13. Официальное название законопроекта «Акт по защите специально определенных секретов».
14. The Yomiuri Shimbun. 26.10.2013. Предлагалось, чтобы гражданские лица и служащие частных компаний, уличенные в утечке секретной информации, несли наказание до 10 лет заключения. Для документов, содержащих государственные секреты, определить срок их опубликования через 60 лет, а по некоторым категориям этот срок может быть и продлен.
15. The Japan Times. 27.11.2013.
16. The Japan Times. 14.10.2014.
17. The Mainichi Shimbun. 12.12.2014.
18. The Asahi Shimbun. 27.12.2014.
19. The Asahi Shimbun. 27.12.2014; The Yomiuri Shimbun 09.01.2015. Под «скромным» запросом СНБЯ подразумевается, что 1 категория гостайны это — все заседания СНБЯ.
20. The Yomiuri Shimbun. 09.01.2015.
21. Implementation Guidelines for the Three Principles on Transfer of Defense Equipment and Technology — Adopted by the National Security Council, April 1, 2014.
22. Ibidem.
23. Ibidem.
24. *Hirose Taisuke*. Japan's New Arms Export Principles: Strengthening U.S. Japan Relation — CSIS Japan Chair Platform. October 14, 2014.
25. The Japan Times. 11.03.2014.
26. The Yomiuri Shimbun. 01.07.2014.
27. По оценкам экспертов, ключевую роль в подготовке политического истеблишмента к выработке позитивного отношения к докладу группы С. Янай играли секретарь СНБЯ Сётаро Яти и генеральный секретарь секретариата СНБЯ Нобукацу Канэхара. The Yomiuri Shimbun. 01.07.2014.

28. *Miyake Kuni, Jimbo Ken, Tatsumi Yuki, Itho Kohtarō*. A View from Tokyo on Regional Political-Military Developments // East Asian Security Quarterly, July-September, 2014, The Canon Institute for Global Studies.

29. *Smith Sheila A*. Reinterpreting Japan's Constitution, July 2, 2014. URL: <http://blogs.cfr.org/asia/2014/07/02>.

30. *Green M., Hornung J.W.* Ten Myths About Japans Collective Self-Defense Change // The Diplomat. July 10, 2014.

31. Ibidem.

Д. В. Стрельцов

ВИКТИМНОСТЬ КАК ЧАСТЬ ПОСЛЕВОЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЯПОНИИ

Среди части японского общественного мнения сложилось представление о том, что видение истории Второй мировой войны, в котором Япония предстает в неприглядном свете, является продуктом политической пропаганды и не соответствует действительности. Согласно распространенному мнению, японская армия продвигалась в 1930-е годы в страны Азии, сражаясь за правое дело — освободить азиатские народы от белых колонизаторов. К тому же относительно слабые наказания японских военных преступников, назначенные Токийским военным трибуналом, в соответствии с этой точкой зрения, явились свидетельством того, что разговоры о зверствах японской императорской армии на материке есть досужие вымыслы [1].

Установлению подобного взгляда способствовало то обстоятельство, что в большинстве стран, являвшихся противниками Японии и пострадавших от японской агрессии, в первые послевоенные десятилетия преобладала точка зрения о нецелесообразности привлечения излишнего внимания к преступлениям японского милитаризма.

Так, в коммунистическом Китае в 1950—1960-е годы критика Японии и даже напоминание о понесенных китайским народом страданиях считались «нетактичными». Свою роль играло

нежелание лишней раз раздражать Токио: цель КПК заключалась в том, чтобы вырваться из дипломатической изоляции и получить дипломатическое признание западных стран, и в том числе Японии. Кроме того, в официальной китайской историографии японская военщина была отнюдь не самым опасным врагом — гораздо более страшным противником считался чанкайшистский режим. Наконец, в рамках коммунистической идеологии превалировало представление о необходимости разделения ответственности народа и власти: японский народ, согласно этому взгляду, сам был жертвой относительной немногочисленной клики милитаристов, а обвинять в преступлениях весь народ было нельзя. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай заявили, что за агрессию Японии должен нести ответственность ограниченный круг милитаристов, а вовсе не японский народ» [2].

Именно по этой причине крупных расследований преступлений японцев в 1950—60-е годы в КНР практически не проводилось. Не затрагивал в переговорах с японцами Пекин и проблему репараций, даже в период, когда накануне восстановления двусторонних отношений у Китая было гораздо больше оснований поднять этот вопрос.

Вплоть до начала 1970-х годов не подвергалась на официальном уровне серьезной критике Япония за свое военное прошлое и со стороны Южной Кореи. Когда в 1965 г. встал вопрос о восстановлении дипломатических отношений, южнокорейская сторона с готовностью согласилась на заключение секретной сделки об оказании «финансовой помощи» объемом около 500 млн долл., которые позиционировались именно как помощь, а не репарации. Во многом это было сделано по настоянию японской стороны, не желавшей заострять внимание на своей ответственности, однако нельзя забывать и о том, что тогдашний южнокорейский диктатор Пак Чжон Хи имел больше возможностей, чем с началом демократического времени, принимать решения единолично, исходя из собственных представлений о политической целесообразности. Уместно отметить, что предоставленный тогда Токио пакет финансовой помощи Сеулу позволил провести модернизацию инфраструктуры и по сути стал одним из факторов корейского экономического чуда. Вместе с тем, с точки зрения общественного мнения демократиче-

ской Южной Кореи, Пак Чжон Хи совершил предательство, пойдя на унижительную сделку с японцами [3].

Достаточно либеральным было отношение к историческим грехам Японии и в Соединенных Штатах. Отчасти это было связано с тем, что фокус внимания официальной американской историографии был сосредоточен на Тихоокеанской войне (Pacific War), т. е. на операциях с участием армии США в бассейне Тихого океана, тогда как боевые действия Японии в Китае и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, по сути, оказывались на периферии исследовательского интереса. Основную вину на Японию американцы возлагали за ее нападение на Пёрл-Харбор, которое в их глазах перевешивало любые действия японских военных на материке. Некоторое освещение в американской прессе получила тема плохого отношения к военнопленным из армии США и их союзников, а также тема изнасилований голландок и филиппинок и их насильственной сексуальной эксплуатации в японских военных борделях (следует признать, впрочем, что до уровня проблемы «женщин комфорта», вставшей во весь рост с начала 1990-х годов, эта тема явно не дотягивала — сказывалось отношение к данному феномену как к неизбежному и явно не самому крупному злу военного времени).

Кроме того, свою роль в игнорировании проблемы преступлений японской императорской армии на материке играло то обстоятельство, что оккупационная администрация США на определенном этапе стала поддерживать идею «патриотизма» в японском обществе, рассчитывая использовать его в качестве рычага для консолидации японской нации в целях борьбы с коммунизмом (особенно сильно это стало заметно с началом Корейской войны).

Что касается Советского Союза, то по понятным причинам гораздо больше внимания послевоенная советская историография уделяла вопросам, связанным с Великой Отечественной войной. Вступление СССР в войну с Японией, помимо того, что это было уже эпизодом не Великой Отечественной, а Второй мировой войны, в большей степени подавалось не как возмездие за совершенные японской военщиной преступления, а как выполнение обязательств СССР перед союзниками. К тому

же, в отличие от Китая и государств Корейского полуострова, СССР после подписания Совместной декларации 1956 г. считал все вопросы в двусторонних отношениях с Японией, связанные со Второй мировой войной, урегулированными, что не давало оснований заострять внимание на «нерешенности» проблем недавнего прошлого. Кроме того, сказывалась ситуация геополитического соперничества с Вашингтоном: действуя в русле логики холодной войны, Москва продолжала питать надежду на то, чтобы оттянуть Японию от союза с США или хотя бы нейтрализовать ее. Поскольку политические отношения между двумя странами продолжали оставаться натянутыми, во многом из-за нерешенной проблемы мирного договора, создавать дополнительные препоны на пути размораживания этих отношений Москва не хотела. Свою роль играл и разгоравшийся в 1960-е годы советско-китайский конфликт — чрезмерные пропагандистские нападки на Японию за действия императорской армии в Китае выглядели бы как косвенная поддержка китайского взгляда на историю. В этих условиях официальная советская историография воздерживалась от чересчур энергичной критики Японии за преступления военного времени, сосредоточив усилия на борьбе с призраком возрождающегося японского милитаризма.

В самой же Японии видение собственного неприглядного исторического прошлого в широком общественном сознании проявлялось в некритичном к нему отношении, в приукрашивании реального положения дел и нежелании решительно размежеваться с довоенной государственной системой. Свою роль играли национально-психологические особенности японской нации — особая роль категории «стыда» и большая, по сравнению с европейцами, степень неготовности к признанию собственных ошибок и соответствующему покаянию, а также большая восприимчивость к риску «потери лица» в глазах окружающих. Кроме того, среди японцев считается «плохой манерой» вспоминать о собственных страданиях.

Самокритике не способствовали и те внешнеполитические условия, в которых Япония строила свою послевоенную дипломатию. Японии нужно было восстановить свои экономические позиции в странах Восточной Азии, а для этого — реабилитиро-

вать себя в глазах тамошнего общественного мнения. Поэтому азиатская дипломатия Токио во многом строилась на борьбе с нежелательной «исторической памятью». Была поставлена задача создать имидж Японии, от которой больше не исходит милитаристская угроза (именно эта идея, например, была одной из основных в выдвинутой в 1977 г. азиатской доктрине Фукуда). По этой причине «мазохистский» взгляд на историю отнюдь не приветствовался на официальном уровне, поскольку привлекал «нездоровое» внимание к недавнему историческому прошлому и соответственно наносил ущерб светлому образу Японии. В этом заключалось отличие Японии от послевоенной Германии, которая позиционировала себя как государство, не являющееся преемником довоенного нацистского режима и потому не боящееся активно использовать идею активного отрицания собственного нацистского прошлого для создания своего имиджа за рубежом.

Другим отличием от Германии явилось то, что негативное в целом отношение в Японии к собственному милитаристскому прошлому сочеталось там с психологическим комплексом виктимности, т. е. ощущением собственного страдания, рождавшим на уровне массового сознания чувство психологического комфорта. Ничего подобного в послевоенной Германии не наблюдалось.

Существует несколько причин устойчивости комплекса виктимности, самопроизводившегося в нескольких послевоенных поколениях японцев. В период оккупации сами оккупационные власти США поддерживали тезис о нации-жертве с целью ослабить враждебность со стороны населения и повысить степень управляемости страной. Внедрение в широкое общественное сознание идеи о том, что японский народ сам стал жертвой милитаристского режима, позволяло провести четкую разграничительную линию между милитаристской кликой и пострадавшим от ее действий населением. Разнесение по разные стороны баррикад нации и государства логически подводило к заключению о том, что японский народ не может нести ответственность за преступные решения своих лидеров. В свою очередь, это способствовало укреплению легитимности оккупационного правле-

ния и создавало дополнительный барьер против возрождения милитаризма [4].

Комплекс виктимности подпитывался аргументами о том, что японский народ в период Второй мировой войны сам понес огромные жертвы и испытал неопишуемые страдания, а потому уже с лихвой окупил свои грехи. Из 74 млн населения Японской империи в ходе войны погибло около трех млн человек, в том числе около 800 тыс. мирных жителей. В ходе атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки погибло несколько сотен тысяч человек, а страдания «хибакуся» продолжались на протяжении многих послевоенных десятилетий. Практически все японцы хорошо знают и о ковровых бомбардировках Японии с воздуха американцами весны—лета 1945 года. Например, в результате бомбежки Токио 10 марта 1945 г. от бомб и вызванного ими пламени погибло около 100 тыс. жителей.

Помимо комплекса виктимности, повлияла на восприятие массовым сознанием итогов Второй мировой войны и либеральная политика американских оккупационных властей, которые, борясь с коммунистической угрозой, фактически пошли на сделку с тогдашним японским политико-бюрократическим истеблишментом, отказавшись от массовых чисток государственного аппарата по германской модели и полностью или частично освободив представителей этого истеблишмента от ответственности за сотрудничество с милитаристским режимом. Достаточно снисходительными к Японии были и условия Сан-Францисского мирного договора, по которым Япония практически полностью освобождалась от репараций.

Относительно мягкие, по сравнению с Нюрнбергским процессом, приговоры Токийского трибунала, наряду с восприятием японской вины во Второй мировой войне через призму собственной виктимности, давали многим японцам основания ощущать себя жертвой в не меньшей степени, чем страны Восточной Азии, пострадавшие от японской агрессии. Некоторые исследователи считают, что это явилось одной из причин того, что японцы не могли осознать до конца масштаб страданий, причиненных ими азиатским народам [5].

Комплекс виктимности поддерживался как трудами консервативных ученых, так и стараниями официальных властей, ко-

торые периодически ставили вопрос о необходимости усиления «патриотического воспитания» в стране. Особый упор делался на те факты истории Второй мировой войны, которые подтверждали тезис о несправедливом отношении к Японии со стороны стран коалиции. Широкое распространение получила теория о том, что Токийский трибунал являл собой «суд победителей», а его решения были изначально необъективны. Осужденные и казненные по решению трибунала военные преступники класса А, в соответствии с данной теорией, уже «искупили грехи» нации, а потому их канонизация в храме Ясукуни не представляет ни юридической, ни этической проблемы. Характерным в этом смысле является заявление министра финансов Ё. Нода, сделанное им в августе 2011 г., который сказал, что канонизированные в храме Ясукуни военные преступники класса А «больше не являются военными преступниками», поскольку они уже понесли должную ответственность судебным порядком (были помилованы, освобождены после отбытия тюремного срока или казнены) [6].

Интересно, что комплекс виктимности проявлялся и в отношениях Японии с Советским Союзом, а именно в подходе официального Токио к проблеме «северных территорий». Япония продолжала придерживаться позиции, что ялтинские соглашения, определившие судьбу Курил, были заключены за ее спиной, а потому именно она является пострадавшей стороной в территориальном конфликте с Москвой. Через призму виктимности воспринималось большинством японских историков и вступление СССР в войну против Японии в августе 1945 г. В этом факте многие японцы видели лишь свидетельство вероломства и величайшей несправедливости (вспоминается нарушение Москвой Пакта о нейтралитете), а вовсе не историческое событие, позволившее существенно ускорить конец Второй мировой войны. (Разительным контрастом было в этом плане отношение многих японцев к атомным бомбардировкам Японии американцами, которые воспринимались именно как подобное событие.) [7]

Виктимизированный менталитет японцев являет собой любопытный феномен. Казалось бы, виктимность должна порождать реваншизм, о чем свидетельствует исторический опыт Вей-

марской республики. Однако в реальности комплекс виктимности играл диаметрально противоположную роль на разных этапах послевоенной истории Японии. В первые послевоенные десятилетия виктимность скорее подпитывала пацифизм в общественном сознании, выступая своего рода политическим ресурсом для оппозиционно настроенных сил левой и центристской ориентации. Это не могла не учитывать и правящая партия, претендовавшая на роль общенациональной политической силы: даже при относительном преобладании в ЛДП мнения о необходимости пересмотра Конституции вопрос о внесении в нее поправок даже не был поставлен в политическую повестку дня.

В то же время начиная с конца 1970-х годов, когда набравшая экономическую мощь Япония стала все активнее позиционировать себя как держава регионального и даже глобального уровня, комплекс виктимности стал играть уже в пользу исторического ревизионизма, проявлениями которого стали призывы «подвести итоги» послевоенной политики, изменить конституцию, навязанную стране американцами, возродить полноценные вооруженные силы и стать «нормальным государством». Как отмечал профессор университета Кэйо Ё.Созя, «сочетание исторического ревизионизма и «активной дипломатии», ориентированной на западные ценности, является продуктом травмы сознания, нанесенной Японии в результате поражения в войне и последующего периода оккупации, которые, как считают многие, привели к феномену «недостаточной независимости» послевоенной Японии» [8].

Примечания

1. *Lawson Stephanie and Tannaka Seiko.* War memories and Japan's 'normalization' as an international actor: A critical analysis//European Journal of International Relations. 2011. No 17. P. 411.
2. *Onuma Yasuaki.* Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan // Berkeley Journal of International Law. 2002. No. 20. P. 601.
3. Подтверждением этому стала нарочито антияпонская линия пришедшей к власти в 2012 г. президента Республики Корея Пак Кын Хе, вы-

нужденной демонстрировать показную жесткость по отношению к Японии, чтобы избавиться от ярлыка дочери «предателя».

4. *Bukh A.* Japan's history textbook debate: National identity in narratives of victimhood and victimization // *Asian Survey*. 2007. No. 47(5). P. 690.

5. См., напр.: *Onuma Ysuki.* Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan // *Berkeley Journal of International Law*. 2002. No.20. P. 604.

6. Асахи симбун. 18.08.2011.

7. *Onuma Yasuaki.* *Op. cit.*

8. Japan as a 'Normal Country': a Nation in Search of its Place in the World / Ed. By Yoshihide Soeya, Masayuki Tadokoro and David A. Welch. University of Toronto Press, 2012. P. 78.

В. О. Кистанов

ТРЕУГОЛЬНИК РОССИЯ—ЯПОНИЯ—КИТАЙ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АБЭ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

В последние годы все более важным фактором политической обстановки в АТР, и прежде всего в Восточной Азии, становятся взаимоотношения в треугольнике Россия—Китай—Япония. Эти взаимоотношения требуют комплексного анализа как в сфере экономики, так и сфере безопасности. Но в настоящее время именно территориальные проблемы выходят на передний план в отношениях между тремя указанными странами.

Как известно, проблема территориального размежевания между Россией и Китаем к настоящему времени решена, и, можно надеяться, это сделано раз и навсегда. Однако территориальные проблемы в отношениях Японии как с Китаем, так и с Россией остаются неурегулированными и оказывают серьезное влияние на отношения между этими тремя ведущими акторами, как Северо-Восточной Азии, так и АТР в целом. Их урегулирование занимало большое место во внешней политике премьер-министра Синдзо Абэ в 2013 г. — первой половине 2014 г.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 14-27-09001 (тема исследования: «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии»).

Как очевидно, территориальный спор между Токио и Пекином по поводу принадлежности группы необитаемых островков Сэнкаку (по-китайски, Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море является наиболее острым. А в последние годы он приобрел беспрецедентный накал. В нем фактически сфокусировалось усиливающееся на глазах экономическое и военно-политическое соперничество двух азиатских гигантов: старого — Японии и нового — Китая.

Снижению уровня конфронтации двух стран не способствовала и смена в них администраций в конце 2012 года, когда Японию (повторно) возглавил Синдзо Абэ, а Китай — Си Цзиньпин. Наоборот, градус риторики и демонстративных действий с обеих сторон лишь возрос. Токио, встревоженный растущей экономической и военной мощью своего соседа, а также его наступательными акциями в отношении спорных островов, стремится всячески заручиться поддержкой различных стран в деле так называемого сдерживания Китая.

На сегодня единственным гарантом своей военной безопасности и территориальной целостности Япония считает США, с которыми она имеет соответствующий договор безопасности. В издаваемой японским МИД Голубой книге по дипломатии за 2013 г. прямо говорится, что Япония сталкивается с угрозами ее сухопутному, морскому и воздушному пространству, а также жизням ее граждан, поскольку китайские суда постоянно заходят в воды вокруг островов Сэнкаку в Восточно-Китайском море. В этих условиях, говорится в основополагающем внешнеполитическом документе страны, правительство полно решимости укреплять союз с Соединенными Штатами в качестве краеугольного камня политики национальной безопасности, так как усиление сдерживания является «неизбежным» [1].

Однако сам Вашингтон в отношении японского территориального спора с Китаем фактически ведет двойную игру. На встрече с председателем КНР Си Цзиньпином в Калифорнии в июне 2013 года президент Обама призвал своего визави к деэскалации территориального спора с Японией. Но при этом Обама сказал, что США занимают нейтральную позицию в отношении суверенитета над островами Сэнкаку, предложив китай-

ской стороне урегулировать территориальный спор с Японией посредством диалога.

Китай же в изданной в апреле 2013 г. Белой книге по обороне утверждает, что именно Япония создала проблему спорных островов [2]. А представитель МИД КНР заявил, что острова Дяоюйдао представляют собой «коренные интересы» Китая [3]. Поскольку ранее термин «коренные интересы» использовался Пекином лишь в отношении Тибета, Тайваня и Синьцзян-Уйгурского автономного района, японские эксперты оценили это заявление как намерение Китая не идти на какие бы то ни было уступки в территориальном споре с Японией.

Со своей стороны, Белая книга по обороне Японии за 2013 год отмечает, что отдельные китайские корабли и самолеты вторгались в территориальные воды и воздушное пространство Японии и предпринимали опасные действия, которые могли послужить причиной возникновения чрезвычайных ситуаций.

Что касается так называемого нейтралитета США относительно проблемы суверенитета над Сэнкаку/Дяоюйдао, то высокопоставленные американские деятели неоднократно заявляли, что указанные острова входят в сферу действия американо-японского договора безопасности. В подтверждение серьезности этих заявлений Токио и Вашингтон, несмотря на резкие протесты Пекина, провели в июне 2013 г. совместные военные учения в Калифорнии. По их легенде, подразделения Сил самообороны Японии во взаимодействии с Вооруженными силами США высаживались на острове, захваченном противником, и отбивали его обратно.

Понятно, что под «противником» подразумевается армия Китая, а под островом — архипелаг Сэнкаку/Дяоюйдао. Особую значимость акции придает то обстоятельство, что впервые в совместных учениях с США участвовали все три вида японских Сил самообороны: сухопутные, морские и военно-воздушные. Следует отметить, что учения лежат в русле нового оборонного курса Японии. Его цель состоит в усилении обороны цепи островов Нансэй, простирающихся от острова Кюсю до Тайваня и фактически перекрывающих выход Китая на просторы Тихого океана. Для этого, в частности, Токио намерен в ближайшем будущем обзавестись подразделениями морской пехоты и соот-

ветствующими десантными средствами по примеру американской армии.

Параллельно укреплению военного альянса с США ввиду наступательных действий Китая в отношении спорных островов Токио намерен заручиться военной поддержкой и ряда других стран АТР. С этой целью администрация Абэ в 2013 году регулярно направляла высокопоставленных представителей Сил самообороны в ряд стран Азии и Австралию. В число азиатских стран входят Вьетнам, Филиппины, Таиланд, Индия и Пакистан. Японские СМИ не скрывают, что усилия правительства в этом направлении вызваны растущей озабоченностью усиливающейся морской деятельностью Китая.

В плане политики «сдерживания Китая» особое место отводится Индии — еще одному растущему экономическому гиганту Азии, чья политическая роль на международной арене в последнее время также значительно увеличивается. Японское правительство рассматривает эту страну не только как экономический противовес Китаю, способный в определенной мере ослабить чрезмерную (и ставшую уже опасной) зависимость Японии от китайской экономики, но и как его военно-политический балансир. При этом японские политики делают ставку на схожую обеспокоенность Дели наращиванием военно-морской мощи Пекина, а также наличие собственного территориального спора между ними.

Сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии также рассматривается администрацией Абэ не только как важный фактор оживления переживающей трудности японской экономики, но и как способ ослабления территориального давления Китая на другие, соседние с ним, страны. Японские попытки организовать противодействие Китаю в рамках АСЕАН, сильно зависящей от Китая экономически, пока не увенчались успехом. Тем не менее, Токио придает большое значение двустороннему взаимодействию в военно-политической сфере с теми членами этой организации, которые имеют собственные территориальные конфликты с Китаем в Южно-Китайском море — прежде всего с Вьетнамом и Филиппинами.

По мнению японских экспертов, состоявшийся в марте 2014 г. визит в Японию президента Вьетнама Чыонг Тан Шанга,

помимо усиления экономического сотрудничества, также имел целью демонстрацию возможности координации действий Японии и Вьетнама в отношении территориальных проблем обеих стран с Китаем. То же самое можно сказать о визите в Токио в июне 2014 г. президента Филиппин Бенигно Акино. Япония намерена поставлять обеим странам крупные патрульные корабли и подготовить их экипажи для усиления военного потенциала этих стран в морском противостоянии с КНР.

В общем, страны ЮВА, несмотря на всю разнородность входящих в нее стран, все очевиднее рассматриваются Японией в качестве союзников в отношении так называемой китайской угрозы. Этот термин в последние годы прочно вошел в лексикон не только японских экспертов и политиков, но и официальные документы правительства Японии. В круг тихоокеанских стран, разделяющих идею «сдерживания Китая» в его территориальных спорах с соседними странами, Япония стремится привлечь и Австралию с Новой Зеландией.

В последнее время в экспертной среде, а также в СМИ Японии все активнее муссируется тема вовлечения России в глобальную систему антикитайских сдержек и противовесов, тщательно выстраиваемую Токио. Парадокс ситуации заключается в том, что японские аналитики усматривают в лице России, то есть страны, с которой у Японии нет формального мирного договора, соратника в борьбе с угрозой со стороны Китая — государства, с которым она имеет договор о мире и дружбе. Следует отметить, кстати, что конфликт вокруг Сэнкаку/Дяюйдао, фактически «похоронил» торжества, широко намечавшиеся в Японии и Китае на август 2013 г. в связи с 35-й годовщиной этого договора.

Основанием для российско-японского сближения, по мнению японцев, служит якобы усиливающаяся в России тревога по поводу растущей экономической и военной мощи Китая, а также наращивания его военно-морской деятельности, в том числе планами по освоению Северного морского пути. Эти факты, считают они, рассматриваются в России как «китайская угроза» на Дальнем Востоке в сфере как экономики, так и безопасности и заставляют Москву искать сближения с Токио для совместной нейтрализации этой «угрозы». Японские политоло-

ги полагают, что Япония, со своей стороны, должна воспользоваться такой обеспокоенностью Москвы в целях совместного противодействия Китаю.

На этот счет откровеннее других высказывается газета «Санкэй симбун», которая пишет: «Начиная с прошлого года в России стали появляться идеи о необходимости укрепления сотрудничества с Японией. Одна из причин этого заключается в чувстве тревоги по поводу действий Китая, который стремится к морской гегемонии» [4]. Та же газета в своем другом номере отмечает, что премьер-министр Японии намерен воспользоваться желанием России к сближению с Японией и улучшению отношений с ней в целях построения так называемой сети окружения Китая [5].

Правда, параллельно в Токио существуют собственные опасения по поводу координации действий Москвы и Пекина в их территориальных спорах с Японией. Более того, японские СМИ однозначно трактуют российско-китайское заявление, подписанное в ходе визита тогдашнего президента Д. Медведева в Пекин в сентябре 2010 г., как инструмент совместного давления России и Китая на Японию по поводу их территориальных конфликтов с ней. Либеральная газета «Асахи симбун» прямо утверждает: «Заявление можно интерпретировать как декларацию Китая и России о том, что они решили создать единый фронт в их спорах с Японией по поводу островов Сэнкаку и Северных Территорий (южных Курил. — В.К.), удерживаемых Россией с конца Второй мировой войны» [6].

Подтверждение своих предположений о тревоге Москвы по поводу «китайской угрозы» японские аналитики находят в факте создания новой переговорной структуры с участием министров иностранных дел и обороны России и Японии (2+2). О ней на апрельской встрече 2013 г. в Москве договорились Путин и Абэ. Рупор японских деловых кругов, газета «Нихон кэйдзай симбун» прямо пишет: «Такие факторы нестабильности, как военное усиление Китая и проблема ядерных вооружений Северной Кореи, представляют собой общую угрозу и для Японии, и для России, и в этих условиях запуск переговоров в формате «2+2» является большим шагом вперед» [7]. Правда, необходимо подчеркнуть, что российская сторона еще до начала первого ра-

унда российско-японских переговоров в формате «2+2» в ноябре 2013 года в Токио официально заявила, что она не намерена обсуждать на нем «китайский вопрос».

Следует также отметить, что, делая ставку на якобы существующую обеспокоенность Москвы по поводу «китайской угрозы», японские эксперты надеются на уступки от нее в территориальном споре с Токио в отношении южных Курил как условие сближения России с Японией на антикитайской основе.

Логика необходимости нивелирования российско-японского территориального спора на фоне японо-китайского островного конфликта просматривается в комментарии газеты Japan Times. Она пишет: «Администрация Абэ, которая переживает лобовое столкновение с Китаем по поводу суверенитета над Сэнкаку, делает упор на формирование отношений сотрудничества с соседними странами. Поэтому она не может позволить себе быть вовлеченной в длительные переговоры (с Россией. — В.К.) для решения территориального спора» [8]. Видимо, это и есть один из главных японских мотивов ускорения переговоров о заключении мирного договора между Россией и Японией, о котором (ускорении) договорились Путин и Абэ в Москве во время визита японского премьер-министра в Москву в апреле 2013 г.

А газета «Санкэй симбун», со своей стороны, выражает тревогу, что в условиях улучшения российско-китайских отношений, с одной стороны, и ухудшения японо-китайских — с другой, Пекин пойдет на дальнейшее сближение с Москвой. Газета задаётся вопросом: «Как далеко администрация Абэ сможет вклиниться между Китаем и Россией, которые координируют свои шаги?» [9].

В общем можно полагать, что в настоящее время премьер-министр Абэ надеется добиться если не прорыва, то хотя бы каких-то позитивных для Японии подвижек именно на российском направлении в территориальных спорах с соседями. Определенную надежду ему на это дают заявления российского президента В.Путина о готовности искать взаимоприемлемое решение территориальной проблемы в отношениях между Россией и Японией и даже необходимости стремления в нем к некоей ничьей.

Эти заявления резко контрастируют с категорическим отказом Пекина и Сеула обсуждать их собственные территориальные споры с Токио. Таким образом, японское руководство хотело бы облегчить тяжелое бремя территориальных споров сразу с тремя соседними странами, включая Южную Корею. С ней, как известно, Япония спорит по поводу суверенитета над островами Токто (по-японски, Такэсима).

Судя по всему, этой цели было подчинено и демонстративное присутствие премьер-министра Абэ на открытии Олимпийских игр в Сочи на фоне отказа ряда западных лидеров приехать туда. Как откровенно писала «Санкэй симбун», обратной стороной укрепления отношений Японии с Россией является стратегическая цель продемонстрировать дружеские отношения с ней в целях сдерживания возвышающегося Китая [10].

Вместе с тем крупнейшая японская газета «Ёмиури симбун» высказывает сомнения по поводу успеха «олимпийской дипломатии» Абэ. Газету тревожит тот факт, что накануне встречи руководителей России и Японии в Сочи российский президент встретился там же с председателем КНР Си Цзиньпином.

На встрече оба лидера подтвердили, что в 2015 г., когда исполняется 70-я годовщина окончания Второй мировой войны, обе страны будут совместно проводить юбилейные мероприятия, посвященные победе в этой войне. Статья призывает Японию осознать, что Пекин и Москва действуют скоординированно по проблемам, касающимся истории Японии. А «Санкэй симбун», со своей стороны, считает, что Японии и дальше предстоит «перетягивание каната» с Китаем с целью привлечения России на свою сторону в политических конфликтах между двумя странами [11].

Таким образом, судя по всему, Япония весьма заинтересована в поддержании неконфронтационных отношений с Россией в виду прогнозируемого дальнейшего ужесточения политики Пекина в отношении Токио по территориальному и другим вопросам. Именно в таком ракурсе японские аналитики рассматривают итоги прошедшей в марте 2014 г. в китайской столице очередной сессии Всекитайского собрания народных представителей. Так, газета «Ёмиури симбун» цитирует слова министра иностранных дел Китая Ван И по поводу отношений с Японией, сказан-

ные им на пресс-конференции во время проведения указанной сессии: «По двум принципиальным проблемам — истории и территориям — нет места для компромиссов» [12].

Очевидно, однако, что как бы ни складывались отношения между Японией и Китаем, Россия заинтересована в том, чтобы иметь на своих дальневосточных границах в их лице страны, с которыми она могла бы строить равнозначно добрососедские, взаимовыгодные отношения в сфере экономики, обеспечения безопасности и других областях. Ее интересам, как и интересам всего региона, отвечало бы также снижение напряженности в отношениях между Токио и Пекином и решение сложных проблем между ними, включая территориальную, на основе конструктивного диалога.

Геополитическая логика диктует России проведение политики равноудаленности в отношении Японии и Китая. Однако такие события 2014 года, как воссоединение Крыма с Россией и развитие ситуации вокруг Украины, вносят коррективы в указанную логику.

В настоящий момент японские СМИ активно включились в развернутую на Западе ожесточенную кампанию критики и осуждения России за воссоединение с Крымским полуостровом. Причем дело доходит до того, что некоторые комментаторы проецируют ситуацию вокруг Крыма на территориальный спор по поводу южных Курил. Так, заместитель главного редактора газеты «Санкэй симбун» прямо пишет, что население оккупируемых (так в тексте. — В.К.) Россией северных территорий (так в Японии именуют южнокурильские острова) сейчас составляют русские. И если в результате трудных переговоров Япония восстановит свой суверенитет над четырьмя островами, то по примеру Крыма России потом якобы будет нетрудно найти предлог для вторжения [13].

Однако японское правительство оказалось в сложном положении. Ему приходится искать золотую середину между желанием сохранить накопленный к настоящему времени позитив в отношениях с Россией, с одной стороны, и демонстрацией лояльности своему главному и единственному военно-политическому союзнику — Соединенным Штатам — с другой. Последнее особенно важно для Токио ввиду все той же пресловутой

«китайской угрозы». К тому же Токио, в отличие от тех же США, весьма сильно нуждается в российских энергоресурсах, прежде всего в связи с фактическим замораживанием своей атомной энергетики после аварии на атомной электростанции «Фукусима-1» в марте 2011 г.

Попытки Токио в кризисе вокруг Крымского полуострова пройти между Сциллой и Харибдой просматриваются в том факте, что на фоне заявления о принятии санкций Японии в отношении России в японской столице в марте 2014 г. успешно прошел очередной российско-японский инвестиционный форум. Да и сами санкции носят больше символический характер: приостановка переговоров о смягчении визового режима с Россией и отмена намечавшихся переговоров по инвестициям, а также о сотрудничестве в военной сфере и в освоении космоса. В конце 2014 года Япония запретила экспорт в Россию военных технологий, а также технологий двойного назначения. Кроме того, ряду российских ведущих банков было отказано в деятельности на японских финансовых рынках. Однако Япония никогда не экспортировала указанные технологии в Россию, а российские банки не вели никакой деятельности на финансовых рынках Японии.

Следует также отметить тот факт, что в рамках санкций Токио вслед за Вашингтоном объявил 23 высокопоставленных деятелей России не въездными в Японию. Список не опубликован, однако в начале июня в Японии побывал спикер верхней палаты российского парламента Нарышкин, который входит в аналогичный американский список. Он открыл фестиваль российской культуры в Японии. Тем самым, как считают некоторые японские аналитики, премьер-министр Абэ демонстрирует американцам определенную самостоятельность в политике Японии в отношении России.

Вместе с тем нельзя исключать дальнейшего ужесточения позиции Японии в отношении действий России в ситуации вокруг Крыма. В своем выступлении в парламенте 19 марта Абэ впервые резко осудил Россию, заявив о неприемлемости попыток изменения статус-кво с помощью угрозы применения силы. Правда, некоторые комментаторы считают, что это заявление

имеет двойное назначение: оно адресовано также Китаю по поводу его действий вокруг островов Сэнкаку.

С такой же резкой формулировкой японский премьер-министр выступил на пресс-конференции во время ядерного саммита «семерки» в Гааге в марте 2014 г. Однако заявление тут же было смягчено генеральным секретарем кабинета министров Ёсихидэ Суга, который на пресс-конференции в Токио, в частности, сказал, что принятые в Гааге решения не означают, что России навечно исключают из «восьмерки». Тем не менее, вполне вероятно, что впредь под нажимом Вашингтона и Брюсселя Токио будет более активно координировать свои действия с ними в плане «наказания» Москвы в рамках «семерки». Этому будут способствовать и опасения Токио по поводу того, что если дескать «не наказывать» Москву за Крым, то это может побудить Китай по примеру России силой отобрать у Японии острова Сэнкаку/Дяоюйдао. Именно эта тема преобладала на встрече Абэ с американским президентом Обамой в апреле 2014 г. в Токио.

Крымская ситуация порождает для японского правительства и дилемму в отношении непосредственно территориального спора с Россией. С одной стороны, как считают некоторые японские эксперты, перспективы изоляции Москвы могут побудить ее к уступкам в этом споре. А с другой — действия России в Крыму, полагают они, могут развеять все иллюзии относительно готовности Путина передать Японии какие-либо спорные острова, входящие в Северные территории.

Влиятельный английский журнал «Экономист» в статье о российско-японских отношениях под характерным названием «Конец романа» однозначно придерживается второй точки зрения. Он пишет без всяких обиняков: «В настоящее время, по крайней мере, Япония может безопасно присоединиться к западным финансовым санкциям против России, не испытывая страха за собственные источники энергии. ... Но господин Абэ определенно может поцеловать на прощание свои амбиции подписать мирный договор. Сейчас еще менее похоже, что господин Путин уступит какие-либо территории. Единственным позитивным следствием этого является то, что теперь еще больше будет оказываться давления на господина Абэ, чтобы он смяг-

чил напряженные отношения с другими важными соседями, Южной Кореей и Китаем» [14].

Английскому журналу вторит «Санкэй симбун», которая полагает, что приостановка «семеркой» участия России в саммитах «восьмерки» неизбежно окажет влияние на переговоры о Северных территориях. Газета указывает на то, что премьер-министр Абэ испытывает сильное желание решить территориальную проблему во время своего премьерского срока, однако, если Японии индивидуально пойдет на сближение с Россией, то это нарушит единство действий «семерки». Японская газета полагает, что над территориальными переговорами опять сгущаются тучи [15].

В любом случае, очевидно, что сценарий дальнейшего развития отношений между Россией и Японией во многом зависит от позиции Токио в ситуации вокруг Крыма. Как писала газета Japan Times, Японии предстоит пройти по тонкой дипломатической линии, которая признает интересы России на Украине без согласия на расчленение суверенного государства. Этот акт балансирования, по мнению газеты, только начинается [16].

Как представляется, между двумя вышеуказанными балансами существует определённая взаимозависимость: чем больше Токио будет склоняться в сторону Вашингтона и Брюсселя, тем сильнее Москва будет сближаться с Пекином. Поиски Москвой баланса между Пекином и Токио нашли отражение в том факте, что на празднование 70-летия окончания Второй мировой войны Россия направила приглашение как премьер-министру Японии Синдзо Абэ, так и председателю КНР Си Цзиньпину. По сведению газеты «Никкэй», пока не решено, примет ли приглашение Абэ в свете продолжающихся санкций Японии в отношении Москвы по поводу кризиса на Украине. Как сообщают источники «Никкэй», Абэ будет тщательно взвешивать целесообразность посещения церемонии, держа в голове его возможные последствия для запланированного визита Путина в Японию и усилия по поиску решения долгосрочной двусторонней территориальной проблемы [17].

В связи с событиями на Украине и введением санкций Токио в отношении России японская сторона сделала ряд последовательных заявлений относительно указанного визита, по-

родивших сомнения в готовности Абэ принять Путина в 2014 г. Ситуация прояснилась, когда Путин и Абэ в ходе личной встречи на полях саммита АТЭС в Пекине в ноябре указанного года договорились все же осуществить визит в 2015 г.

Судя по всему, российское руководство приняло решение о продолжении политических контактов с Японией, в том числе на высшем уровне, принимая во внимание то обстоятельство, что ее экономические санкции не наносят реального ущерба России и являются ничем иным, как попыткой Токио найти сбалансированную позицию, в своих отношениях с Москвой и Вашингтоном. Со своей стороны, Москва заинтересована в поддержании нормальных отношений со своим дальневосточным соседом и третьей экономикой мира в условиях чувствительных экономических санкций Запада.

Можно полагать, что визит, если он все же состоится, поможет сохранить тот позитив в российско-японских отношениях, который был накоплен с момента официального посещения японского премьер-министра России в апреле 2013 г. и во многом благодаря налаженным личным отношениям Путина и Абэ. Для японского лидера это особенно важно в условиях неспадаящей конфронтации Японии с остальными соседями по Северо-Восточной Азии.

Несомненно, при принятии решения о визите Абэ в Москву японской стороной будет приниматься во внимание и возможность осуществления там желанной для японского премьер-министра встречи с руководителями Китая, Южной Кореи и особенно Северной Кореи, которые также получили приглашение на указанную церемонию.

Конечно, перед Абэ, который считается ярко выраженным правоконсервативным деятелем, стоит непростая политико-психологическая задача — совместить кажущиеся несовместимыми вещи. С одной стороны, свою склонность к переоценкам военного прошлого Японии, а с другой — присутствие на торжествах по случаю 70-й годовщины окончания войны, в которой его страна потерпела сокрушительное поражение.

Однако японский премьер уже демонстрировал свою способность к неординарным внешнеполитическим поступкам: выступив 7 февраля 2014 г. на центральном японском митинге

с требованием вернуть «северные территории» (южные Курилы), Абэ в тот же день прилетел на открытие зимней Олимпиады в Сочи, причем на фоне игнорирования этого мероприятия другими лидерами ведущих стран Запада. К тому же имеется прецедент, когда в 2005 г. на полувековую годовщину окончания Второй мировой войны в Москву приезжал еще более консервативный премьер-министр — Дзюньитиро Коидзуми.

Примечания

1. Цит. по: Japan Times. 06.04.2013.
2. Цит. по: Ёмиури симбун. 22.04.2013.
3. Цит. по: Japan Times. 27.04.2013.
4. Санкэй симбун. 08.02.2103.
5. Там же. 07.02.2013.
6. Асахи симбун. 04.01.2011.
7. Нихон кэйдзай симбун. 01.05.2013.
8. Japan Times. 11.01.2013.
9. Санкэй симбун. 19.12.2012.
10. Там же. 11.02.2014.
11. Там же.
12. Цит. по: Ёмиури симбун. 16.03.2014.
13. Санкэй симбун. 22.03.2014.
14. URL: <http://www.economist.com/blogs/banyan/2014/03/japans-relation-s-russia?zid=306&ah=1b164dbd43b0cb27ba0d4c3b12a5e227>
15. Санкэй симбун. 26.03.2014.
16. Japan Times. 03.03.2014.
17. Nikkei. 29.12.2014.

В. А. Гринюк

ЯПОНИЯ—КНДР: ПОПЫТКА ВОЗОБНОВИТЬ ДИАЛОГ

Заметным событием внешнеполитической жизни Японии и КНДР в 2014 г. стала попытка руководства двух стран возобновить двусторонний диалог.

Спустя 104 года после аннексии Кореи Японией и почти 70 лет после окончания Второй мировой войны дипломатические отношения между Японией и КНДР отсутствуют. Одним из основных препятствий к налаживанию нормальных связей Японии с соседним государством является, наряду с ядерной и ракетной программами КНДР, проблема похищений японских граждан спецслужбами Северной Кореи, имевших место в конце 1970-х — начале 1980-х годов.

Руководство Японии считает эту проблему одним из наиболее серьезных внешнеполитических вопросов. В 2006 г. в рамках канцелярии кабинета министров Японии было учреждено бюро, занимающееся проблемой похищений (с января 2013 г. Штаб-квартира по борьбе с проблемой похищений, возглавляемая премьер-министром). Существует пост министра по делам похищенных (сейчас его возглавляет Кэйдзи Фуруя). Правительство Японии проводит в стране и за рубежом широкую информационно-пропагандистскую работу по теме похищений (лекции, выставки, трансляции радиопередач на КНДР). Японские представители поднимают эту проблему на международных форумах, в том числе на встречах лидеров G-8 и в ООН [1].

В конце 1970-х — начале 1980 годов в прибрежных районах Японии имели место исчезновения людей. Японская полиция заподозрила в похищениях северокорейскую разведку, но власти КНДР долгое время упорно отрицали свою причастность к пропажам японских граждан. Наконец, в ходе состоявшегося 17 сентября 2002 г. визита в КНДР премьер-министра Японии Дз. Коидзуми северокорейский лидер Ким Чен Ир признал факты тайного пленения японцев и японок агентами северокорейских спецслужб и принёс свои извинения японской стороне. В подписанной руководителями двух государств во время двусторонней встречи на высшем уровне Пхеньянской декларации по поводу трагедии похищений говорилось: «Корейская Народно-Демократическая Республика подтвердила, что примет надлежащие меры, чтобы достойные сожаления проблемы, порождённые в обстановке отсутствия нормальных японо-корейских отношений, впредь не возникали» [2]. Пхеньянская декларация предусматривала мораторий КНДР на запуски баллистических ракет на период после 2003 г., а также оказание Японией экономической помощи Северной Корее. В целом этот документ мог служить отправной точкой для нормализации отношений между Токио и Пхеньяном.

Однако сближения Японии и КНДР не произошло. Проблемы возникли уже на этапе выяснения обстоятельств похищений.

В период с 28 сентября по 1 октября 2002 г. северокорейские власти давали объяснения японским следователям, специально прибывшим в КНДР для расследования похищений. По словам представителей Пхеньяна, начало драме положил инцидент 15 сентября 1977 г., когда в г. Ниигата 13-летняя школьница Мэгуми Ёкота была выкрадена северокорейским разведчиком и доставлена в КНДР на специальном катере. Северокорейские официальные лица объясняли, что их оперативник в том эпизоде действовал самовольно, без санкции руководства, что он решил на похищение девочки из-за того, что ему грозило разоблачение. После этого у руководителей спецслужбы КНДР возникла идея убеждать взрослых японцев и японок тайно покидать родину, или похищать их, чтобы затем использовать в качестве преподавателей японского языка и инструкторов в северокорей-

ских разведывательных школах. Спецслужбы КНДР были также заинтересованы в получении подлинных документов японских граждан для легализации своих агентов в Японии. С июня 1977 г. по июль 1983 г. северокорейские оперативники тайно вывезли морским путём из Японии в КНДР девять мужчин и женщин. Сотрудники другого разведывательного органа КНДР, действовавшего в Западной Европе, также ввезли в КНДР троих взрослых японских граждан из Испании и Англии.

Таким образом, по утверждениям северокорейской стороны, в КНДР были тайно ввезены в общей сложности 13 японцев и японок, из них восемь человек были похищены северокорейскими агентами, а пятерых доставили в КНДР с их собственного согласия [3]. Притом, как уверяли представители Пхеньяна, два высокопоставленных сотрудника северокорейских спецслужб, непосредственно отвечавшие за операции похищения японских граждан, были в 1998 г. осуждены в КНДР за злоупотребление служебным положением и за другие нарушения закона: Чан Бон Лим был приговорён к смертной казни, а Ким Сон Чоль — к тюремному заключению сроком 15 лет [4].

Северокорейские представители заявили, что из 13 тайно ввезённых в КНДР японских граждан в живых остались 5 человек, а 8 умерли при различных обстоятельствах.

Но у японской стороны другой счёт. Первоначально в Токио полагали, что в общей сложности северокорейские разведчики увезли в КНДР 15 японцев и японок, что никто из них не давал согласия на переезд в Северную Корею, все были похищены. Позднее в список предполагаемых жертв похищений японская сторона внесла ещё два имени, и сегодня список насчитывает 17 человек. Кроме того, имеется список так называемых «особых пропавших без вести». Эти лица пока не признаны японским правительством в качестве похищенных Северной Кореей, но в отношении их нельзя исключать такую возможность [5].

15 октября 2002 г. специальным авиарейсом из КНДР в Японию прибыли две супружеские пары, Тимура и Хасукэ, а также Сога Хитоми — пятеро здравствующих из числа пленников. Однако их воссоединение с родственниками, остававшимися на тот момент в КНДР, надолго задержалось.

Между японской и северокорейской сторонами было согласовано, что освобождённые пленники после посещения Японии возвратятся в КНДР, чтобы совместно с властями Северной Кореи окончательно решить вопрос о месте постоянного жительства их самих и их близких. Однако японская сторона в нарушение достигнутой ранее договорённости объявила, что пятеро прибывших в Японию граждан уже не вернутся в Северную Корею. При этом было проигнорировано стремление этих людей вернуться в КНДР в силу беспокойства о своих детях. Официальные лица отзывались о таком стремлении, как о «результате промывания мозгов, которому данные люди подвергались в Северной Корее на протяжении десятилетий» [6]. Японское правительство в ультимативной форме потребовало от северокорейских властей немедленной передачи родственникам ранее вернувшихся на родину соотечественников. В это время заместитель генерального секретаря кабинета министров Японии Синдзо Абэ, который по поручению премьер-министра Дз. Коидзуми занимался проблемами похищений, допускал неуважительные по отношению к северокорейским властям высказывания. Он говорил, что «у Японии есть достаточно продовольствия и нефти, а Северная Корея не сможет прожить зиму из-за дефицита самого необходимого», что она вот-вот «затрещит по швам» [7].

Визит премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в Пхеньян 17 сентября 2002 г. и подписание с северокорейскими партнёрами Пхеньянской декларации были итогом длительных негласных переговоров японских и северокорейских представителей. Подписание такого важного документа стало возможным не только благодаря настойчивости и профессионализму японских дипломатов. Нужно оценить также решимость и добрую волю северокорейского руководства. Оно признало факты похищений японских граждан, хотя прежде упорно их отрицало. Беспрецедентные шаги Ким Чен Ира говорили о его серьёзном намерении отойти от сложившейся в период холодной войны практики отношений КНДР с внешним миром и о желании установить нормальные межгосударственные связи с Японией. Казалось, что до установления дипломатических отношений между Японией и КНДР осталось всего несколько шагов.

Однако вскоре события приняли неблагоприятный оборот. 19 сентября 2002 г. организация «Сукуукай» («Национальная ассоциация спасения японцев, похищенных Северной Кореей», основанная в декабре 1997 г.) выступила с заявлением, в котором ставилась под сомнение предоставленная северокорейской стороной информация о смерти восьми из похищенных соотечественников. Авторы заявления порицали японское правительство за то, что оно передало родственникам этих людей непроверенную информацию о смерти пленников. «Сукуукай» высказала предположение, что эти выкраденные люди живы и всё ещё удерживаются северокорейскими властями [8]. Упомянутое заявление «Сукуукай» способствовало росту известности этой организации и вызвало у японцев новую волну недоверия и враждебности в отношении Северной Кореи. Активную пропаганду против Северной Кореи развернула также «Кадзокукай» («Национальная ассоциация семей японцев, похищенных Северной Кореей», созданная в марте 1997 г.) Обе организации призывали японское правительство оказывать максимальное давление на руководство КНДР. Кацуми Сато, руководитель Исследовательской группы по изучению КНДР и основатель «Сукуукай», писал, что Япония должна проводить операции, которые вели бы к подрыву режима Ким Чен Ира изнутри [9]. Японские СМИ повторяли доводы экстремистов и муссировали тему похищений.

Развернувшаяся в СМИ Японии кампания обвинений в адрес КНДР, а также нарушение японскими властями предварительной договорённости о возвращении в Пхеньян освобождённых японских пленников для окончательного определения их собственной судьбы и будущего их близких, вызвали резкое противодействие Северной Кореи. Пхеньян долго не давал согласия на переезд в Японию родственников похищенных.

Японскому МИДу пришлось предпринять новые активные усилия для возобновления диалога с северокорейской стороной. Была подготовлена новая встреча лидера КНДР Ким Чен Ира с премьер-министром Японии Дз. Коидзуми. 22 мая 2004 г. состоялся его повторный визит в Пхеньян. Во время переговоров Ким Чен Ира с Дз. Коидзуми руководитель КНДР дал обещание «провести новое тщательное расследование «с чистого листа»» в отношении тех десяти японских граждан, которых в Япо-

нии считают похищенными. Это означало изменение прежней позиции Пхеньяна, настаивавшего на том, что проблема похищений исчерпана.

Прямым результатом повторного визита Дз. Коидзуми в Пхеньян стал приезд в Японию до конца 2004 г. всех родственников тех пятерых похищенных граждан Японии, которые в 2002 г. вернулись на родину. В качестве ответного жеста доброй воли премьер-министр Японии объявил о предоставлении КНДР продовольственной и гуманитарной помощи (250 тыс. тонн кукурузы и риса, медикаментов стоимостью 10 млн долл.) [10].

Большинство японцев положительно отнеслись к визиту премьер-министра Дз. Коидзуми в КНДР в мае 2004 г. Опрос, проведённый газетой «Ёмиури», показал, что визит одобрили 72 % опрошенных [11]. Однако глубоко укоренённое взаимное недоверие между Японией и КНДР мешало урегулированию трагической проблемы. Национальная ассоциация семей японцев, похищенных Северной Кореей («Кадзокукай») расценила итоги визита как «наихудшие из возможных», так как северокорейская сторона не представила исчерпывающей информации о похищенных [12].

По настояниям Токио в ноябре 2004 г. состоялись встречи японских представителей с членами «следственной комиссии», сформированной по распоряжению Ким Чен Ира. Северокорейская сторона передала представителям Токио «вещественные доказательства» смерти пленников: «останки» Мэгуми Ёкота (похищенной в 1977 г. в г. Ниигата школьницы, которая, по утверждениям северокорейской стороны, в 1993 г. покончила с собой во время лечения в психиатрической клинике в Пхеньяне), и её историю болезни. Представители Пхеньяна предоставили японской стороне также копии судебных дел сотрудников северокорейских спецслужб, осуждённых за превышение должностных полномочий в связи с похищениями, и протоколы ДТП, в котором якобы погибли двое из похищенных японцев — Каору Мацуки и Яэко Тагути.

Проверки «останков» с использованием анализа ДНК, проведённые в японском Университете Тэйкё и Национальном исследовательском институте полиции, показали, что предоставленные северокорейской стороной фрагменты костей принадле-

жали не М. Ёкота, а другому человеку. (Вместе с тем имелись указания независимых специалистов на то, что экспертиза указанных материалов в японских учреждениях была проведена дилетантски, и её результаты содержали противоречия.) [13] Кроме того, японских следователей не удовлетворили и полученные из КНДР документы. «История болезни М. Ёкота» содержала записи о других людях, в копиях уголовных дел сотрудников спецслужб большие фрагменты текста были вымараны, и эти бумаги не давали возможности установить, в какой мере осуждённые были причастны к похищениям. Тексты протоколов автомобильных аварий были неполными и не могли служить подтверждением гибели К. Мацуки и Я. Тагути. В целом, как подчёркивалось в докладе, опубликованном японским правительством 24 декабря 2004 г., северокорейская сторона не смогла представить весомых доказательств смерти восьми похищенных японских граждан. По мнению японского правительства, отсутствовали и убедительные подтверждения того, что спецслужбы КНДР не причастны к исчезновению в сентябре 1977 г. 52-летнего Ютака Кумэ из префектуры Исикава и к пропаже без вести в августе 1978 г. в префектуре Ниигата 46-летней Миёси Сога (эти двое также входят в японский список предположительно похищенных лиц) [14]. Исходя из этих выводов, японское правительство последовательно занимает позицию, что все до сих пор не возвращённые на родину похищенные японские граждане живы и всё ещё насильственно удерживаются властями КНДР.

Пхеньян выступил с резким протестом против заявления японского правительства от 24 декабря 2004 г. Спустя один месяц правительство КНДР направило официальному Токио меморандум, в котором потребовало от японского правительства «возвратить останки и документы в их первоначальном состоянии, провести тщательную проверку, установить истину о подделке (японской стороной) результатов анализа и строго наказать виновных в фабрикации» [15].

После ожесточённого спора между Токио и Пхеньяном по поводу подлинности материалов и документов, предоставленных северокорейской стороной в конце 2004 г., в японо-северокорейских контактах наступила пауза.

Двусторонние переговоры по проблемам похищений японских граждан, о нормализации отношений между двумя государствами и вокруг ядерных и ракетных программ КНДР состоялись в Пекине 4—8 февраля 2006 г. Токио потребовал незамедлительно возратить на родину всех оставшихся в живых похищенных японских граждан, тщательно расследовать обстоятельства похищений, а также передать японским властям трёх поимённо названных японскими представителями непосредственных исполнителей преступлений. Северокорейская сторона повторила ранее сделанное заявление, что все выжившие жертвы похищений уже вернулись на родину. Она отказалась выполнить требования оппонентов и в свою очередь осудила действия японских неправительственных организаций, которые, действуя с территории КНР, помогают гражданам КНДР бежать из своей страны. Дипломаты Пхеньяна потребовали выдачи семерых японцев — руководителей и активистов этих НКО как лиц, нарушивших Уголовный кодекс КНДР [16]. Таким образом, правительство Дз. Коидзуми не смогло решить проблему похищений.

Пришедший ему на смену 20 сентября 2006 г. правительственный кабинет Синдзо Абэ также не добился успеха. В марте 2007 г. в г. Ханое и в сентябре того же года в г. Улан-Баторе состоялись заседания рабочей группы для нормализации японо-северокорейских отношений. Они не принесли результатов. Японская сторона повторила свои требования, а северокорейские представители подтвердили свою прежнюю позицию, что проблема похищений уже решена [17].

При следующем японском правительстве — кабинете Я. Фукуда, в июле 2008 г. в Пекине состоялись японо-северокорейские рабочие консультации. Японская сторона вновь выдвинула прежние требования и вместе с тем дала понять, что если КНДР предпримет конкретные действия по разрешению проблемы, то Япония частично приостановит действие санкций, введённых в отношении Пхеньяна. Эти санкции включают запрет на поездки людей из Японии в Северную Корею и из Северной Кореи в Японию, ограничения на ввоз валюты из Японии в КНДР, на заходы северокорейских судов в порты Японии и на чартерные авиарейсы из Японии в КНДР. В результате северокорейская

сторона изменила прежнюю позицию (проблема уже решена) и пообещала провести новое расследование.

Японо-северокорейские рабочие консультации были продолжены в августе 2008 г. в г. Шеньяне (КНР). Однако 4 сентября от северокорейской стороны пришло извещение, что в связи с внезапной сменой правительства в Японии (уходом в отставку премьер-министра Я. Фукуды) начало расследования откладывается до тех пор, пока не выяснится, как новое правительство будет действовать в отношении достигнутых договорённостей [18].

Во время пребывания у власти в Японии следующего правительства ЛДПЯ, возглавляемого Т. Асо (сентябрь 2008 — август 2009 г.) дипломатических контактов между представителями Японии и КНДР не было.

После победы Демократической партии Японии на парламентских выборах 30 августа 2009 г. и формирования правительства демократов в Японии возникли надежды на решение проблемы похищений и на прогресс в деле налаживания отношений с КНДР. Премьер-министр Ю. Хатояма и другие представители правящей Демократической партии сделали ряд заявлений и предприняли некоторые шаги, которые можно было рассматривать как примирительные в отношении северокорейских партнёров. Однако эти надежды не оправдались. Помимо прочего на это повлияло и обострение отношений между РК и КНДР. После потопления южнокорейского корвета «Чхонан» 26 марта 2010 г. и обстрела артиллерией КНДР южнокорейского острова Ёнпхёндо 23 ноября 2010 г. Токио солидаризовался с Сеулом, поддержав его обвинения в адрес Пхеньяна.

Вместе с тем именно в период пребывания у власти демократов японские и северокорейские дипломаты негласно провели предварительную подготовительную работу, заложившую основу для последующих переговоров. В это время обсуждались вопросы перенесения в Японию останков японцев, умерших в Корее в конце и по окончании войны на Тихом океане, а также возможность посещения могил японцев в КНДР их родственниками из Японии. В августе 2012 г. состоялась встреча представителей Красного Креста двух стран [19]. В ноябре 2012 г. в Улан-Баторе состоялись межправительственные консультации

на уровне руководителей управлений дипломатических ведомств Японии и КНДР. В их ходе был проведён углублённый обмен мнениями по проблеме похищений. Второй раунд консультаций был назначен на 5—6 декабря, однако встреча была отменена по инициативе Токио в связи с запуском Северной Кореей 1 декабря 2012 г. баллистической ракеты (запуск искусственного спутника Земли по версии КНДР) [20].

Тем не менее попытки налаживания японо-северокорейского диалога продолжались, и не только в дипломатической плоскости. Проблема похищений имеет очень трагичное человеческое измерение. Родители, братья и сёстры похищенных японских граждан стареют, так и не воссоединившись с родными. Отцу похищенной девочки Мэгуми Ёкота Сигэру в этом году исполнился 81 год, матери Сакиэ 78 лет. 12 лет назад стало известно, что их дочь Мэгуми в КНДР была замужем за бывшим гражданином РК, похищенным северокорейской разведкой из Южной Кореи, и родила дочь. При возвращении в Японию в октябре 2002 г. пятерых похищенных граждан, Сигэру и Сакиэ Ёкота были переданы фотографии их пятнадцатилетней внучки Ким Ун Гён и сообщение о её желании встретиться с бабушкой и бабушкой. Власти КНДР по дипломатическим каналам передали в Токио о готовности организовать встречу Ким Ун Гён с четой Ёкота в КНДР. Известие о существовании внучки вызвало у четы Ёкота большую радость. Вместе с тем они с опаской отнеслись к перспективе визита в Северную Корею — боялись провокации корейских властей, которые, по мнению японской стороны, могли использовать встречу родственников для закрепления версии о смерти Мэгуми Ёкота [21].

Премьер-министр Синдзо Абэ во избежание возможных провокаций хотел организовать свидание четы Ёкота с их внучкой в «третьей стране». Воспользовавшись визитом в Японию президента Монголии Цахиагийн Элбэгдоржа в сентябре 2013 г., Синдзо Абэ попросил его о содействии в проведении такого свидания в Монголии. Начиная с января 2014 г. чиновники японского МИДа выезжали в Ханой и Гонконг для тайных встреч с руководителями Министерства государственной безопасности КНДР, в ходе которых обсуждались детали свидания родственников [22].

Во второй декаде марта 2014 г. супруги Ёкота провели в Улан-Баторе три счастливых дня вместе с внучкой Ким Ун Гён, её мужем и дочерью. Это свидание способствовало формированию благоприятной атмосферы для продолжения контактов между дипломатами двух стран. Спустя неделю в г. Шеньяне (КНР) начались японо-северокорейские межправительственные консультации на уровне руководителей отделов дипломатических ведомств Японии и РК. В конце марта было согласовано повышение уровня двусторонних консультаций [23].

В соответствии с этой договорённостью 26 мая 2014 г. генеральный директор Управления Азии и Океании МИД Японии Дзюньити Ихара встретился в Стокгольме с послом КНДР на переговорах по вопросам нормализации отношений с Японией Сон Иль Хо. В ходе встречи северокорейская сторона сообщила о готовности учредить специальную группу следователей, наделённых полномочиями, и о намерении провести новое тщательное расследование о судьбе японских граждан, оказавшихся в КНДР. Предусматривалось изучение проблем похищенных и «особых пропавших без вести», а также японцев, похороненных в Северной Корее в конце Второй мировой войны, и японских супругов этнических корейцев, переехавших из Японии на постоянное жительство в Северную Корею в период после 1958 г. На этот счёт в Стокгольме было подписано соответствующее японо-северокорейское соглашение. Переговоры между Дз. Ихара и Сон Иль Хо были продолжены 3 июля в Пекине. На следующий день премьер-министр Японии С. Абэ заявил о намерении отменить санкции, введённые в отношении КНДР ещё в 2006 г.

В июле 2014 г. северокорейская сторона сформировала специальную комиссию для расследования похищений японских граждан. Первоначально предполагалось, что в конце лета — начале осени 2014 г. специальная комиссия представит японской стороне первые результаты «объективного и всестороннего расследования» [24]. Однако 18 сентября северокорейские представители сообщили, что первые конкретные результаты могут быть получены значительно позднее этих сроков.

На прошедшей 29 сентября в Шеньяне встрече Дз. Ихара с Сон Иль Хо японской стороне было предложено направить в Пхеньян представительную делегацию с тем, чтобы она заслу-

шала объяснения о ходе расследования проблемы похищений непосредственно от членов корейской специальной следственной комиссии [25]. Это предложение было принято, и 28—29 октября Пхеньян посетила японская делегация. Руководителем делегации был Дз. Ихара, в её состав вошли представители Штаб-квартиры по борьбе с проблемой похищений, Управления полиции Японии и Министерства труда и социального обеспечения Японии [26].

Многие японцы положительно отнеслись к усилиям правительства С. Абэ, предпринятым с целью наладить диалог с Северной Кореей. По результатам опроса, проведённого газетой «Асахи» 4—5 октября 2014 г., 50 % респондентов считают, что правительство Абэ принимает все возможные меры для возвращения на родину похищенных КНДР соотечественников [27]. Но итоги японо-северокорейской встречи 28—29 октября расстроили японскую сторону. Газета «Асахи» оценила ситуацию на переговорах как «разочаровывающую» [28]. Представители КНДР сообщили, что расследование похищений находится на начальном этапе, поэтому пока нет возможности представить полные результаты, что до сих пор не получено никакой новой объективной информации о похищенных японцах. Японская сторона настойчиво разъясняла партнёрам, что её прежде всего интересует информация о похищенных (где они находятся, каково их положение). Но представители КНДР значительную часть времени совместного заседания потратили на доклад о завершении исследования состояния захоронений японцев, умерших в Северной Корее в конце Второй мировой войны [29].

Родственники похищенных людей выразили глубокое недовольство итогами японо-северокорейской встречи в Пхеньяне 28—29 октября. Они высказывали мнение, что северокорейская сторона использовала переговоры, чтобы продемонстрировать мировой общественности показную приверженность принципам уважения прав человека, в то время как Комитет ООН по правам человека поднимает проблему их нарушения КНДР.

Работа северокорейской специальной следственной комиссии будет продолжена, но сроки представления первого отчёта комиссии точно не определены. Правда, генеральный секретарь

кабинета министров Японии Ё. Суга высказал надежду, что такой документ может появиться до конца 2014 г. [30].

Проблема похищений японцев северокорейскими спецслужбами чрезвычайно сложна. По мнению авторитетных японских историков, при рассмотрении «совершенно абсурдного государственного преступления Пхеньяна — похищений невинных людей» — необходимо учитывать глубокое чувство враждебности граждан Северной Кореи в отношении Японии из-за колониального господства японцев в Корее и всесторонней поддержки, которую оказывала Япония США в ходе Корейской войны [31].

Япония добивается «разрешения проблемы похищений», подразумевая под этим возвращение на родину всех похищенных. Северокорейская сторона утверждает, что восемь пленников умерли в КНДР, но останки нескольких из них не могут быть предъявлены, так как были смыты на кладбищах во время больших наводнений. В ситуации полного отсутствия взаимного доверия между Японией и КНДР это — неразрешимое противоречие.

Тем не менее, при несомненной сложности проблемы похищений и отсутствии реальных результатов на нынешнем этапе японо-северокорейских контактов подтвердилось желание Пхеньяна продолжить переговоры с Токио. В ходе встреч 28—29 октября власти КНДР позволили японским журналистам сопровождать официальную делегацию Японии и оказывали содействие в освещении визита [32]. На японских представителей произвело глубокое впечатление то, что северокорейскую делегацию возглавлял один из руководителей Министерства государственной безопасности КНДР Со Тэ Ха, назначенный председателем специальной следственной комиссии. Он явился на переговоры, облачённый в генеральский мундир. Корреспонденты увидели в этом стремление северокорейской стороны показать серьёзный государственный подход к проблеме похищений [33].

КНДР стремится к нормализации отношений с Японией, рассчитывая при учреждении дипломатических связей получить от Японии серьёзную финансовую помощь. Важно то, что с формированием второго кабинета министров С. Абэ началась полоса стабильности в японской политике. Прежде североко-

рейская сторона уклонялась от переговоров ввиду частой смены правительственных кабинетов Японии.

По мнению Кёко Накаямы, занимавшей пост министра по делам похищенных в правительственном кабинете Я.Фукуда в 2008 г., активизация именно сейчас дипломатии Пхеньяна на японском направлении связана с несколькими причинами. В их числе Накаяма называет охлаждение отношений между КНДР и Китаем, ставшее явным после казни в КНДР в декабре 2013 г. родственника Ким Чен Ына, заведующего организационным отделом ТПК и заместителя председателя Государственного комитета обороны КНДР Чан Со Тхэка; «не очень хорошее состояние отношений Северной Кореи с Россией [34]; продолжающееся третирование Соединёнными Штатами Северной Кореи как «страны-изгоя»; происшедшую смену лидера Северной Кореи (Ким Чен Ын лично не причастен к решениям относительно похищений японских граждан и может по-новому подойти к этой проблеме) [35]. Кроме того, руководство КНДР учитывает особенности правительства С. Абэ, продемонстрировавшего сильную волю для разрешения проблемы похищений [36].

Отмечая наличие объективных условий, улучшающих на сегодня шансы для разрешения проблемы похищений, К. Накаяма вместе с тем указывает на некоторые моменты, которые вызывают озабоченность. Так, в Японо-северокорейском соглашении, подписанном в Стокгольме в мае 2014 г., сказано, что КНДР «проявила решимость провести всестороннее и полное расследование и окончательно решить все проблемы, связанные с японцами». Настораживает слово «окончательно», которое может поставить точку дальнейшим расследованиям. А ведь нет гарантии, что на этот раз будут получены результаты, способные убедить родственников похищенных и народ Японии [37].

Имеются также опасения, не нанесут ли власти Северной Кореи вреда, не будет ли создана опасность для тех похищенных, чьё возвращение на родину представители КНДР сочтут неудобным для себя.

К. Накаяма считает, что на самом деле северокорейским властям нет необходимости проводить новое расследование о нынешнем состоянии похищенных — официальный Пхеньян наверняка располагает полной информацией на этот счёт.

Японское правительство должно настоятельно требовать от Пхеньяна передачи ему этой информации [38].

Дополнительные трудности для распутывания клубка противоречий между Японией и КНДР связаны с ещё одним обстоятельством. Наряду с разрешением проблемы похищений, необходимым условием нормализации отношений между Японией и КНДР является также урегулирование вопросов ядерной и ракетной программ Северной Кореи. Перечисленные три пункта составляют неделимый пакет, притом Токио ставит на первое место именно проблему похищений. В частности, в ходе шестисторонних переговоров по урегулированию проблемы ядерного оружия на Корейском полуострове в 2003—2008 гг. Токио жёстко увязывал продвижение на этих переговорах с разрешением проблемы похищений. Такая позиция Японии вызывала критику со стороны других участников шестисторонних переговоров, в частности Республики Корея. С другой стороны, в ходе нынешних контактов Японии с КНДР США и Южная Корея выражали озабоченность возможностью того, что прогресс в японо-северокорейских отношениях по теме похищений может нарушить сплочение внутри треугольника США—Япония—Южная Корея. Это привело бы к ослаблению давления на КНДР с целью вынудить её к отказу от ядерного оружия. В обзоре американского Центра стратегических международных исследований отмечается: «Повышенно-радостное настроение Японии в связи с её (односторонним) успехом на переговорах с Пхеньяном почти всегда перевешивает та озабоченность, которую сразу же выражают сосед Японии (Южная Корея) и её союзник (США). Действительно, в середине июля 2014 г. агентство Киодо Цусин сообщило, что госсекретарь США Дж. Керри звонил по телефону министру иностранных дел Японии Ф. Кисиде, чтобы передать ему беспокойство США в связи с возможным влиянием контактов между Токио и Пхеньяном на трёхстороннее сотрудничество США—Японии — Южной Кореи в сфере денуклеаризации. Ещё раньше, в мае 2014 г., США указали, что поддержка с их стороны улучшения отношений между Японией и Северной Кореей зависит от прогресса в деле устранения ядерного оружия в Северной Корее. Подобным образом Сеул также предупредил о возможном негативном подтексте выдвижения проблемы по-

хищений в центр сцены при одновременном перемещении на задний план других проблем» [39]. По сообщению газеты «Ёмиури», генеральный директор Управления Азии и Океании МИД Японии Дз. Ихара 2 октября 2014 г. встречался со специальным представителем администрации США по вопросам Северной Кореи Грином Дэвисом, проинформировал его о ходе переговоров с северокорейской стороной и, в частности, рассказал о предложении Пхеньяна направить в КНДР японскую делегацию. Г. Дэвис выразил понимание в отношении позиции Японии. Оба дипломата подтвердили намерение продолжать курс укрепления сотрудничества США и Японии в проведении политики в отношении Северной Кореи [40].

По мнению профессора университета Кансай гакуин Сюндзи Хираива, беспокойство со стороны США и Южной Кореи из-за гипотетического компромисса Японии по поводу ядерного и ракетного оружия Северной Кореи ради прогресса в вопросе похищений лишено оснований. Нормализация японо-северокорейских отношений невозможна без разрешения проблем ядерного и ракетного оружия КНДР. Хираива полагает, что Токио должен чётко донести до международной общественности мысль о том, что разрешение проблем ядерного и ракетного оружия так же важно для Японии, как и разрешение проблемы похищений. В случае прогресса в налаживании японо-северокорейских связей необходимо на каком-то этапе наладить сотрудничество с международным сообществом, подключить к процессу контактов механизм шестисторонних переговоров по разрешению ядерной проблемы на Корейском полуострове [41].

Что касается нынешнего момента японо-северокорейских контактов, то, считает С. Хироива, японское правительство должно проявить максимум тщательности и осторожности при изучении и оценке будущих выводов северокорейской специальной следственной комиссии. Необходимо в отношениях с Пхеньяном последовательно соблюдать принцип «отвечать действием на действие партнёра» [42].

Сегодня перспективы разрешения проблемы похищенных людей в отношениях между Японией и КНДР так же неопределённые, как и прежде. На конец декабря 2014 г. никаких сообщений о результатах расследований от северокорейской сторо-

ны так и не поступило. Можно предположить, что северокорейская сторона постарается представить новые доказательства смерти тех похищенных лиц, которых они объявили умершими. Весьма маловероятно, что они передадут Японии кого-то из похищенных и «чудесным образом выживших» японских граждан. Наверняка Пхеньян будет тянуть время и передавать информацию по частям, мелкими дозами. Такую манеру поведения диктуют КНДР суровые внешнеполитические условия, в которых существует северокорейский режим.

Но диалог между Токио и Пхеньяном имеет самостоятельную ценность. Смягчение японских санкций в отношении КНДР помогло бы восстановлению окончательно свёрнутых экономических связей между двумя странами, расширению каналов общения между ними и вело бы к росту взаимного доверия.

Похоже, что невзирая на все сложности, в Токио всё-таки намереваются продолжить осторожный поиск точек взаимопонимания с трудным партнёром и рассчитывают на прогресс в японо-северокорейских отношениях.

Примечания

1. В течение 10 последних лет Генеральная ассамблея ООН принимала резолюции, осуждающие КНДР за нарушения прав человека, в том числе за похищение людей. Последняя по времени подобная резолюция была принята ГА ООН 18 декабря 2014 г. На этот раз она впервые включала рекомендацию Совету Безопасности передать эти вопросы на рассмотрение ИСС (Международного уголовного суда). За резолюцию было подано 116 голосов, против 20 (в частности, против проголосовали представители России, КНР и Ирана), воздержались при голосовании представители 53 государств. Ёмиури. 19.12.2014.

2. Гайко фуораму. 12.2002. С. 15.

3. *Гринюк В. А.* Проблема похищений японских граждан спецслужбами КНДР — болевая точка японо-северокорейских отношений // Актуальные проблемы современной Японии. Выпуск XXII. М., 2006. С. 115.

4. URL: <http://www.asahi.com./special/abdactees/report.html>

5. Проблема похищений японских граждан Северной Кореей. 2014 / Министерство иностранных дел Японии. С. 4, 7.

6. *Axel Berkofsky*. Japan's North Korea Policy: trends, controversies, and impact on Japan's overall defense and security policy // AIES-STUDIEN. Nr. 2. Mai 2011. P. 5.
7. *Haruki Wada*. Japan-North Korea Relations — A Dangerous Stalemate. The Asia-Pacific Journal. Vol.25-2-09. URL: <http://Japanfocus.org/-Wada-Haruki/3176>
8. Ibid.
9. The Strange Record of 15 Years of Japan-North Korea negotiations. By Gavan Mc. Cormac and Wada Haruki. Japan Focus. Sept. 2, 2005. URL: <http://japanfocus.org/-Wada-Haruki/1894>
10. Рондза. 2004.7. С. 12—13.
11. Ёмиури. 24.05.2004.
12. Там же.
13. *Axel Berkofsky*. Op. cit. P. 6.
14. URL: http://www.go.jp/region/asia/-paci/n_korea/abduction/invest0412.pdf
15. URL: http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/abduction/comment0502pdf
16. Ёмиури.08.02.06.
17. Проблема похищений японских граждан Северной Кореей... С. 8.
18. Там же.
19. *Хираива Сюдзи*. [Кин Сэй Он но кита тэсэн] но кодо ронри о ёми-току : [Истолкование логики действий «Северной Кореи Ким Чен Ына»] // Тюокорон. Октябрь 2014. С. 78.
20. Проблема похищений японских граждан Северной Кореей... С. 8.
21. *Иситака Кэндзи*. Ёкота-сан фусай 37 нэн мэ но сукуи то ияси : [Спасение и исцеление четы Ёкота на 37 году после трагедии] // Бунгэй сюдзю. 2014. 5. С. 158—159.
22. *Накагава Такаси*. Кита тэсэн но «нанка» но усиро ни «сиэн» э но китай : [За «смягчением» позиции Северной Кореи кроется ожидание «помощи»] // Тюо корон. Май 2014. С.81.
23. *Иситака Кэндзи*. Цит. соч. С. 156—157, 162.
24. *David Kang*. University of Southern California. Jiun Bang. University of Southern California. Japan-Korea Relations. The Best of Times, the Worst of Times? URL: csis.org/publication/comparative-connections-v16-n2. P. 123.
25. Асахи. 01.10.2014.
26. Press Conference by Minister for Foreign Affairs Fumio Kishida. URL: http://www.mofa.go.jp/press/kaiken4e_000116.html
27. Асахи. 07.10.2014.

28. Асахи. 03.11.2014.
29. Ёмиури. 30.10.2014.
30. Асахи. 01.11.2014.
31. Тёсэн сёкуминти сихай то ва нани датта но ка : [Что представляло собой колониальное господство в Корее?] // Сэкай. 2010.№ 1. С. 153.
32. Ёмиури. 01.11.2014.
33. Там же. 28.10.2014.
34. В порядке возражения против этого довода К. Накаямы обратим внимание на факты, указывающие на активизацию в последнее время связей между Россией и КНДР. 30 сентября 2014 г. начался визит в Россию министра иностранных дел КНДР Ли Су Ёна; в 2014 г. рост объёма импорта из России в КНДР по сравнению с 2013 г. составил 49 % (объём в 2014 г. 96,51 млн долл.) (Ёмиури. 02.10.2014); 18.11.2014 г. президент В. В. Путин встречался в Кремле с членом президиума Политбюро ЦК ТПК, секретарём ЦК ТПК Цой Рён Хэ, передавшим президенту РФ послание от северокорейского лидера Ким Чен Ына (URL: www.kremlin.ru/news/47037).
35. *Накаяма Кёко*. Рати мондай-кондо косо кита тэсэн но «хонкидо» о микивамэё : [Проблема похищений. Именно сейчас выясним «степень серьёзности» Северной Кореи] // Тюокорон. Сентябрь 2014. С. 88.
36. Там же. С. 89.
37. Там же. С. 90.
38. Там же. С. 92—93.
39. *David Kang*. Op. cit. P. 124.
40. Ёмиури. 02.10.2014.
41. *Хираива Сюдзи*. Op. cit. С. 85.
42. Там же.

ЭКОНОМИКА

И. П. Лебедева

ЯПОНСКИЙ РЫНОК ТРУДА КАК ФАКТОР И ОГРАНИЧИТЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Как известно, одной из наиболее острых социально-экономических проблем Японии является старение населения. Японское общество уже сейчас самое старое в мире: в 2013 г. доля лиц в возрасте старше 65 лет составила здесь 25,1 %, в то время как, например, в Италии — 20,3, Швеции — 18,2, США — 13,1, Франции — 16,8, Германии — 20,8 % [1]. Одновременно происходит сокращение численности трудоспособного населения — с пика в 87 млн человек в 1995 г. она сократилась до 65 млн 550 тыс. человек в 2012 г. и, по прогнозам, к 2050 г. сократится до 55 млн человек, т. е. опустится до уровня первых послевоенных лет [2].

Поскольку рабочая сила является важным фактором экономического роста (наряду с капиталом и разного рода улучшениями и нововведениями, объединяемыми в понятие Total Factor Productivity), с точки зрения перспектив экономического развития страны принципиальное значение имеет вопрос о том, каким образом Япония могла бы компенсировать сокращение численности трудоспособного населения.

Как известно, некоторые развитые страны решают эту проблему за счет привлечения мигрантов. Поскольку в Японии в

силу ряда особенностей, присущих японскому обществу, этот путь малоперспективен, ей придется искать резервы на внутреннем рынке. Мы не будем касаться вопроса о технических нововведениях, внедрение которых может за счет повышения производительности труда компенсировать сокращение рабочей силы, а остановимся лишь на вопросе о том, какие резервы существуют на японском рынке труда.

Следует отметить, что реформы, проведенные в 1990—2000-е годы в разных сферах японской экономики с целью сделать ее более открытой и рыночной, затронули, конечно, и рынок труда. Но при этом он и сейчас сохраняет ряд специфических черт, заметно отличающих Японию от других развитых стран. Главные из них — это резкие различия в положении постоянных и непостоянных работников, недостаточная степень и своеобразные формы женской занятости и практика принудительного увольнения по возрасту. При этом следует сразу же отметить, что все эти черты являются результатом приверженности национальных компаний принципам специфической системы найма и управления персоналом, известной как система пожизненного найма. О том, что она и сейчас довольно широко распространена в Японии, свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1. Доля работников в возрасте 50—59 лет с более чем 20-летним стажем работы в одной и той же компании, 2009 г. (%)

Размеры компании (число занятых)	Продолжительность работы			
	20—24 года	25—29 лет	Более 30 лет	Всего
1000 человек и более	4,0	5,1	66,3	75,4
100—999 человек	6,0	6,9	40,0	52,9
10—99 человек	8,9	7,9	21,0	37,8
5—9 человек	10,3	9,8	22,9	43,0

Источник: Naohiro Yashiro. Myths about Japanese Employment Practices// Contemporary Japan Journal of the German Institute for Japanese Studies. 2011. Vol. 23. No 2. P. 136.

Конечно, это не означает, что в системе пожизненного найма не происходит изменений. Более того, чтобы сохранить ее

главный принцип — гарантии долговременной занятости, японские компании вынуждены были пойти на существенные изменения в отдельных ее элементах [3]. Однако в целом система пожизненного найма устояла, несмотря на все происшедшие в стране перемены, и продолжает оказывать влияние на ситуацию на рынке труда.

Различия в положении постоянных и непостоянных работников. По данным за 2012 г., на условиях непостоянной занятости в Японии трудились более 38 % всех работающих по найму, или более 21 млн человек. Как известно, во всех развитых странах существуют постоянные и непостоянные формы занятости, но нигде нет таких значительных различий в положении постоянных и непостоянных работников, как в Японии.

Можно выделить, по меньшей мере, три вида различий в положении двух этих категорий работников: различия в заработной плате, в возможностях повышения квалификации и в социальном статусе.

В среднем заработная плата непостоянных работников составляет примерно 60 % от заработной платы постоянных, а на крупных предприятиях — немногим более половины [4]. Такая ситуация сохраняется, несмотря на то что еще в 2007 г. был пересмотрен Закон о непостоянной занятости (Part-Time Act) и существенно усилена защита лиц этой категории. В частности, была запрещена дискриминация непостоянных работников, выполняющих ту же работу, что и постоянные, с точки зрения оплаты труда (а также продолжительности рабочего дня, возможностей перевода на другую должность и т. д.). Однако, как показывает практика, японские компании довольно легко обходят эти ограничения. Это связано с тем, что при определении заработной платы работника японские фирмы учитывают не только и не столько результаты его труда, сколько сам *процесс труда*, качество которого зависит от *общего потенциала работника* (его опыта, технических навыков, профессиональных знаний, способностей к творчеству, лидерских качеств, дисциплинированности, степени ответственности за дела компании и т. д.). Очевидно, что при таком подходе у компаний всегда есть возможность объяснить разницу в оплате труда между постоянными и непостоянными работниками, выполняющими одну и ту же ра-

боту, различиями в их потенциале (например, различной степенью ответственности за дела фирмы).

Глубокий водораздел пролегает между этими двумя категориями занятых и с точки зрения возможностей повышения квалификации. Как известно, повышение квалификации работников на основе непрерывного внутрифирменного обучения является одним из краеугольных камней системы пожизненного найма. От этого зависят и скорость их продвижения по служебной лестнице, и крутизна шкалы повышения заработной платы. Однако в японских компаниях внутрифирменное обучение доступно только постоянным работникам, поскольку требуя огромных финансовых затрат, оно оправдывает себя лишь в том случае, если работник пребывает в компании длительное время, т. е. является постоянным работником. Ситуацию усугубляет то обстоятельство, что в отличие от США и европейских стран в Японии практически нет системы повышения квалификации вне рамок внутрифирменного обучения, т. е. непостоянные работники априори обречены на неквалифицированную, низкооплачиваемую работу.

Наиболее чувствительным аспектом различий в положении постоянных и непостоянных работников японских фирм является разница в социальном статусе. И это в значительной степени связано с укоренением в общественном сознании стереотипов, порожденных идеологией системы пожизненного найма.

Дело в том, что пожизненный наем стал не просто системой управления трудом японских компаний, но и основой, на которой и вокруг которой формировались ценности и образ жизни нескольких послевоенных поколений японцев [5]. Одной из таких ценностей стал статус постоянного работника с гарантиями продвижения по службе и повышения заработной платы на долгие годы вперед, что создавало условия для стабильной, предсказуемой жизни как самих работников, так и членов их семей. Очевидно, что социальный статус непостоянного работника, с нестабильной занятостью и низкой оплатой труда, был намного ниже. Однако вплоть до начала 1990-х годов эти различия не представляли собой какой-либо серьезной социальной проблемы. Это объяснялось тем, что на условиях непостоянной занятости работали в основном школьники старших классов, сту-

денты и домохозяйки, и для всех этих категорий работа была лишь дополнением к основным видам их деятельности (учебе или ведению домашнего хозяйства).

Сейчас, когда на условиях непостоянной занятости работает немногим менее 40 % всех работающих по найму, а костяк этой категории составляют завершившая образование и не сумевшая устроиться на постоянную работу молодежь, женщины, выросшие дети и желающие вернуться к полноценной трудовой деятельности, работники, уволенные по возрасту или в связи с реорганизацией компании и т. д., резкие различия в социальном статусе и положении на рынке труда двух этих категорий стали не только одной из острых социальных проблем Японии, но и фактором, тормозящим экономический рост.

Анализ, проведенный специалистами МВФ, показал, что «чрезмерная двойственность» японского рынка труда отрицательно влияет на темпы роста производительности труда и темпы экономического роста, во-первых, из-за низкой склонности фирм обучать непостоянных работников и повышать их квалификацию и, во-вторых, из-за пониженной трудовой мотивации непостоянных работников вследствие их неудовлетворенности своим статусом. Японские и зарубежные специалисты предлагают изменить ситуацию путем введения Единого контракта с открытой датой окончания (Single Open Ended Contract), при котором защита занятости возрастает по мере увеличения стажа, но это, скорее всего, дело довольно отдаленного будущего [6].

Своеобразные формы занятости женщин. По данным японской статистики, в 2012 г. общее число работающих женщин составило 27,7 млн человек, или 43 % от всех занятых в национальной экономике. В то же время по степени вовлеченности женщин в трудовую деятельность (63 %) Япония пока уступает большинству развитых стран (например, в США и Германии этот показатель составляет порядка 70 %, в Канаде — 75, в скандинавских странах — около 80 %) [7].

Отличается Япония от других развитых стран и очертаниями графика, отражающего степень трудовой активности женщин разных возрастных категорий. В Японии его контуры напоминают букву «М» с провалом, приходящимся на возрастную группу 25—39 лет (с долей работающих женщин немногим бо-

лее половины), в то время как в других развитых странах они напоминают спину лошади (с долей работающих женщин в той же возрастной группе порядка 75—90 %) [8].

За этими отличиями скрывается целый комплекс проблем, с которыми сталкиваются японки на рынке труда, и значительная часть этих проблем порождена опять же системой пожизненного найма.

Дело в том, что долгое время гарантии долговременной занятости распространялись только на работников-мужчин, а женщины вынуждены были довольствоваться сферой непостоянной занятости, т. е. заведомо были обречены на неравное положение с мужчинами с точки зрения статуса, уровня доходов и возможностей профессионального роста. Хотя многое изменилось в Японии за последние два десятилетия, положение мужчин и женщин на японском рынке труда с точки зрения форм занятости и сейчас далеко не равноценно.

Таблица 2. Доля постоянных работников в общем числе работающих по найму (2012 г., %)

Возрастные категории	15—19 лет	20—24 года	25—29 лет	30—34 года	35—39 лет	40—44 года	45—49 лет	50—54 года	55—59 лет	60—64 года
Мужчины	34,5	58,5	79,6	85,3	89,1	90,7	90,9	90,4	85,7	42,9
Женщины	18,8	52,3	60,7	52,4	46,2	41,4	39,6	39,7	37,1	23,5

Источник: Basic survey on employment structure. Employment structure of the population of 15 years old and over and households, Figure 1—8 (URL: www.stat.go.jp/)

Во всех возрастных категориях доля мужчин, работающих на условиях постоянной занятости, существенно превышает соответствующие показатели для женщин. Данные табл. 2 показывают, что в то время как абсолютное большинство мужчин (85—90 %) вплоть до наступления предельного возраста пребывания в фирме продолжают пользоваться привилегиями постоянной занятости, в отношении женщин складывается совершенно иная ситуация: в когортах старше 30 лет доля постоянно занятых начинает непрерывно снижаться и к тому же рубежу опускается до уровня ниже 40 %.

При этом нас не должны вводить в заблуждение довольно высокие показатели постоянной занятости среди женщин в возрастных группах 20—24 года, 25—29 лет и 30—34 года (соответственно 52,3 %, 60,7 %, 52,4 %). Дело в том, что положение женщин, нанятых на условиях постоянной занятости, также заметно отличается от положения постоянных работников-мужчин.

Юноши обычно нанимаются в японские фирмы для выполнения так называемой общей работы (*согосёку*), а большинство девушек — обычной работы (*иппансёку*). Если первая предполагает профессиональный рост, предоставление всех привилегий пожизненного найма, включая постоянное повышение квалификации, то вторая — выполнение простой работы (чаще всего офисной) со значительно меньшими возможностями для повышения квалификации и карьерного роста, а, следовательно — и с более пологой шкалой возрастания заработной платы. Тем самым японские фирмы пытаются застраховать себя от риска финансовых потерь в случае выхода девушек замуж и рождения ребенка.

Однако неравенство возможностей для профессионального роста — не главная проблема, с которой сталкиваются японские женщины, работающие на условиях постоянной занятости. Гораздо более серьезным вызовом для них является необходимость выбора между карьерой и замужеством и рождением ребенка. При этом выбор в пользу карьеры, по сути, означает отказ от замужества и рождения ребенка или перенос этих событий на возможно более поздние сроки. При том, что в целом в Японии происходит снижение показателя фертильности (т. е. числа детей, рожденных женщиной детородного возраста), совершенно разные показатели наблюдаются по категориям работающих и неработающих замужних женщин: если в первой группе он составляет всего лишь 0,6, то во второй — 2,2 и практически не меняется на протяжении последних 30 лет [9].

Что касается женщин, работающих на условиях непостоянной занятости, то к ним относятся все те проблемы, о которых говорилось выше.

Изменение ситуации в сфере женской занятости, т. е. снятие проблем, стоящих перед женщинами, работающими на постоянной основе, и улучшение положения непостоянно занятых, мог-

ло бы повысить степень участия женщин в экономической деятельности. По расчетам специалистов МВФ, если бы долю работающих японок удалось повысить с 63 % до 70 % (среднего показателя по «семерке»), то в период до 2030 г. среднегодовые темпы роста ВВП страны могли бы быть увеличены на 0,2 %, а если до уровня скандинавских стран (75—80 %) — соответственно на 0,4 % [10].

Наконец, еще одной особенностью японского рынка труда является положение, которое занимают на нем пожилые работники.

Как известно, один из принципов системы пожизненного найма — это принудительное увольнение работников по достижении ими так называемого предельного возраста пребывания в фирме, который сейчас составляет 60 лет. Понятно, что при по возрастной системе заработной платы принудительные увольнения — это, по сути, единственный способ для компаний сдерживать рост издержек на труд (а также избавиться от неэффективных работников, которых в силу особенностей японского законодательства практически невозможно уволить по другим причинам).

На фоне других развитых стран, где увольнения по возрасту запрещены как одна из форм дискриминации, ситуация в Японии выглядит весьма необычно. Здесь практика принудительных увольнений по возрасту не только не запрещена, но и оформлена законодательно — через признание самого института предельного возраста японскими законами о труде. И не частные компании, а именно законодательство определяет возрастные пределы пребывания работника в фирме: так, в 1998 г. они были повышены с прежних 55 лет до 60 лет [11]. При этом, поскольку пенсии в Японии начинают выплачиваться с 65 лет, основные усилия правительства направлены на то, чтобы убедить компании максимально приблизить предельный возраст к этому рубежу. Но пока в большинстве компаний (порядка 85 %) он составляет 60 лет.

Большинство работников, уволенных по достижении предельного возраста, вновь нанимаются компанией на работу (это — один из элементов системы пожизненного найма), но уже на совершенно других условиях — по годичным контрактам

и примерно на половину от прежней заработной платы. В результате такой практики значительные массы еще не старых людей, обладающих большим опытом и высокой квалификацией, сталкиваются с резким изменением своего положения — как по уровню доходов, так и с точки зрения социального статуса, и это, конечно же, отрицательно сказывается и на производительности труда, и на темпах экономического роста. Причём существует еще одна сторона этой проблемы: если бы эти люди продолжали работать, они бы продолжали и выплачивать взносы в систему социального обеспечения, которая, как известно, испытывает значительные финансовые трудности.

Особую значимость проблеме придают следующие обстоятельства: во-первых, то, что японцы являются одной из наиболее здоровых и долгоживущих наций в мире, и, во-вторых, то, что труд для них — одна из важнейших ценностей и один из важнейших жизненных приоритетов. При этом следует отметить, что состояние здоровья, не ограничивающее нормальную жизнь, сохраняется у женщин в среднем до 73,6 лет, у мужчин — до 70,4 лет [12].

Таким образом, за счет сглаживания различий в положении постоянных и непостоянных работников, создания условий для более полноценного участия в трудовой деятельности женщин и пожилых работников Япония смогла бы существенно восполнить потери в рабочей силе, связанные со старением населения. Нужно иметь также в виду, что эти контингенты занятых одновременно являются и потребителями и что улучшение их материального положения и повышение социального статуса могло бы стимулировать и потребительский спрос в стране, что не менее важно для поддержания экономического роста.

Примечания

1. Корэйка-но дзёкё оёби корэй сякай тайсаку-но дзитти дзёкё : [Стареющее общество и политика в отношении стареющего общества]. Токио, 2013. С. 2, 7. URL: www.mhlw.go.jp/

2. *Chad Steinberg, Masako Nakane*. Can Women save Japan? IMF Working Paper WR/12/248, October 2013. P. 4.

3. См.: *Лебедева И. П.* Судьбы пожизненного найма: социальные аспекты // Японское общество: меняющееся и неизменное / отв. ред. Э. В. Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2014.

4. Summary Report of Basic Survey on Wage Structure (Nationwide) 2012. P. 12 // Ministry of Health, Labour and Welfare. URL: www.whlw.go.jp/toukei/

5. См.: *Лебедева И. П.* Указ. соч.

6. International Monetary Fund. Selected Issues. Japan. July 12, 2013. P. 36—37.

7. *Chad Steinberg, Masako Nakane*. Op. cit. P. 16.

8. Материалы лекции проф. М. Исии-Кунц для стажеров Японского фонда. Нихон-ни окэру дандзё кёдо санкаку : [Совместное планирование жизни мужчинами и женщинами]. Университет Отяномидзу (Токио). Март, 2013. С. 3.

9. *The Sociology of Japanese Youth*. N.Y., 2012. P.162—163.

10. *Chad Steinberg, Masako Nakane*. Op. cit. P. 4.

11. *Conrad H.* From Seniority to Performance Principle: The Evaluation of Pay Practices in Japanese Firms since the 1990-s // *Social Science Japan Journal*. Vol. 13. No. 1. 2010. P. 130.

12. Корэйка-но дзёкё... С. 16.

О. А. Меркушева

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ЯПОНИИ

Региональная политика государства — один из важнейших аспектов его деятельности, направленный на перераспределение ресурсов между регионами ради заданных целей. Чаще всего к таким целям относятся снижение диспропорций между регионами и выравнивание уровня их социально-экономического развития, обеспечение равных возможностей для жителей всей страны.

Существуют различные инструменты, при помощи которых государство может осуществлять региональную политику. Российский географ О. В. Кузнецова предлагает свою классификацию этих инструментов, которая включает ограничительные и поощрительные, финансовые и нефинансовые меры. К финансовым инструментам относятся различные бюджетные трансферты: субсидии, субвенции и дотации, создание особого налогового режима в отдельных регионах, государственные инвестиции в бизнес, программы частно-государственного партнерства, предоставление льготных кредитов местным властям и компаниям. Наряду с этим есть ряд нефинансовых инструментов, предназначенных для стимулирования развития регионов, — административные льготы и ограничения. Меры могут быть направлены не только на стимулирование менее развитых регионов, но и на ограничение роста крупнейших агломераций. Сочетание

отдельных мер региональной политики дает комплексные инструменты: программы развития регионов, создание свободных экономических зон, поддержка приграничных районов [1]. Один из наиболее распространенных и комплексных подходов к региональной политике — развитие системы регионального планирования, т. е. разработки и реализации программ развития для нескольких регионов или для всей страны в целом.

Региональная политика в Японии как отдельное направление деятельности государства начала активно проводиться правительством во второй половине XX в. с принятием в 1950 г. Закона о комплексном развитии территории страны. В основе этой политики лежит развернутое региональное планирование: в национальном плане страны представлены разделы, посвященные каждому региону, концепции их развития [2]. Проводится такая политика и сегодня, ведь многие проблемы Японии являются региональными по существу, т. е. проявляются наиболее сильно в отдельных регионах. К таким проблемам можно отнести старение населения и конкуренцию с регионами других стран (Восточной и Юго-Восточной Азии). Основной же проблемой, которую призвана решать региональная политика, является снижение диспропорций в экономическом развитии регионов, уровне и качестве жизни населения. Традиционно экономическая активность в Японии наиболее сосредоточена в Тихоокеанском промышленном поясе, протянувшемся от региона Канто до Кюсю. Остальные регионы считаются периферией. Изменить положение дел и «выровнять» регионы призвана региональная политика.

В последние десятилетия во всем мире наблюдается переход к так называемому эндогенному развитию децентрализации управления, предоставлению регионам большей самостоятельности — как бюджетной, так и административной. Этот процесс характерен и для Японии. С конца 1980-х годов в целях успешного решения региональных проблем расширяется сотрудничество между центральными, местными органами власти и частными организациями. Как отмечает И. Л. Тимонина, крупнейший исследователь японской региональной политики в России, концепция «мультиполярной диверсифицированной модели использования национальной территории», или «многополюс-

ного» развития, положенная в основу действующего в настоящее время государственного плана Гранд дизайн XXI века (1998—2015 гг.) и новой Национальной пространственной стратегии (2008—2018 гг.), предусматривает развитие, основанное на уникальности каждого региона. Суть ее состоит в рассредоточении функций центра по различным «полярным» регионам страны [3].

Существуют также планы территориального развития Японии, в которых сформулированы задачи по строительству инфраструктуры, нормы градостроительства и др. Отдельные планы составляются местными правительствами для всех префектур, существуют планы и для муниципальных образований — городов, поселков и деревень. Особое внимание уделяется наиболее проблемным и уникальным регионам, таким как Хоккайдо и Окинава, требующим больших инвестиций и особого подхода. За региональное планирование в стране отвечает Министерство государственных земель, инфраструктуры и транспорта. В 2005 г. оно провело масштабную реформу планирования, призванную уменьшить число планов (объединить существовавшие ранее отдельно для каждого региона концепции, планы развития и программы развития с разными горизонтами планирования в единый документ), сделать государственный и региональные планы более согласованными между собой и перейти от постановки количественных целей к качественному развитию [4].

В то же время очевидно, что региональная политика не может быть действенной без эффективной работы местных властей. До 2000 г. местное самоуправление в Японии было в значительной степени подчинено центральным властям, чему способствовала система «делегирования полномочий» на выполнение ряда функций и личной ответственности мэров и губернаторов за их исполнение. Большую часть поступлений в местные бюджеты составляли перечисления центрального правительства: различные виды субсидий, в основном на инфраструктурные проекты, а также так называемый местный перераспределенный налог.

Высокая степень централизации управления и стремление к выравниванию экономических диспропорций и промышленно-

му развитию страны привели к реализации крупномасштабных проектов в 1950—1980-е годы. Одним из наиболее известных является проект создания «Новых промышленных городов». В основу развития таких городов лег принятый в 1962 г. Закон о содействии строительству новых промышленных городов. Принятие закона способствовало созданию 15 таких городов (а фактически крупных промышленных зон) в 1962 г. по всей Японии и 6 специальных промышленных районов в 1964 г. в Тихоокеанском поясе. Центральный Хоккайдо (в частности, Муроран) и специальный район Харима разместили крупные металлургические предприятия, Южная Окаяма и специальный район Касима — нефтехимические. Однако лишь три города смогли успешно привлечь частные инвестиции: Касима, Южная Окаяма (г. Мидзусима) и Оита [5].

В 1980 г., когда японская промышленность переориентировалась на высокотехнологичный сектор, был обнародован проект «Технополис», рассчитанный на 10 лет. Технополисы, ориентированные на развитие инновационной наукоемкой промышленности, также были призваны стать новыми импульсами для регионального развития. Важной особенностью технополисов является активное участие региональных властей в их работе, поскольку финансировались они преимущественно из местного бюджета. Планирование осуществлялось на уровне префектур, многие из технополисов располагались вне Тихоокеанского промышленного пояса. Особенно много проектов было одобрено в регионе Кюсю, который теперь образно называют «кремниевым островом». Технополисы создали определенные импульсы для развития территории, однако попытки правительства с помощью технополисов изменить традиционную практику размещения промышленного и научного потенциала в наиболее развитых частях страны не увенчались успехом. По-прежнему наибольшие объемы производства и темпы роста наблюдались в технополисах, расположенных в пределах Тихоокеанского промышленного пояса: Уцунomia, Хамамацу, Киби-Когэн, Хиромисима, Убэ.

В попытке отойти от традиционной территориальной структуры страны японское правительство предложило новые «территориальные оси роста» в плане Гранд дизайн XXI в.: Севе-

ро-Восточная, Обращенная к Японскому морю, Западно-Японская и Новая Тихоокеанская (фактически соответствующая Тихоокеанскому промышленному поясу). Для каждой из осей были выделены свои направления развития. Например, выделены центры международного сотрудничества и обмена: в Северо-Восточной оси — это Хоккайдо, который призван стать центром культурного и интеллектуального обмена с другими «северными регионами»; Окинава — центр международных связей со странами Юго-Восточной Азии. Что касается оси, «Обращенной к Японскому морю», она будет участвовать в формировании международных связей на региональном уровне с другими государствами, выходящими к этому морю, — Китаем, Кореей и Россией [6]. В Национальной пространственной стратегии, принятой в 2008 г. и являющейся на сегодняшний день основным документом, определяющим региональную политику государства, упомянуто, что концепция «осевого развития» по-прежнему сохраняется и реализуется, однако наряду с ней разработка отдельных направлений развития и планирование происходит и для «блоков», которые соответствуют японским регионам: Кинки, Хокурику, Тюбу, Тюгоку, Сикоку, Кюсю [7].

В 1990-е годы, когда в Японии началась длительная экономическая депрессия, бюджеты местных правительств стали сокращаться. Они были вынуждены отказаться от части своих затрат и реализации проектов. Назрела необходимость децентрализации, предоставления большей свободы и полномочий органам местного самоуправления. Дефицит государственных и местных финансов поставил вопрос о передаче местным властям значительно большего объема полномочий. Реформе предшествовала долгая подготовка: в 1995 г. была сформирована специальная Комиссия по продвижению децентрализации, разрабатывавшая предложения и законопроекты для правительства. Она исследовала существовавшую систему делегирования полномочий и среди делегированных функций определила те, которые можно передать полностью или частично в ведение местных правительств [8].

На основании работы данной комиссии 1 апреля 2000 г. был принят Закон о местном самоуправлении. В соответствии с ним местные правительства имеют равный статус с центральным.

Кроме того, органы местного самоуправления получают формальное право самостоятельно и полностью управлять подконтрольной территорией, для чего смягчаются правила и нормы, регулирующие кадровую структуру и конкретные виды государственного вмешательства. Также был учрежден комитет по урегулированию споров между местными властями и государством [9].

В середине 2000-х годов реформы по децентрализации продолжились: префектуры и муниципалитеты получили право вводить на своей территории новые дополнительные налоги и пополнять таким образом свой бюджет. Изменилось и соотношение целевых и нецелевых государственных трансфертов в пользу увеличения доли последних. В среднем поступления за счет местных налогов и нецелевых дотаций составляют около 55 % бюджета префектур, что дает им большую свободу для определения приоритетов развития и инвестирования этих средств [10].

По данным на 2012 г., местные налоги являются основным источником поступлений в бюджеты префектур и муниципалитетов, составляя 34,5 % суммарного бюджета местных правительств. Основные местные налоги на префектурном уровне — это налог на проживание, местный потребительский налог, налог на автомобили, на светлые нефтепродукты (бензин, дизельное топливо), на покупку недвижимости и др. Для муниципалитетов это налоги на проживание, на недвижимые активы, на городское планирование, табак и др.

Часть налоговых поступлений центральное правительство откладывает для того, чтобы в дальнейшем перераспределить средства среди органов власти для выравнивания диспропорций развития территорий. Перераспределенные средства получили название «местного перераспределенного налога», или «ассигнованного налога» (*тихо кофу дзэй*). Данная система существует в Японии с 1954 г.

Исследователь Т. Сибата [11] сравнивает этот налог с системой федеральных грантов в США и системой перераспределения общей прибыли в Австралии. В Японии в рамках перераспределенного налога префектуры и муниципалитеты получают до 30—40 % бюджетных поступлений. Бюджет, отведенный центральным правительством на перераспределенный налог, составляет 32 % от налоговых поступлений по трем национальным

налогам: подоходному, налогу с корпораций и налогу на алкогольную продукцию. Эта доля периодически возрастает: так, в 1954 г., когда практика перераспределения налога была впервые введена, она составляла всего 20 %. Основаниями для получения налога служат два положения: возможность органа местного самоуправления собирать налог (численность населения, наличие на его территории предприятий, облагаемых дополнительными налогами, и пр.) и стоимость оказания услуг населению на его территории.

Точная сумма финансовой помощи вычисляется по формуле, учитывающей приблизительные суммы доходов и расходов префектур и муниципалитетов на основании данных прошлых лет. Разница между расходами и доходами компенсируется не полностью: органы местной власти получают лишь 75 %, что, по мнению центрального правительства, должно стимулировать местную инициативу [12].

Важной категорией правительственных трансфертов являются так называемые перечисления из национального казначейства, или «финансирование для специальных целей» (*кокко сисюцу кин*). Долгое время именно эти перечисления были основным видом государственной поддержки местных бюджетов, лишь в последние годы уступив местному перераспределенному налогу в связи с общей тенденцией снижения государственной поддержки регионов и реформой децентрализации (в 2012 г. доля перечислений из национального казначейства для префектур и муниципалитетов составила 15,5 % суммарного бюджета, а местного перераспределенного налога — 18,3 %) [13]. Они также подразделяются на 2 типа: частичное обязательное государственное финансирование и вспомогательные гранты.

Первый тип более распространен. Он предполагает доленое участие национального правительства в отдельных категориях расходов, таких как государственное школьное образование, пособие по бедности, пособие на детей, расходы на лечение престарелых, другие социальные расходы и пособия. Также частично финансируются расходы на строительство и восстановительные работы после стихийных бедствий. Это те услуги, за оказание которых государство несет ответственность. Строительство является главной статьёй расходов в этой категории

(около 40 % всех трансфертов национального казначейства идут на эту цель). Размер долей фиксирован и отражен в ст. 10 Закона о местных финансах [14]. Статья 16 Закона о местных финансах определяет, что помимо долевого участия государства возможно выделение так называемых вспомогательных грантов, т. е. субсидий на выполнение части функций, закрепленных за органами местного самоуправления, или просто выделение прямой финансовой помощи местным правительствам. В отличие от перераспределенного налога большая часть этих средств используется национальным правительством на свое усмотрение, субъективно. Именно этот вид трансфертов является наиболее сильным рычагом воздействия центрального правительства на органы местного самоуправления. Однако, поскольку их доля снижается относительно местного перераспределенного налога, местных налогов, займов и других источников поступления средств, можно говорить о возрастании финансовой независимости префектур и муниципалитетов.

Важной чертой современной региональной политики является усиление влияния населения на принятие решений. Власти префектур и муниципалитетов при создании планов развития создают специальные рабочие группы из представителей науки и бизнеса, проводят анкетирование населения, привлекают различные некоммерческие общественные организации.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что региональная политика Японии с вступлением в XXI в. претерпела заметные изменения и характеризуется сочетанием «экзогенного» и «эндогенного» подходов («сверху» — в виде национального плана, директив от Министерства государственных земель, инфраструктуры и транспорта и Министерства по общим вопросам, и «снизу» — в виде осознания местными властями и населением собственных проблем и путей их решения). С одной стороны, такое сочетание может быть перспективным: уже существует достаточно гибкая и согласованная система регионального планирования, в рамках которой каждая префектура и населенный пункт самостоятельно выбирают приоритеты развития. Но с другой стороны, есть и проблемы: недостаток бюджетных средств трудно компенсировать административными мерами: многие регионы, такие как Хоккайдо, Окинава, а также Сикоку,

в последние годы испытывают усиливающийся дефицит бюджета, который они пытаются компенсировать за счет увеличения займов и сокращения расходов на персонал. Это приводит к уменьшению расходов на долгосрочные инвестиции, отказу от крупномасштабных проектов. На первый план выходят программы по развитию туризма, малого и среднего бизнеса (в т. ч. инновационного), поддержке сельских территорий, социальной поддержке населения. Эти направления отражены в Национальной пространственной стратегии и поддерживаются на всех уровнях власти. Уделяется внимание созданию местных брендов, в том числе и периферийных территорий.

Однако в целом говорить о реальных экономических результатах такой политики пока преждевременно. Для анализа изменений в региональных диспропорциях мы использовали показатель экономической плотности, измеряемый как отношение ВРП к площади территории префектуры. Сравнив экономическую плотность в 1990 и 2010 г. в сопоставимых ценах, т. е. за период действия «многополюсной» концепции развития и осуществления децентрализации, можно увидеть, что существенных изменений не произошло. По-прежнему отчетливо выделяется Тихоокеанский пояс. Некоторое выравнивание и увеличение экономической плотности произошло в регионах Тюбу, Окинава. При этом северная часть Тохоку стала еще больше отставать от остальной Японии.

Таким образом, при всем разнообразии подходов полностью достигнуть «территориального равенства» не удалось. Сейчас в фокусе региональной политики не абстрактная идея об устранении диспропорций, а потребности и пожелания местного населения. Благодаря реформам последних лет у людей появилось больше возможностей влиять на развитие своих регионов и участвовать в процессе региональной политики.

Примечания

1. Кузнецова О. В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: УРСС, 2002. С. 95.

2. Бакланова М. П. Региональное планирование в социально-экономическом развитии Хоккайдо. Дисс. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2002. С. 12.
3. Тимонина И. Л. Япония: региональная экономика и политика. М.: ИВ РАН, 2002. С. 119.
4. The New National Land Sustainability Plan // MLIT Japan, 2005. URL: http://www.mlit.go.jp/english/2006/b_n_and_r_planning_bureau/01_duties/New_NLSP_060515.pdf
5. The Japan Handbook // Ed. by P. Heenan. London, Routledge, 2014. P. 161.
6. Меркушева О. А., Омата Т., Тихоцкая И. С. Принципы регионального развития в Японии на местном уровне (на примере префектуры Яманаси и деревни Косугэ) // Региональные исследования. 2014. № 3. С. 74.
7. National Spatial Strategy. P. 126—127. URL: <http://www.mlit.go.jp/en/kokudoseisaku/>
8. Меркушева О. А., Омата Т., Тихоцкая И. С. Указ. соч. С. 75.
9. Сапрыкин Д. А. Эволюция местного самоуправления Японии в XIX—XXI вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2012.
10. White Paper on Local Finance. MIC Japan, 2014.
11. Shibata T. Public finance in Japan. Tokyo, University of Tokyo Press, 1990. P. 160.
12. Политическая система современной Японии: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 220.
13. White Paper on Local Finance. MIC Japan, 2014.
14. Чумаченко Н. Г. Местное управление в Японии: состояние и проблемы. Донецк: ИЭП АН УССР, 1990. С. 80.

С. Б. Маркарьян

ЖИЛИЩНАЯ СФЕРА ЯПОНИИ: ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

В послевоенный период жилищная сфера Японии была значительно модернизирована, сегодня она является адекватной современному развитому обществу. Жилищный фонд был практически создан заново. В стране ощущалась острая нехватка жилья, ибо огромное число жилых домов было разрушено, а на японские острова вернулись военнослужащие и гражданское население из ранее завоеванных стран. Недостаток жилья продолжал ощущаться и в дальнейшем в связи с увеличением темпов экономического роста, ускоренной урбанизацией и ростом численности и доходов населения.

Не менее важную роль в увеличении спроса на жилье и соответственно на его строительство сыграли изменения в структуре японской семьи. В соответствии с новым гражданским кодексом структурной единицей общества стала нуклеарная семья. Традиционные *из* постепенно распались на семьи, состоящие из четырех, трех, двух и одного человека (холостяков, незамужних женщин и пенсионеров), многие из которых уже претендовали на отдельное проживание.

В развертывании жилищного строительства большую роль, как это было в первые послевоенные десятилетия и во многих других секторах экономики, сыграло государство. Основой его

жилищной политики служили пятилетние планы строительства жилья, которые разрабатывались в соответствии с Законом о жилищном строительстве. Центральное место в государственной жилищной политике занимало поощрение создания частного жилищного сектора путем поддержки приобретения собственных домов или квартир представителями средних слоев населения, что стимулировало развитие экономики и способствовало социальной стабильности.

Приобретение собственного жилья было предпочтительным и для населения, поскольку домовладение являлось не только показателем определенного социального статуса семьи, желанием «жить как все» (*хитонами-ни курасу*), но означало также создание серьезных семейных активов, ибо недвижимость в течение длительного времени была выгодным капиталовложением. В результате в настоящее время примерно 60 % домов и квартир находится в частном владении (в 1941 г. — 22 %).

Строительство жилья осуществлялось прежде всего благодаря льготным кредитам специально созданной для этого в 1950 г. Государственной корпорации по жилищным кредитам (*Дзютаку кинъю коко*). Она содействовала строительству частного жилья сравнительно состоятельными слоями населения, выдавая семьям, которые хотели стать частными домовладельцами, долгосрочные низкопроцентные ссуды. Кроме того, в 1955 г. для строительства многоквартирных домов для семей среднего класса была создана Японская жилищная корпорация (*Нихон дзютаку кодан*). Семьям с низким уровнем дохода предоставлялось государственное жилье (*коэй дзютаку*). Его строительство велось силами местных органов власти с помощью государственных субсидий (они же владели и управляли этим жильем). Субсидии выдавались таким семьям и для аренды жилья.

Определенную лепту в решение жилищного вопроса внес японский бизнес [1]. Многие компании еще во время Второй мировой войны предоставляли своим служащим жилье в зонах размещения промышленности, а после войны корпоративные жилищные программы получили дальнейшее развитие (дома компаний — *кюё дзютаку*, или *сятаку*). Кроме того, система пожизненного найма и система оплаты по старшинству, суще-

ствовавшие в крупных компаниях, гарантировали служащим стабильный рост доходов и соответственно — финансовые возможности для оплаты аренды жилья и даже для его покупки. Крупные фирмы зачастую выдавали своим работникам (прежде всего, молодым сотрудникам) субсидии для оплаты аренды жилья и низкопроцентные ссуды — для его строительства или покупки. Работникам также выплачивались бонусы. И хотя в целом масштабы корпоративного жилищного строительства были невелики, в первый период оно в значительной степени компенсировало дефицит социального жилья.

В ответ на появление дифференцированного спроса на различные типы жилья появился новый тип индивидуального и коллективного строительства, особняки, многоквартирные дома, кондоминиумы, что значительно повлияло и на традиционный уклад жизни японцев.

С 1980-х годов активно начался процесс сноса привычной деревянной застройки (прежде всего, в больших городах), хотя до сих пор большинство индивидуальных домов в Японии — деревянные (культура дерева вообще свойственна японцам в отличие от европейцев, у которых преобладала культура камня). В 1973 г. их насчитывалось 86 %, в 2013 г. — около 56 %, из которых 56 % были огнеупорными [2].

Среди новых жилых строений различаются так называемые *данти* (появились в середине 1950-х годов) — безликие стандартные дома, которые можно считать аналогом наших пятиэтажек, и *мэишны* (с 1970-х годов) — кондоминиумы, которые нередко имеют собственные имена и располагаются в престижных районах городов.

Квартиры в *данти* принадлежат по большей части муниципалитетам, фирмам, предприятиям или учебным заведениям, которые сдают их в аренду. С фасада *данти* — это сплошная линия окон (где взгляд поражает не только обилие висящего выстиранного белья, но и выставленные на просушку *футонны* — традиционные японские матрасы), а на противоположной их стороне расположены лестницы и открытые галереи, куда выходят двери квартир.

Кондоминиумы — это дома европейского типа, квартиры в которых оснащены всеми удобствами. Но в них сохранена во

многих случаях японская архитектурная традиция сочетания внутреннего пространства с открытой внешней средой. Поэтому здесь много больших балконов и террас. Апартаменты в таких домах стоят достаточно дорого. Так, квартира площадью в 75 м² стоила в конце 1980-х годов в 8,5 раз выше, чем средний годовой заработок служащего и более чем вдвое превышала цифру аналогичного соотношения в других развитых странах [3]. Цены на квартиры во вновь строящихся кондоминиумах в Токио (в среднем площадью 70 м²) в 2008 г. превысили уровень годового дохода трудящихся в 5,9 раз [4].

Широко распространился тип малогабаритных квартир, обозначаемый формулой *n-DK или n-LDK*, где *DK* — столовая — кухня (*dining kitchen*), *L* — гостиная (*living room*), а *n* — число спален. В таком жилье появилось функциональное разделение комнат, что отличает его от традиционной модели изменения внутреннего пространства с помощью бумажных перегородок или ширм [5].

О постепенном увеличении жилищного фонда свидетельствуют следующие статистические данные: в 1948 г. было 14 млн единиц жилья, в 1963 г. — 21, в 1988 г. — 37, в 2013 г. — 52 млн единиц [6].

Одновременно с модернизацией строительства зданий повышается и качество жилья. Значительно сократилась доля домовладений, размер которых не соответствовал минимальным японским жилищным стандартам — 18 м², для пожилых людей — 25 м²: с 30 % в 1973 г. до 4,3 % в 2003 г. [7].

Примерно половина домов оснащены тем или иным оборудованием для удобства лиц старших возрастов и инвалидов (широкие парадные двери и холлы для использования инвалидных колясок, поручни, доступные для стариков ванны и т. п.).

Число комнат в квартирах в первое время увеличивалось, но теперь постепенно уменьшается: в 1973 г. их было в среднем на дом 4,15, в 1988 г. — 4,86, в 2013 г. — 4,6, но одновременно уменьшается число человек на одну комнату. Но, что важно, возросла общая жилая площадь во всех типах домов: с 70,2 м² в 1973 г. до 84,9 м² в 1988 г. и до 93,55 м² в 2013 г. [8], а в собственных домах только за 1993—2008 гг. — с 118,38 до 121,03 м². В квартирах элитных домов она еще выше. В Токио, например, в

2005 г. в отдельных домах она достигала 150 м², в Осака — 130 м² [9]. В арендованных домах и квартирах площадь тоже возрастает. Сокращается она лишь в домах компаний и социальном жилье, равно как и число жилых помещений этих владельцев [10].

И хотя приведенные выше цифры, в частности в первые послевоенные десятилетия, уступали аналогичным показателям в Лондоне, Нью-Йорке и в ряде других крупных городов мира, все-таки можно сказать, что давно прошло время, когда японские жилища называли крольчатниками [11]. Кроме того, надо иметь в виду, что для японцев в шкале ценностей размер жилья стоял всегда далеко не на первом месте.

Перестройка жилищной сферы, безусловно, осуществлялась с учетом достижений в этой области западных стран. Но, как и в других сферах, это происходило на рациональной основе, на базе национальных ценностей, при опоре на культурную традицию. Поэтому полной смены традиционной модели градостроения на европейскую и американскую не произошло. Новые здания из стекла и бетона здесь органично вплетаются в ткань старой деревянной застройки. И что следует особо отметить, так это обязательное присутствие в новом «европейском» коттедже комнаты в японском стиле — с низкими столиками, с *татами*, *токонома* и т. п.

Перенимая все материальное, все необходимое и удобное в западной жилищной системе для современной жизни, японцы сохраняли традиционно присущие им архитектурные формы и привычные интерьеры и, что очень важно, — приверженность семейным ценностям. Жилье, дом и семья всегда были и остаются ключевыми элементами структуры общества. Индивидуализация жилья не свидетельствует о том, что у японцев исчезла значимость семейных ценностей. Для их поддержания оказалась значительно важнее психологическая близость людей, чем совместное проживание в одном доме. Родители, как правило, помогают своим детям. Это выражается, например, в строительстве домов для них на участках, принадлежащим родителям, в оплате им некоторых важных расходов, в личной помощи матерей по уходу за внуками, в уходе за престарелыми родственниками. Владение жильем здесь продолжает воплощать многие традиции *изэ* и одновременно — современные принципы экономического

развития. В этом объединяется принцип опоры на собственные силы и коллективизм (взаимопомощь) в общественной и экономической жизни.

По мере улучшения экономического положения в стране и развертывания жилищного строительства жилищная сфера начинает претерпевать ряд изменений, которые активно проявились в годы экономической нестабильности после краха «мыльного пузыря». Длительная неблагоприятная экономическая конъюнктура внесла серьезные изменения в государственную жилищную политику и выявила ряд серьезных проблем, связанных с развитием жилищной сферы, в частности, подтолкнула развитие социальной дифференциации.

Причем речь идет не только о снижении доходов населения и занятости.

Не меньшую роль сыграло резкое снижение цен на недвижимость и разгосударствление жилищной политики, которая начала проводиться в русле новой экономической политики, направленной на сокращение государственного вмешательства в экономику, приватизацию государственных корпораций, проведение административной реформы (сокращение и упрощение функций правительства) и т. д.

Прекратилась государственная поддержка строительства частного жилья. Была ликвидирована Государственная корпорация по жилищным кредитам. Вместо нее появилось Агентство по поддержке жилищных кредитов (*Дзютаку кинью сиэн кико*). Место Японской жилищной корпорации заняло Агентство городского возрождения (*Тоси сайсэй кико*), которое сконцентрировалось на реконструкции спальных районов и строительстве новых жилых домов в центральных районах крупных городов (в частности башен-кондоминиумов в 20 и более этажей). Было прекращено действие Закона о планировании жилищного строительства. Вместо него был принят Базовый (основной) закон о жилье (*Дзюсэйкацу кихон хо*). Он предусматривал улучшение качества строительства на последующие 10 лет и ввел к 2015 г. новые стандарты жилой площади — минимальный и желательный [12]. В законе также было предусмотрено, что к 2015 г. доля домовладений желательных стандартов составит 50 % (против 37 % в 2003 г.) и вокруг них будет создана благо-

приятная окружающая среда. Кроме того, к 2015 г. предполагалось довести долю домов, устойчивых к землетрясениям, до 90 % (в 2003 г. таких было 75 %), энергосберегающих (например, имеющих двойные стекла) — до 40 % (в 2003 г. — 18 %), а продолжительность службы новых строений — до 40 лет (в 2003 г. — 30 лет) [13]. Но важно подчеркнуть, что по новому закону не предусматривалось выплат субсидий, которые предоставлялись в соответствии с прежним законом. Другими словами, никакой государственной поддержки не предполагалось.

Масштабы же строительства государственного жилья (местных органов власти и государственных корпораций), которые уже резко упали в 1980-е годы (до 4,3 % против 18,4 % в 1950-е годы) [14], продолжали снижаться. Новые проекты строительства почти полностью были прекращены. Короче говоря, главным инструментом в разрешении жилищных проблем населения (в обеспечении жильем и его финансировании) стал рынок, что резко контрастировало с традиционным направлением жилищной политики.

Начало свертываться и так не очень большое корпоративное строительство, сократились возможности финансовой поддержки работников со стороны работодателей. Уменьшились размеры бонусов, компании начали заменять постоянных рабочих временными, льготы на которых не распространяются, а зарплата у них зачастую раза в два ниже, чем у постоянных. Таким образом, роль корпоративного жилья как вспомогательного сектора жилищной системы резко снизилась.

В условия рецессии были значительно ослаблены и гарантии аренды жилья. Уменьшилась численность жилья, сдаваемая в аренду муниципалитетами и государственными корпорациями, а также предприятиями и организациями, предоставлявшими аренду на льготных условиях. Соответственно уменьшилась и их доля в общем числе сдаваемых в аренду домовладений. Их место заняли частные лица. Так, например, в 2013 г. доля муниципалитетов и государственных корпораций в числе арендуемых домовладений составила 15 % против 18 % в 1993 г., доля владений, арендуемых на льготных условиях, — 5,9 % против 13,1 % в 1993 г. В то же время доля частных арендодателей выросла за 1993—2013 гг. с 68,6 до 78,8 % [15].

В условиях рецессии резко упала стоимость жилья. Так, например, если цена за квадратный метр в новых кондоминиумах в Токио за 1983—1990 гг. выросла с 428 тыс. иен до 934 тыс. иен, то к 2002 г. она упала до 513 тыс. иен [16]; стоимость деревянного дома площадью в 150 м² и участком земли в 284 м² в престижном районе Токио, составлявшая в 1990 г. в 300 млн иен, снизилась до 130 млн иен к 2002 г., т. е. более, чем вдвое [17].

Падение цен на недвижимость давало возможность многим купить новое жилье, которое продолжало строиться, хотя и не такими темпами, как ранее. Число собственных домовладений росло: по данным официальной статистики, за 1993—2013 гг. число частных домовладений, используемых только для проживания (есть дома и квартиры, которые одновременно используются и как офисы, магазинчики или кафе, хотя они составляют сейчас незначительный процент), увеличилось с 22,4 млн до 31,3 млн единиц жилья [18]. Особенно выросло число престижных многоквартирных домов, практически в 2 раза, в том числе 11-этажных и выше — в 4 раза [19].

В то же время были собственники, которые наоборот несли убытки, если нужно было дом или квартиру продать. Особенно в плохом положении были те, кто владел вторичным жильем, ибо цены на него снизились сильнее. Кроме того, в новых условиях владение частным жильем становится фактором риска из-за необходимости выплат по ипотечному кредиту.

Таким образом, одни семьи терпели убытки, другие же улучшали свои жилищные условия. В результате усилилась социальная дифференциация в жилищной сфере. Во многом этому способствовал поворот государства к рыночно ориентированной жилищной политике, что подрывало доступ к частному домовладению домохозяйств с низкими доходами.

В стране появились бездомные, которых ранее статистика не замечала. Впервые их начали учитывать в начале XXI в. С 2003 г. число бездомных — порядка 25 тыс. человек — практически не меняется: кто-то покидает эту категорию, кто-то в нее попадает. По сравнению с рядом развитых стран Европы (например, Франции или Германии) — цифра небольшая [20]. Однако в Японии это явление уже становится социальной про-

блемой, с которой скоро, возможно, придется серьезно считаться.

Большинство бездомных сосредоточено в крупных городах. В Токио, например, в январе 2014 г., по данным столичного правительства, их насчитывалось 1768 человек, по данным некоторых некоммерческих организаций и независимых экспертов их численность достигала 5 тыс. человек [21]. Обитают они, по данным Министерства здравоохранения, труда и благосостояния, в городских парках, на скамейках вдоль набережных рек, на улице, железнодорожных вокзалах и пр. Укрытием им часто служат палатки, тенты, пластиковые или деревянные листы.

По данным ряда обследований Министерства внутренних дел и Министерства здравоохранения, труда и благосостояния, а также опросов, проведенных социологами, можно составить представление о тех, кто подпадает под рубрику «бездомные» [22]. Это в основном мужчины в возрасте 55–56 лет, с низким уровнем образования, обычно никогда не состоявшие в браке. Наиболее частые причины попадания в такое положение — потеря работы (в том числе и в связи с банкротством компании или затуханием собственного бизнеса) и утрата работоспособности. Перед тем, как попасть в категорию бездомных, большинство опрошенных работало в строительном бизнесе, примерно по 10 % — в обрабатывающей промышленности и сфере услуг, главным образом на поденной и временной работе. Примерно 40 % обитали на съемных частных квартирах, остальные — в общежитиях и домах компаний, т. е. теряя работу, они теряли и место для проживания.

Некоторые из них устраиваются на поденную работу на стройки, другие собирают банки. На сборе банок можно заработать примерно 1000 иен в день. По данным опроса имеющих работу, примерно треть из них зарабатывает 10–30 тыс. иен в месяц, около 20 % — 30 до 50 тыс. иен, в то время как 12 % имеют менее 5 тыс. в месяц, 14 % — от 5 до 10 тыс. иен. При таких заработках только примерно 30 % едят три раза в день, 46 % — два раза в день и 17 % могут позволить себе есть не более одного раза в день. Качество их питания, конечно, оставляет желать лучшего. Большинство из них готовит купленную или подоб-

ранную где-то (в том числе и на свалках) еду на переносных газовых печках. Но очень многие просто едят упаковки готовой еды с просроченной датой годности.

В стране с 1950 г. действует Закон о защите жизненных стандартов (*Сэйкацу хо*), но он, по мнению профессора социологии Японского женского университета Ивата Масами, вряд ли может помочь именно бездомным. Он предусматривает оказание различных видов помощи домохозяйствам с низким уровнем дохода в зависимости от конкретных обстоятельств — помощь в лечении, получении образования и профессии, социального жилья и пр. Как правило, социальная помощь предоставляется живущим за чертой бедности тяжело больным, инвалидам, матерям-одиночкам. Но, как считает профессор, трудно предложить органам социальной защиты помогать 55-летним мужчинам, которые в принципе могут сами найти какую-то работу и соответственно обеспечить себя хоть каким-то жильем [23].

В середине 1990-х годов, когда бездомные стали бросаться в глаза, местные органы власти были вынуждены принять какие-то меры. С одной стороны, надо было облегчить их положение, но одновременно и предотвратить недовольство обычных граждан, которым было неприятно такое соседство. Поэтому потерявшим кров старались предоставить «гуманитарную» помощь на питание, одежду, лечение и пр. за счет местных органов социального обеспечения. В частности, муниципальные органы Токио и Осака усилили свои программы социальной помощи, включая предоставление бездомным убежища в зимнее время года, и восстановили программы создания центров занятости и оказания социальных и медицинских услуг.

В 2002 г. был принят Закон о бездомных (*дзирицу сиэн хо*), предусматривающий возвращение людей, выбывших из общества, к обычной жизни путем предоставления им работы (уборка парков, улиц) или жилья (например, предоставление дешевого съемного жилья, которое арендуют муниципалитеты). В переводе название этого закона означает «закон о поддержке независимости (самостоятельности)». Речь идет о том, чтобы дать человеку снова стать хозяином своей судьбы. Закон предполагает размещение бездомных в общежитиях или в приюте (где им

предоставляется еда, кровать и предметы первой необходимости, но не наличные деньги), и возможность получить профессию. Если через три месяца пребывания в таком общежитии органы социального обеспечения приходят к выводу, что человек сможет вернуться к нормальной жизни, ему продлевают срок пребывания здесь или в центрах поддержки на два месяца и помогают найти работу. Но, конечно, далеко не всегда и далеко не все снова возвращаются в нормальную жизнь. Например, в 2005 г. 10 778 человек были размещены в пяти приютах в Токио, из которых 4565 человек через некоторое время переехали в центры поддержки. Но из них лишь 2711 человек начали работать в сфере услуг (уборщиками, охранниками, официантами) и обрели «независимость» [24]. Определенную помощь оказывают бездомным и некоммерческие организации.

В последнее время не только местные власти, но и центральное правительство обеспокоились еще одной связанной с жильем проблемой, с которой сегодня уже нельзя не считаться — наличием в стране пустующих (заброшенных, незаселенных, покинутых), домов — *акия*. Причем не только в сельской местности (хотя, конечно, их здесь большинство, примерно 60%), но и в больших городах. Число единиц жилья превысило число домохозяйств уже в 1968 г. [25], но строительство новых домов продолжало идти полным ходом, ибо спрос на новые дома был большой, а покинутые старые уже никого не интересовали, они часто просто разваливались. Как пишут авторы статьи «Сможет ли Япония разрешить вопрос о пустующих домах?» [26], японское правительство после Второй мировой войны не интересовалось имеющимися домами, для него существовали лишь вновь построенные здания, которые подлежат продаже. Это объясняется, по их мнению, тем, что в Японии только земля считается финансовым активом, а дома — нет, если только они не расположены в таких городах, как Токио или Осака.

У некоторых домов владельцев уже нет, собственники других не поддерживают их в надлежащем состоянии. Брошенные на произвол судьбы, они представляют серьезную угрозу для жителей, становясь причиной пожаров, убежищем криминальных элементов, препятствием для проезда транспорта и т. п.

За 25 лет число пустующих домов удвоилось. В 1988 г. их насчитывалось 3,95 млн единиц, в 2008 г. — 7,57, в 2014 г. 8,2 млн единиц. Их доля выросла с 7,6% в 1978 г. до 9,8% в 1993 г. и до 13,5% в 2013 г., а в больших городах доходила и до 15% [27]. В условиях сегодняшних демографических сдвигов эта цифра, несомненно, будет расти.

Цифры последнего обследования наличия пустующих домов (они проводятся раз в пять лет), опубликованные в конце 2013 г., видимо, заставили японское правительство заняться этой проблемой. По имеющейся информации [28], оно предполагает принять меры для ее решения в масштабах страны. В настоящее время, по данным Министерства национальных земель и транспорта, в 350 органах местного самоуправления (ОМС) уже есть различные постановления, по которым они могут потребовать от собственника сдать в аренду или продать пустующие дома, отремонтировать или снести их. Но владельцы этого не делают, ибо это стоит несколько миллионов иен. Еще одной причиной, почему собственники не хотят сносить ненужные им дома, заключается в том, что налог на пустующий дом ниже, чем на свободный участок земли [29]. А поскольку речь идет о частной собственности, ОМС вынуждены вести длительные переговоры на этот счет. Сами же ОМС не в состоянии за свой счет ремонтировать или сносить эти дома.

* * *

Бурное развитие жилищной сферы в послевоенный период содействовало экономическому росту и становлению нового образа жизни населения, ускорению формирования среднего класса как самодостаточного и экономически эффективного слоя, что обеспечивало политическую и социальную стабильность в стране. Однако экономическая нестабильность последних двух десятилетий и изменение государственной жилищной политики способствовали появлению социальной дифференциации, углубив неравенство между домохозяйствами с разным уровнем доходов, между арендодателями и арендаторами, а также вызвали к жизни ряд других социальных проблем, которые ждут своего решения.

Примечания

1. Практика строительства жилья компаниями появилась в начальный период развития современной промышленности в конце XIX в., главным образом в текстильной и добывающих отраслях, где владельцы предоставляли работникам, прежде всего прибывшим из сельской местности, общежития (*зе*). Однако в целом до Второй мировой войны большинство работников жили на частных съемных квартирах.

2. Подсчитано по: Хэйсэй 27 нэн Нихон токэй нэнкан : [Японский статистический ежегодник на 2015 г.] Токио, 2014. URL: www.stat.go.jp/data/nenkan/zuhyo

3. *Jeff Kingston*. Japan's Quiet Transformation. London, New York, 2004. P. 9.

4. Сугаку дэ ёму Нихон : [Япония в цифрах]. Токио, 2010. С. 135. Данные министерства внутренних дел.

5. Кстати сказать, такой стиль жилья впервые появился в Японии еще в 1920-х годах во вновь построенных особняках, но в то время распространения не получил.

6. The Asahi shimbun Japan Almanac. Tokyo, 2002. P. 211; Нихон кокусэй дзюэ : [Япония в диаграммах и цифрах]. Токио, 1993. С. 509; Нихон токэй нэнкан : [Японский статистический ежегодник]. Токио. 2014. URL: www.stat.go.jp/data/nenkan/zuhyo/y1806000.xls

7. Housing and Social Transformation in Japan Ed. By Yosuke Hirayama, Richard Roland. London, New York, 2007. P. 120.

8. Нихон токэй нэнкан. Токио, 2014.

9. The Asahi Shimbun Japan Almanac. Tokyo, 2006. P. 208.

10. См.: Нихон токэй нэнкан. Токио. 2013. URL: www.stat.go.jp/.....y180000.xls

11. В одном из докладов Организации экономического развития и сотрудничества еще даже в начале 1980-х годов отмечалось, что большинство японцев живет в «кроличьих клетках». URL: www.imac.mo/fba/irer/papers/current/vol16n2_pdf/05.pdf

12. Минимальный стандарт на одного человека был определен в 25 м², на семью из двух и более человек — по формуле: 10 м² × (число членов семьи) + 10 м²; желательный стандарт на одного человек — в 40 м², для семьи по формуле: 20 м² × (число членов семьи) + 15 м²; в частном доме на одного человека желательный стандарт составил 55 м², для семьи — 25 м² × (число членов семьи) + 25 м².

13. URL: www.mlit.go.jp/english/index/html; International Real Estate Review. 2013. Vol. 16. № 2. P. 209, 229.

14. *Iwao Sato*. Welfare regime theories and the Japanese housing system. URL: <http://books.google.ru/books?id=3dklsbfq5YsC&pg=PA71&dq=>.

15. Подсчитано по Нихон токэй нэнкан. Токио. 2014. y1805000.xls

16. Facts and Figures in Japan, 2007. P.146.

17. *Jeff Kingston*. Japan's Quiet Transformation. London, New York, 2004. P. 5.

18. Нихон токэй нэнкан.Токио. 2014.

19. Там же.

20. URL: www.homelessworldcup.org/content/homeless-statistics

21. The Japan Times. 23.08.2014.

22. См.: URL: www.Lit.osaka-cu.ac.jp/soc/zassi/№5kakita.pdf/; http://books.google.ru/books/about/housing_And_Social_/www.sw.osakafu-w.ac.jp/-nakayama/pdf/report_outline.pdf; www.mhlw.go.jp/houdou/2003/03/h0326-5.html и др.

23. Housing and Social Transition in Japan... P. 153.

24. Там же. P. 156, 157.

25. См. Asahi shimbun Japan Almanac. Tokyo, 2002. P. 211.

26. The Japan Times. 05.09.2014.

27. Подсчитано по: Нихон токэй нэнкан... Токио. 2013; Токио. 2014. URL: www.stat.go.jp/...; Housing and Social Transition in Japan. Ed. by Yosuke Hirayama and Richard Ronald. London, New York, 2007. P. 24, 120.

28. The Japan Times. 05.09.2014.

29. The Japan Times. 06.09.2013.

Ю. Д. Денисов

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЯПОНСКИХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ

Научно-техническое прогнозирование является важнейшим инструментом ускорения инновационного развития, так как позволяет выявлять приоритеты этого процесса и необходимые для него ресурсы на самых ранних стадиях зарождения будущих инноваций и закладывать их в основу научно-технической и промышленной политики. Оно дает возможность выбрать конкретные направления, на которых целесообразно сконцентрировать увеличенный объем интеллектуальных, материальных и прочих ресурсов, переключив их с решения менее важных задач.

В основе научно-технического прогнозирования лежит детальный анализ тенденций в развитии науки, техники и технологий. Он позволяет выявить события, назревающие в научно-технической и производственной сферах, и сформировать представления о том, как эти события будут развиваться в дальнейшем. Проводя сценарный анализ их развития, можно решить целый ряд важных вопросов: как ускорить их наступление, какие ресурсы и в каком объеме следует привлечь, какими окажутся экологические последствия и т. д. Таким образом, имея добротный прогноз будущих событий, можно достаточно обоснованно выбрать как приоритеты, так и конкретные меры, обеспечивающие подготовку и реализацию этих событий.

За рубежом наиболее масштабные и авторитетные научно-технические прогнозы разрабатываются в США и Японии.

Таковы, в частности, работы корпорации РЭНД, посвященные анализу перспектив расширения «научно-технологического пространства» в первой четверти 21-го века. В работе «Глобальная технологическая революция (биотехнологии, нанотехнологии, материалы и их синтез с информационными технологиями на период до 2015 г.)», которая была опубликована в 2001 г., были проанализированы глобальные тренды в указанных областях, а также ожидаемые экономические и социальные результаты [1].

По аналогичной схеме было построено и вышедшее спустя пять лет исследование РЭНД «Глобальная технологическая революция 2020: углубленный анализ». Оценка перспектив развития мирового сообщества до 2020 г. производилась как в научно-техническом, так и в социально-экономическом плане, анализировались движущие силы мирового инновационного процесса и препятствия на его пути, а также выяснялось, какие страны будут выступать в качестве лидеров. Работа обобщила результаты обследований основных областей мирового научно-технического развития, которые были выполнены путем анализа статей в научной периодике и монографий, опубликованных наиболее авторитетными издательствами [2].

Общий вывод заключался в том, что «глобальная технологическая революция» проявит себя наиболее существенным образом в четырех базовых областях научно-технологического прогресса, а именно, в сфере биотехнологий и нанотехнологий, в разработке и создании новых материалов и в процессах информатизации. Этот вывод был конкретизирован перечнем из 56 технологий, которые будут оказывать глубокое и многостороннее влияние на формирование нового качества жизни — как ее материального уклада, так и социокультурного процесса. Оценивая работу с сегодняшних позиций, следует отметить, что все ее основные выводы были сделаны правильно, а указанные в ней технологии стали ключевыми технологиями современного инновационного развития.

В Японии первый прогноз мирового научно-технического развития на период до 2000 г., подготовкой которого руководило Управление по науке и технике (*Кагаку гидзюцу тэ*), был опубликован в 1971 г. Начиная с седьмого прогноза (2001 г.) общее руководство осуществлялось Министерством образования и

науки (*Монбукагакус*). В работе над этими прогнозами использовался так называемый дельфийский метод — в два последовательных тура выполнялось анкетирование большого числа экспертов (до трех тысяч). Результаты первого тура направлялись тем же экспертам для повторного рассмотрения, чтобы они скорректировали свои оценки с учетом мнений, выраженных другими экспертами. После анализа и надлежащего оформления иллюстративными материалами итоги обоих туров публиковались, причем с 1988 г. также и на английском языке.

В 1992 г. вышел в свет японский прогноз, подготовленный по другой методике. Его авторы, аналитики Управления экономического планирования, представили свое видение техносферы 2010 г. Они детально описали наиболее весомые перспективные инновации, преимущественно многоотраслевого применения: компьютеры и системы связи, средства производства, энергетическая и транспортная техника, строительные объекты, продукция медицинского назначения. Была сделана попытка спрогнозировать годовые объемы рынка этих инноваций, объемы имеющихся в Японии заделов, позиции американских и европейских конкурентов. Каждую инновацию предполагалось охарактеризовать такими показателями, как количество патентов, научных статей, диссертаций и др., но особого развития эта мысль не получила, поскольку это привело бы к серьезному усложнению работы [3].

Вместе с тем довольно удачным методологическим приемом явилось построение матрицы «техника — технологии», отражающей связь между инновациями, представленными промышленной продукцией, и ключевыми технологиями, на которых основывается производство этой продукции. Данная матрица показывала, например, что для создания оптических интегральных схем необходимо форсировать разработки в области микроэлектронных, оптоэлектронных и системных технологий, а также технологий полупроводников. Отражая объективные взаимосвязи в системе «техника — технологии», она давала вполне рациональный подход к усовершенствованию управления инновационными процессами, в том числе необходимыми затратами, как на уровне фирмы, так и в отраслевом масштабе [4].

Однако упомянутый прогноз в дальнейшем не модифицировался и не обновлялся, тогда как прогнозы, основанные на дельфийском методе, выходили регулярно с пятилетним интервалом и, как отмечают их разработчики, использовались при разработке пятилетних «Базовых планов научно-технического развития Японии», первый из которых вступил в действие в 1996 г. Тематика этих прогнозов весьма обширна, что хорошо видно по структуре их тематических разделов. Так, в девятом прогнозе (2010 г.) присутствовали следующие разделы [5]:

1. Роль электроники, связи и нанотехнологий в информационном обществе.
 2. Развитие технологий обработки информации.
 3. Био- и нанотехнологии на службе человечеству.
 4. Внедрение информационных технологий в медицину в интересах укрепления здоровья народа.
 5. Исследования Земли и Вселенной, использование науки и техники для расширения сфер человеческой деятельности.
 6. Глубокие преобразования в технологиях энергетики.
 7. Использование водных, продуктовых и минеральных ресурсов, а также широкого разнообразия прочих ресурсов, необходимых человечеству.
 8. Технологии, способствующие охране окружающей среды и созданию последовательно развивающегося общества «рециркуляционного типа».
 9. Базовые технологии, относящиеся к веществам и материалам, их обработке, а также к наносистемам, технике вычислений и др.
 10. Производственные технологии, способствующие развитию промышленности и общества и являющиеся комплексным базисом для развития всех наук и технологий.
 11. Усовершенствование методов и процессов управления на основе достижений науки и техники.
 12. Инфраструктурные технологии, лежащие в основе жизненной и производственной деятельности.
- Разделы десятого прогноза (2015 г.) сформулированы более лаконично, но по своему содержанию являются не менее емкими [6]:
1. Информационно-коммуникационные технологии и аналитические методы.

2. Здравоохранение, медицина, науки о жизни.
3. Сельское, лесное и рыбное хозяйство, продукты питания.
4. Исследования Земли, Мирового океана и космоса.
5. Окружающая среда, ресурсы, энергетика.
6. Материалы, приборы, процессы.
7. Социальная инфраструктура.
8. Сервисизация и управление.

Следует отметить, что в этих разделах отражены крайне важные проблемы перехода к постиндустриальному обществу. Так, в раздел «Социальная инфраструктура» входит тематика, отражающая технологии освоения и охраны территорий, строительства и охраны окружающей среды, связи и логистики, эксплуатации транспортных систем, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий. Технологии раздела «Сервисизация и управление» связаны с социально-экономической политикой и управленческой деятельностью, техническим обслуживанием систем и объектов, маркетингом и проектированием услуг, роботизацией обслуживающих функций, а также аналитическими исследованиями в этих областях.

Большой интерес к указанным прогнозам определяется не только возможностью ознакомиться с их обширной тематикой и предполагаемыми сроками решения научно-технических проблем, а также их некоторыми дополнительными характеристиками. Особенно ценно то, что каждая из этих проблем оценивается экспертами в плане их актуальности, и по результатам экспертных оценок можно выделить группы наиболее актуальных проблем, т. е. потенциальных приоритетов общенационального значения. Соответственно, выявляются и проблемы с невысоким уровнем актуальности, которые не заслуживают статуса приоритетных. Таким образом, данные прогнозы структурируют стоящие на повестке дня научно-технические проблемы в плане важности и приоритетности, а это представляет не меньший интерес, чем предполагаемые сроки их решения [7].

В первых пяти прогнозах об актуальности проблемы позволяли судить процентные доли экспертов, которые оценивали ее важность как высокую. Одновременно указывались доли экспертов, характеризовавших ее важность как среднюю, низкую и нулевую. В отдельную строку выводились оценки экспертов, яв-

лявшихся профессионалами по данной проблеме. Все это служило хорошим ориентиром как для научно-технических работников, так и для потенциальных инвесторов, формировавших свои перспективные планы.

Начиная с шестого прогноза (до 2025 г.), опубликованного в 1997 г., для каждой обсуждаемой проблемы стали вычислять особый параметр, так называемый индекс актуальности (*дзюёдо*). При его подсчете суммировались умноженные на соответствующий коэффициент процентные доли экспертов, оценивших актуальность проблемы как высокую, среднюю или невысокую. В первом случае коэффициент равнялся единице, а во втором и третьем — соответственно, 0,5 и 0,25.

Существенное и, по-видимому, довольно рациональное новшество появилось в последнем, десятом прогнозе. Актуальность проблемы определялась как среднее арифметическое оценок, данных ей экспертами, исходя из того, что особо актуальная проблема оценивалась в 4 балла, высокая актуальность позволяла присвоить ей 3 балла, а низкая и очень низкая — соответственно, 2 и 1.

Уже начиная с четвертого прогноза (1988 г.) число предлагаемых экспертам научно-технических проблем превысило 1 тыс., но в восьмом и последующих прогнозах их число заметно уменьшилось. Это объясняется тем, что для каждой проблемы стали отдельно прогнозировать время как технической, инженерной реализации, так и ее экономического освоения. Раньше эти два аспекта реализации формулировались как отдельные проблемы. Указанное новшество привело к некоторому уменьшению общего числа обсуждаемых проблем, однако информативность прогнозов существенно возросла.

В пятом прогнозе (1992 г.) был апробирован подход, позволяющий сформировать особый кластер из проблем, решение которых обеспечило бы крупномасштабную интеллектуализацию практической деятельности, получение и применение более полного и совершенного знания. В прогноз вошло 225 таких проблем со сроками реализации до 2020 г. Они были распределены по трем уровням: изыскание новых принципов, создание новых базовых технологий, разработка прикладных методов.

Как отмечалось выше, первый японский научно-технический прогноз был опубликован в 1971 г. В нем были проанализированы 644 проблемы, причем до 1996 г. прогнозировалось решение 588 проблем. Сопоставление с практическими реалиями показало, что полностью было решено 26 % проблем, а частично — 38 %. Иначе говоря, почти 2/3 от общего числа проблем, сформулированных в первом прогнозе, были полностью или частично решены в спрогнозированных сроки. В Японии полагают, что это свидетельствует о высоком качестве прогнозирования. Однако нельзя не отметить, что «частичное решение проблемы» можно трактовать весьма произвольно. Для обеспечения более высокого качества прогноза следовало бы формулировать проблемы таким образом, чтобы об их реализации в указанные сроки можно было судить однозначно, не прибегая к оценке «решена частично».

Чтобы показать, какого рода проблемы представлены в японских научно-технических прогнозах и в каких формулировках они предлагаются экспертам, приведем ряд конкретных примеров. Все эти проблемы, по мнению японских экспертов, должны быть решены на инженерном уровне до 2020 г.

Заметный прогресс ожидается в области информационно-коммуникационных систем. Он выразится в создании информационной инфраструктуры, обеспечивающей пользователям повсеместный и постоянный доступ к среде обработки данных. Усилятся позиции альтернативной энергетики — появятся большие тонкопленочные солнечные элементы с коэффициентом преобразования свыше 20 %. Также будут созданы технологии промышленного производства топлива и биохимикатов с использованием растений и микроорганизмов в процессе использования биомассы. Производственные системы закрытого цикла, обеспечивающие повторное использование в качестве сырья основной массы компонентов использованной продукции, сократят потребность в материалах. На это будут ориентированы и системы контроля жизненного цикла промышленных изделий, в компоненты которых будут встраиваться контролирующие их ресурс интегральные микросхемы. На повестке дня прорывы в медицинских технологиях. В частности, системы, позволяющие с помощью биочипов выполнять диагностирова-

ние самого широкого спектра заболеваний и рекомендовать оптимальные методы лечения.

Близка к завершению разработка фармацевтических технологий, обеспечивающих возможность перорального приема таких препаратов, как инсулин и вакцины.

После 2020 г. наступит эра медицинских технологий, использующих наночипы и микросенсоры, которые будут вживляться в организм или перемещаться по кровеносным сосудам, обеспечивая обмен информацией и осуществляя управляющие функции. На новые показатели выйдут и элементная база электроники — появятся сверхъемкие запоминающие устройства (с емкостью более 1 млн гигабайт), использующие принципы атомной и молекулярной самоорганизованной памяти. На повестке дня и создание технологий поддержки проектирования и разработок с использованием введенных в компьютерную память мыслей человека, которые будут фиксироваться путем сканирования волн, эмитируемых его мозгом.

Хотя значимость японских прогнозов такого рода, в принципе, не должна вызывать сомнений, их детальный анализ все же вызывает некоторые вопросы. И первый из них — насколько можно доверять публикуемым в них экспертным оценкам, если в общем комплексе оценок проблемы (и по актуальности, и по срокам реализации) оценки профессионально разбирающихся в данной проблеме составляют, как правило, меньше 20 %. И когда доля экспертов-профессионалов составляет лишь несколько процентов (а таких случаев довольно много), результаты, наверное, следовало бы признавать нерепрезентативными? Конечно, всегда отдельной строкой приводятся результаты, основанные на оценках экспертов-профессионалов. Но нельзя не учитывать, что они склонны завышать актуальность своей тематики и давать более оптимистические прогнозы сроков реализации проблем, над которыми сами работают.

Критические оценки можно найти и у японских специалистов. Так, по их мнению, прогноз неплохо отражает общую картину мирового научно-технологического пространства, но ее лишь в редких случаях можно использовать при формировании научно-технической политики. Из экспертного обсуждения выпадают конкретные меры, необходимые для практической реа-

лизации обсуждавшихся проблем, документы, которые готовят в аппарате различных министерств, существенно ближе к практике. Детальные статистические обследования также показывают, что внимание к этим прогнозам пока явно недостаточное [8].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что японские научно-технические прогнозы, несомненно, являются важным инструментом форсирования инновационного развития — в том числе, в социокультурном плане. Результаты этих прогнозов достаточно широко популяризируются и, несомненно, способствуют решению одной из важных задач, стоящих перед японским обществом — его развитию на основе научных взглядов на мир [9].

Изучение японского опыта создания научно-технических прогнозов, безусловно, весьма полезно для совершенствования отечественной инновационной политики. Однако непростое состояние российской экономики диктует необходимость более глубоких подходов к выбору приоритетов, чем безоговорочное следование за экспертными оценками, на основе которых несложно выделить наиболее актуальные научно-технические проблемы.

Ведь в результате перехода к рыночному, конкурентному режиму функционирования экономики и общества рассчитывать на особо объективные оценки экспертов, к сожалению, не приходится. Многие эксперты будут стремиться к ослаблению позиций конкурентов и потому занижать уровень и актуальность их достижений, явно или завуалировано «продвигая» свои работы, оценивая их актуальность как наиболее высокую.

Кроме того, можно ставить перед экспертами множество конкретных вопросов об актуальности обсуждаемой научно-технической тематики, об уровне отечественных исследований и разработок, об их результатах, о мерах содействия решению наиболее актуальных проблем и сроках их реализации. Однако при этом не будет получено ответа на самый болезненный вопрос — удастся ли благодаря выполнению этих научно-технических проблем, если принять их в качестве приоритетов, получить весомый экономический эффект и заработать средства на дальнейшие исследования и разработки. Кроме того, экспертов следовало бы также спрашивать о предполагаемых затратах и

ожидаемых дивидендах, хотя это были бы весьма нелегкие для них вопросы, которые и в Японии экспертам пока не предлагаются.

Примечания

1. Philip S. Anton, Richard Silbergitt, James Schneider. The Global Technology Revolution: Bio/Nano/Materials Trends and Their Synergies with Information Technology by 2015. RAND Corporation. Santa Monica-Arlington, 2001.

2. The Global Technology Revolution 2020: In-Depth Analysis. RAND Corporation, Technical Report. Santa Monica-Arlington-Pittsburgh, 2006.

3. Кэйдай-о уогаку 2010 нэн-но гидзюцу (соку 101 : [101 инновация технологического прогноза на 2010 г., приводящая в движение экономику]. Токио, 1992.

4. 2010-нэн гидзюцу ёсоку : [Прогноз науки и технологий: 2010 г.]. Токио, 1995. С. 28—32.

5. Перевод разделов дан по японскому тексту. На английском языке: The 9th Science and Technology Foresight. Delphi Survey. NISTEP Report № 140. Tokyo. 2010.

6. URL: <http://www.nistep.go.jp/wp/wp-content/uploads/happyou5.pdf>

7. Чтобы оценка проблемы была более многосторонней, к работе над прогнозами привлекались специалисты самого различного профиля. В числе руководителей работ были, в частности, писатель-фантаст Сакэ Комацу и популярный в Японии и за рубежом аналитик Масанори Моритани. Однако последний, несмотря на свою многоплановую осведомленность, был уверен, что в области электроники конец XX века вряд ли ознаменуется существенными инновациями — Интернет, мобильная связь и цифровая видеотехника очень быстро опровергли его мнение.

8. Yoda T. Perceptions of domain experts on impact of foresight on policy making: The case of Japan. Technological Forecasting & Social Change. Vol. 78. № 3, 2011. P. 438, 443.

9. Comprehensive Analysis of Science and Technology Benchmarking and Foresight. NISTEP Report № 99. Tokyo, 2005. P. 46—47.

ИСТОРИЯ

К. О. Саркисов

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. ВСТУПЛЕНИЕ ЯПОНИИ В «ЕВРОПЕЙСКУЮ ВОЙНУ»

Япония вступила в войну на стороне стран Антанты спустя недели после ее начала. В Японии на момент начала войны не было четкого сознания, что участие в ней необходимо и, тем более, желательно [1]. Но оставаться полностью в стороне от конфликта было невозможно. В него вовлекалась союзная Англия, а также Россия, с которой к этому моменту складывались отношения тесного сотрудничества в Маньчжурии и Монголии. Многое зависело от того, как будут разворачиваться события. Поэтому в Токио с нетерпением ждали сообщений из Европы. Из японского посольства на Французской набережной в Петербурге одна за другой шли телеграммы. 29 июля японский посол Мотоно Итиро писал, что предложение о разрешении конфликта путем прямых переговоров между Петербургом и Веной, активно поддержанное Германией, было отвергнуто австро-венгерской стороной, и Россия начала мобилизацию своих войск (13 дивизий) на границах с Австро-Венгрией. А 31-го он сообщал уже о мобилизации всех 34 дивизий, дислоцированных в европейской части России [2].

Вена отвергла все мирные предложения и возобновила бомбардировки Белграда, сообщал далее в Токио японский посол.

В ответ на запрос из Берлина о причинах мобилизации, Петербург отвечал, что Австро-Венгрией отвергнуты все мирные усилия, и Россия вынуждена готовиться к худшему, хотя по-прежнему прилагает все усилия к поискам мира. Реакцией Берлина было объявление ультиматума, а 1 августа во второй половине дня германский посол в Петербурге вручил Сазонову ноту об объявлении войны России, сообщал 2 августа Мотоно из Петербурга [3]. На следующий день ноту — уведомление Токио об объявлении Германией войны России передал германский посол фон Рекс.

Наступил момент, когда Японии необходимо было определять свое отношение к войне. Устоявшейся точкой зрения в историографии Первой мировой войны является то, что Япония только и ждала момента, чтобы, вступив в войну, прибрать к своим рукам германские территории на Дальнем Востоке и в Микронезии [4]. Ее придерживается большинство историков, независимо от национальной принадлежности и идеологических убеждений.

Но в реальности, в японском правительстве были разные точки зрения, и оно не сразу склонилось к решению воевать. Было мало объективных и формальных оснований для этого. Еще 28 июля японская пресса, близкая к правительству, подчеркивала, что у *Японии самые лучшие, насколько это возможно, отношения с каждой из трех стран — Австро-Венгрией, Германией и Россией, и нет никаких интересов в Сербии. И в случае войны, вне всякого сомнения, императорское (японское) правительство будет соблюдать строжайший нейтралитет* [5].

Так, видимо, и было бы, если к приведенному списку не добавилась Англия. Союз с Англией (договор от 13 июля 1911 г.) не обязывал Японию воевать за нее, но соблазн был велик — война в Европе не могла закончиться вничью, а ее последствия должны были сказаться на позициях одной из сторон в Азии. Оставаться в стороне означало отказаться от участия в глобальном переделе сфер влияния. Это было немисливо с учетом сильного геополитического мышления, сформировавшегося сразу после возникновения новой мэйдзийской государственности. «Изоляционизм» феодальной Японии сменился «экспансионизмом» новой эпохи. Столь быстрая смена одной модели на другую име-

ет свою внутреннюю логику. То же самое можно найти и в истории Соединенных Штатах.

Но если корни «мэйдзийского экспансионизма» были порождением в первую очередь страха перед опасностью оказаться в положении зависимого полуколониального государства по китайскому образцу, то в позднемэйдзийский период и в период после него амбиции стали носить ярко выраженный империалистический характер захвата чужих территорий. Сказывался рост политического влияния верхнего эшелона бюрократии, особенно военной, на фоне ослабления реального политического влияния императора после смерти императора Мэйдзи. Теперь власть императора все больше становилась формальной или инструментом в руках политиков.

16 апреля 1914 г. ушло в отставку правительство Ямамото Гомбэй, просуществовавшее чуть больше года. На смену адмиралу, обвиненному в использовании власти для проталкивания контрактов для военно-морского ведомства, спустя шестнадцать бурных лет японской истории во второй раз к власти пришел ветеран японской политики Окума Сигэнобу.

Его назначение отражало новые веяния в японской политике. После смерти императора Мэйдзи стала меняться политическая модель в сторону ее новой версии, которую в Японии принято обозначать термином «демократия Тайсё». Структура и динамика политического процесса усложнилась. Со сменой императора авторитарность его института власти убавилась. Теперь не получалось, как прежде, одним движением его воли гасить противоречия между разными группами политических и экономических интересов. Преклонного возраста политик (Окума в марте исполнилось 76 лет) еще сохранял в себе черты прошлой эпохи, и на его влияние рассчитывали, прежде всего, в примирении армии и флота, противоречия которых в борьбе за бюджетный «пирог» начинали становиться деструктивными.

Для участия в войне, как нельзя кстати, оказались аргументы недавней истории. Для оправдания участия в «европейской войне», к которой страна не имела прямого отношения, полезным оказался факт двадцатилетней давности — «унижение национального достоинства» в результате вмешательства трех стран, включая Германию, вынудившее Японию отказаться от

Ляодунского полуострова — «законной добычи» первой японо-китайской войны.

На секретном заседании кабинета министров Японии 7 августа 1914 г., когда было принято решение об участии в войне, этот аргумент был одним из главных в речи Окума: *«Это ... наше возмездие за трехстороннее вмешательство после окончания войны с Китаем, в котором Германия сыграла главную роль, и в отношении которого весь наш народ испытывает чувство глубокой обиды»* [6]. Насчет обиды Окума не преувеличивал. Автор известной книги «Путь самурая» Инадзо Нитобэ передает ту горечь, которую японцы испытали, когда Германия поддержала Россию и Францию в их давлении на Токио. Этого можно было ожидать от России, испытывавшей серьезные амбиции в отношении Дальнего Востока, а также Франции, которая ссудила на их реализацию огромные средства, но никак не от Германии, клявшейся в дружбе, сокрушается Нитобэ. «Какой бы ни была причина, но вероломство Германии вызвало у японцев крик отчаяния: «И ты, Брут!»» [7].

Одной из «косвенных» причин японского участия в войне могла быть и «враждебность» германской элиты, нередко выступавшей с антияпонскими и откровенно расистскими высказываниями в адрес Японии. Если в США они преобладали на среднем и бытовательском уровнях, а также в отдельных регионах, то в Германии — в среде политиков и бюрократов высшего эшелона власти. В США представители федеральной власти, как минимум публично, от них открещивались, а в Германии элита не стеснялась их.

Статс-секретарь германского МИД с 1913 по 1916 г. Готлиб фон Ягов, жалуясь, что президент США Вильсон втягивается в союз с Англией и Францией против Германии, угрожал в ответ заключить соглашение с Россией и Японией. Однако признавался: *«Но я не хочу этого. Эти японцы — грязные маленькие желтые обезьяны. Я боюсь их»* [8].

И все же главным аргументом, который мог оправдать вступление в войну, оставался союз с Англией и обязательства по нему. Но 1 августа, когда вспыхнула война, министр иностранных дел Англии Грей встретился с японским послом Иноуэ, чтобы сообщить ему, что Англия еще не приняла окончательно-

го решения о своем участии в ней, и если даже решиться, то не будет нуждаться в японской помощи.

Если при определенных обстоятельствах Англии все же придется вступить в войну, она будет воевать на стороне Франции и России, заявил Грей. «Намерена ли Англия в этом случае обратиться за помощью к Японии, с которой ее связывает союз?» — поинтересовался японский посол. В ответ Грей заявил, что *не считает, что в случае участия Англии в войне интересы англо-японского союза будут затронуты, как не считает что правительство Англии должно будет обратиться за помощью Японии по условиям этого союза* [9]. То же самое было и в тексте телеграммы, посланной им Грину в Токио.

Итак, Лондон решил обойтись без японской помощи, и на тот момент не было явных признаков того, что Япония навязывала себя. Но через два дня министр иностранных дел в кабинете Окума Като Такааки получил записку от английского посла. Канингам Грин (Conyngham Greene) сообщал, что только что от Грея поступила телеграмма. Посланная ему из Лондона 3 августа, она настолько важна, что ее содержание он готов обсудить с японским министром в любое удобное для того время. Она была, действительно, чрезвычайно важной — завтра Англия объявит войну Германии.

Принято решение воевать с Германией, и «если военные действия перекинутся на Дальний Восток и произойдет нападение на Гонконг и Вейхайвей, то правительство Ее Величества будет рассчитывать на поддержку императорского (японского) правительства».

Из текста телеграммы Грина в Лондон о содержании его разговора можно сделать вывод о весьма сдержанной реакции Като. Либо в тот момент в Токио еще не рассчитывали на участие и даже не хотели ввязываться в войну, либо японский министр искусно скрывал свои эмоции, «не дергая за ниточку и оживая, когда рыба по-настоящему клюнет».

У Японии нет никакой заинтересованности в европейской войне, говорил Грину Като. *Принята к сведению и точка зрения Грея, что англо-японский союзный договор не обязывает Японию участвовать в войне в Европе. И только в случае, если британские интересы окажутся под угрозой, в частности, если Германия на-*

падет на Гонконг, то Япония окажет ей всю возможную помощь. Что же касается юридических и политических оснований вступления Японии в войну, а также характера ее действий, Япония полностью полагается на английское правительство, которое должно само определить их [10].

Но принципиально важным было одно условие — коснется ли пожар войны в Европе английских и германских колоний в Азии. В этом и только в этом случае мог сработать механизм англо-японского союза, а главное — могла появиться необходимость в японской помощи Англии. Это становится официальной позицией Токио и на встрече 3 августа по просьбе германского посла, состоявшейся до встречи с Грином, Като говорил в этом ключе. *На вопрос посла, какой будет политика Японии, если война выйдет за пределы Европы, министр заметил, что он надеется, что этого не произойдет, но если военные действия затронут одну из территорий региона, к примеру Гонконг или Вейхайвей, то Японии не останется ничего другого, как выполнять свои союзнические обязательства в отношении Англии. Но он, лично, уверен и очень надеется, что этого не произойдет* [11]. Из английских документов видно, что посол Германии со своей стороны категорически отрицал, что такие действия будут предприняты [12].

Возможность участия Японии в войне против Германии вызвала сильное беспокойство в Пекине, где с полным основанием опасались, что объектом военных действий Японии могут стать не только упомянутые английские колонии, но прежде всего германская концессия на Шаньдунском полуострове. В тот же день 3 августа с германским послом, но уже в Пекине, встречался Ян Шикай. Он предложил идею «нейтрализации» германской концессии. Барону Курту фон Мальцан (von Maltzahn) идея пришлась по душе. Один из теоретиков геополитики, хоть и не столь знаменитый, как его соотечественник Фридрих Ратцель, Мальцан видел бесперспективность ситуации и считал необходимым свести потери к минимуму. Он обещал Ян Шикаю, что поставит вопрос о нейтрализации германских концессий в Китае, включая остальные две в Тяньцзине и Ханькоу, на совещании послов всех заинтересованных стран в Пекине 6 августа. Он брался осуществить эту идею, даже если не по-

лучит одобрение из Берлина, при условии, что ее поддержат остальные державы. На встрече с *Ян Шикаем* в тот же день 3 августа английский посол Джордан и японский посол Обата якобы поддержали план «нейтрализации». Но вступление в войну Англии 5 августа расстроило эти планы. Теперь ни о какой «нейтрализации» не могло быть и речи [13].

В японских архивах не удалось найти следы этой беседы японского посланника с Ян Шикаем. Но вполне возможно, что идея «нейтрализации» германских концессий могла быть поддержана Японией, которая действовала в строгом согласии с Англией, которая на тот момент еще не определилась.

4 августа на встрече с французским послом Эженом Реньо Като, повторяя слова о «строгом нейтралитете», оговаривался: «если война не затронет британские колонии в Восточной Азии». Более того французский посол неожиданно стал агитировать за военный союз между Японией и Францией, высказав идею, которая потом неоднократно звучала из уст французских дипломатов, особенно в период, когда немцы захватили большую часть Бельгии и приближались к Парижу [14].

В этот же день с Като встречался и русский посол. Малевский не агитировал за союз. Его больше интересовало, каким по своему характеру будет японский «нейтралитет». Для России это крайне важно, учитывая, что германские корабли вышли из Циндао в море и создалась реальная угроза судам русского Добровольного флота в водах у берегов Японии. На вопрос Малевского, вправе ли Россия считать японские порты «дружественными», Като отвечал вопросом: «Что такое «дружественный порт»?». Малевич пояснил, что, к примеру, русские корабли смогут заходить в японские порты для ремонта. Като сказал, что на этот вопрос он не может ответить сразу и даст ответ после того, как изучит его [15].

Насчет «угрозы» Малевский не преувеличивал. Совершавший рейдерский поход в сторону Владивостока немецкий крейсер «Эмден» 6 августа привел в Циндао свою первую добычу — пароход «Рязань». Судно российского Добровольного флота с грузом железнодорожных рельс, вина, цитрусовых и пассажирами на борту шло из Нагасаки во Владивосток и было захвачено ночью 2 августа в Цусимском проливе. «Команду и пассажиров

высадили в корабельные шлюпки и, снабдив водой и продовольствием, посоветовали идти к ближайшему берегу» [16].

Время идет, и Англия все более склоняется к тому, чтобы воспользоваться услугами своей союзницы. Это происходило на фоне противоречий в мнениях в Уайт-холле. Представители дипломатического корпуса опасались, что в случае японского участия в войне и их успеха Японии достанется все германское наследство не только в Китае, центральной и южной частях Тихого океана, но под угрозой могут оказаться даже Австралия и Новая Зеландия. Дипломаты учитывали и крайне негативное отношение США к участию Японии в войне [17]. Военно-морское ведомство, не слишком озабоченное геополитическими последствиями японского участия, реально нуждалось в помощи японского военно-морского флота. Его новый глава молодой Уинстон Черчилль, после того как в октябре 1911 г. он занял свой пост, предвидя войну с Германией, ускорил перевод крупных военно-морских сил из Тихого океана и Средиземного моря в район Северного моря — район будущих решающих сражений. С марта 1914 г. к началу войны силы британского флота в китайских водах (China Station) сократились с пяти линкоров и одного броненосного крейсера до двух линкоров, одного линейного крейсера и двух крейсеров [18]. Военно-морские силы Японии должны были компенсировать нехватку британских сил на Дальнем Востоке. Не случайно, 5 августа *Като* получил телеграмму, в которой Черчилль «искренне благодарил» его за поддержку и заявлял, что он обратится к помощи Японии, «как только в этом возникнет необходимость» [19].

Вечером 4 августа Грей посылает очередную депешу в Токио. Он явно лицемерит — он хотел, мол, уберечь Японию от военных тягот. *Во время русско-японской войны Япония вела себя очень «скромно», не прибегая к более существенной помощи Англии, хотя и могла по условиям союза. Сейчас, когда Англия на пороге войны, хотелось проявить такое же великодушие и не «втягивать Японию в какие-либо проблемы», если не случится ничего такого, когда помощь Японии будет совершенно необходима* [20].

В это время в Петербурге Мотоно, ознакомившись с телеграммой о встрече *Като* с *Малевским*, обеспокоен тем, что от России держатся в тайне переговоры с Англией о возможном

японском участии в войне. В «сверхсекретной» телеграмме он просит разрешить ему в конфиденциальном порядке довести до сведения российского правительства их содержание. Он уверен, что Петербург о них «рано или поздно» узнает из английских источников, поэтому лучше, если это сделает Япония [21].

Японский посол даже не догадывался, насколько он был прав. Сазонов уже контактировал с англичанами (и французами), агитируя за привлечение Японии к войне с Германией. *Морис Палеолог* свидетельствует: «Пятница, 7 августа. ...Сазонов предлагает французскому и британскому правительствам безотлагательно договориться в Токио о присоединении Японии к нашей коалиции: союзные державы признали бы за японским правительством право присоединить германскую территорию в Киао-Чао (Цзяо-Чжоу), а Россия и Япония гарантировали бы друг другу неприкосновенность их азиатских владений [22]».

Надежда, что война в Европе не коснется Азии, были иллюзорными. Корабли адмирала Максимилиана фон Шпее, командующего Восточноазиатской крейсерской эскадрой Германии, еще до начала войны покинувшие базу своего базирования в Циндао, разбредшись по островам, с ее началом помимо внезапных атак на военные корабли стали заниматься захватом торговых судов.

До начала войны, 31 июля вслед за германскими кораблями свою базу в Вейхайвэй покинули английские корабли и взяли курс на Гонконг. Остаться в порту без фортификационных укреплений по соседству с Циндао было небезопасно [23].

Война на Дальнем Востоке еще не началась, но в ее ожидании в страхе застыли все морские пути [24]. Этот страх был оправданным. Германия готовилась к морской войне на партизанский манер. В рапорте старшего помощника легкого крейсера «Эмден», одного из самых активных из эскадры Шпее, можно было прочесть, как 1 августа командир корабля Карл фон Мюллер на рейде в Желтом море собрал на палубе крейсера весь личный состав и зачитал им радиogramму из Циндао о приказе кайзера: «В связи с вторжением русских войск на германскую территорию империя считает себя в состоянии войны с Россией и Францией». «Нашей главной целью является разрушение торговых коммуникаций», объявил капитан. И после троекратной здрави-

цы в честь Кайзера «Эмден» через Цусимский пролив направился в сторону Владивостока, где, по германским данным должны были находиться русские и французские силы [25].

После той торжественной клятвы на палубе «Эмдена» германским рейдерам за первую половину августа удалось настолько напугать Англию, что она вновь обратилась за помощью к Японии. 7 августа Като получил ноту английского правительства. В ней речь шла о временной и ограниченной операции японских кораблей против германского флота, начавшего уже топить английские торговые суда «во всех частях» региона. *Это необходимо до того момента, когда английские корабли, сосредоточенные у берегов Китая, смогут овладеть ситуацией. Лондон понимал, что подобные действия Японии означают объявление ею войны против Германии, но не видел возможности этого избежать [26].*

Получив эту ноту, Като понял, что наступил «момент истины». На следующий день рано утром, в 9 часов 30 минут, все министры собрались на заседание в резиденции премьер-министра Окума. После обсуждения и принятия проекта бюджета на следующий, 1915 год, с разъяснением ситуации в Европе выступил Като. Если верить газетам, в 12 часов 30 минут заседание было прервано на обед, после которого все члены кабинета министров, кроме Като и еще нескольких министров, остались и разошлись только в 3 часа 30 минут [27].

На самом деле совещание проходило до поздней ночи, когда было решено участвовать в войне. Об этом 8 августа Като телеграфировал в Лондон. *Токио принял принципиальное решение «удовлетворить просьбу» Англии. Учитывая, что «очень трудно» найти благовидный предлог для объявления войны Германии, он просит английское правительство обратиться с официальной просьбой о помощи в соответствии с его обязательствами по союзному договору. Если, писал Като, Англия согласится на это, то вопрос об участии Японии в войне против Германии будет решен официально и окончательно [28].*

И не ожидая ответа из Лондона, 9 августа посылает в Лондон ноту, в которой ставит свои условия. Речь может идти только о полномасштабном, а не ограниченном участии в войне. Япония не может ограничиться действиями только против немецких ко-

раблей, пускающих ко дну английские торговые суда, как об этом просит Лондон. Токио соглашается лишь на всеобъемлющую войну, конечной целью которой является поражение Германии на море и на суше. Поэтому обращение Англии с просьбой об участии в войне должно исходить из того, что участие Японии имеет целью покарать Германию за ее «агрессивные действия» и восстановить мир и порядок на Дальнем Востоке [29].

Сообщая об этих условиях в тот же день послу Англии в Токио, Като разъясняет, что принятое поздно ночью 7-го постановление правительства о вступлении в войну отправлено курьером ранним утром 8-го на утверждение императора в его летнюю резиденцию Тамодзава в окрестностях курорта Никко. Он вновь убеждает Грина, что ограниченное участие не гарантирует победу над Германией, что чревато для Японии крупными неприятностями [30]. Ведь недаром германский посол на встрече с заместителем министра иностранных дел Мацуи 8 августа запугивал: *Япония должна себе отдавать отчет, что в случае нападения на Циндао, немцы будут сражаться «до последнего солдата», и сделают все, чтобы «померкла слава японского оружия»* [31]. Сообщалось о полной дезорганизации всех морских торговых путей, связывающих Японию с Китаем, а также о том, что японский император прервал свой отпуск и возвращается в столицу [32].

Говоря все это, Като отлично понимал, что за желанием Лондона максимально ограничить участие Японии в войне стоят США и Китай. Американские газеты уже откровенно писали, что свой союз с Англией Токио использует как предлог для захвата германских территорий. Волновала судьба и голландских владений, обширного архипелага, который ныне называется Индонезией. Впрочем, некоторые газеты полагали, что в своей политике по отношению к Китаю в силу своей экономической зависимости Япония вынуждена будет выполнить все свои обещания — вернуть Китаю Цзяо-Чжоу, уважать территориальную целостность Китая и соблюдать «принцип открытых дверей». В подтверждение этого приводилась статистика. В 1913 г. японский экспорт в США более чем в 2 раза превышал китайский, составив почти 92 млн долл. против 40 млн китайского экспорта. При этом импорт за этот же период составил 58 млн, что дало 34 млн долл. торговой прибыли [33].

Что же касается Китая, то здесь не сомневались, что Япония воспользуется случаем для захвата Цзяо-Чжоу и Шаньдунской железной дороги, которая также была в германской концессии. Чтобы воспрепятствовать этому, Пекин добивался от Англии не прибегать к японской помощи или строго и ограничить ее так, чтобы избежать высадки десанта на полуостров, и в этом отношении находил полное сочувствие у английского посланника в Пекине. Посол Англии в Китае Джордан убеждал Грея, что вступление Японии в войну приведет к полному хаосу в Китае, и без того расшатанном до предела [34]. Под влиянием его телеграмм рано утром 9 августа, еще не получив японский меморандум, Грей просил Иноуэ прибыть в его частную резиденцию. Участие Японии в войне может привести к беспорядкам в Китае, что в свою очередь сильно отразится на торговых интересах в Англии, убеждал английский министр. В ближайшее время правительство выяснит на этот счет точку зрения английского посланника в Пекине и командующего британским флотом в Китае. До этого он просит не предпринимать никаких военных действий против Германии. При этом, подчеркивал Грей, эта просьба не означает, что в английском правительстве есть опасения, что после начала войны Япония оккупирует и присоединит к себе Цзяо-Чжоу. Это не так, и он хотел бы, чтобы в этом отношении не было бы недопонимания [35]. То же самое в виде «частного письма» Грин сообщал Като. В копии он приложил адресованную ему телеграмму Грея [36].

Просьба Лондона пока не начинать военных действий, напротив, заставила японское правительство поторопиться. Решение было принято и его ни за что не хотели менять. А просьба об отсрочке могла означать только одно — Англия хотела обойтись без Японии.

10 августа Като послал в Лондон развернутый меморандум. Он уже не предлагал, а настаивал на участии Японии в войне и был против каких-либо отсрочек. *Японские военные операции будут направлены на защиту «торгового судоходства в китайских водах», о чем просила Англия, а также на ликвидацию военной мощи Германии в этом регионе, для чего не требуется крупномасштабных операций. Поэтому опасения английского посланника в Пекине, что вступление Японии в войну может вызвать внутрен-*

ние волнения в Китае, «безосновательны». Японским правительством двигают приведенные выше мотивы, нет никакого стремления к «территориальным приобретениям», оно не преследует никаких других «корыстных целей». Более того, если английский посланник в Пекине волнуется по поводу возможных беспорядков в Китае, то Япония вместе с Англией готова дать обещание совместными усилиями восстановить порядок в Китае.

Кроме того, как подчеркивалось в документе, решение начать войну слишком серьезный политический акт, чтобы оно могло быть легко пересмотрено. Оно принято по просьбе английского правительства и уже на столе у японского императора. К тому же, японское общество настроилось на войну, желая отомстить Германии за унижение 1895 года, а отношения с Германией уже достигли такой критической точки, что заявления германского посла во время его посещения японского МИД 8 августа носили явно «угрожающий тон», а двусторонние отношения стали уже враждебными и без объявления войны. Поэтому единственной выходом для Японии является идти уже намеченным путем и объявить войну Германии. Отказ от этого вызовет серьезный политический кризис в Японии, угрожает Като, и поэтому он просит отнестись к данному делу со всей серьезностью. При этом Япония не собирается ограничивать свои военные действия морским пространством и намерена действовать и на суше [37].

Грей настаивает на своем, но при этом делает одну за другой уступки. Чтобы не провоцировать внутренние волнения в Китае, мы хотели бы ограничить участие Японии в войне операциями на море и, в частности, защитой британских торговых судов, подчеркивал он. По мнению сэра Джордана вполне возможно избежать военных действий в устье Янцзы. В телеграмме Иноуэ добавлял от себя, что командующий британским флотом в Китае Мартин Джеррам (Martin Jerram) на запрос Грея ответил, что на данный момент нет фактов нападения на английские торговые суда, а судоходство между Китаем и Индией пока безопасно.

Он относится с пониманием к словам Като, что Япония не может ограничить свои военные действия только морским пространством, отвечал Грей. Но желание нынешнего английского правительства заключается именно в том, чтобы ограничить насколько это возможно военные действия Японии морским теат-

ром войны, и коль скоро одно противоречит другому, принято решение не прибегать к условиям союзного договора с Японией. Однако в случае «серьезных осложнений» или таких событий, как нападение на Гонконг, правительство может пересмотреть его. На вопрос, значит ли это, что Англия отзывает свою просьбу относительно германских вооруженных судов, Иноуэ получил утвердительный ответ [38].

По оценке одного из авторов, это был один из тех редких случаев, когда Грей допустил серьезный промах [39]. Вместо того, чтобы категорически отказаться от японской помощи, он оставил лазейку, заявив о возможности пересмотреть решение в случае нападения германцев на Гонконг. Другие авторы интерпретируют действия Като как «шантаж» союзной Англии — если, мол, она не согласится, то Япония в одностороннем порядке вступит в войну, что напугало Грея и заставило уступить давлению [40].

Однако, как свидетельствуют документы секретной переписки, Като не угрожал односторонним вступлением Японии в войну против Германии. Без единственного «святого повода» к войне — союза с Англией, война Японии против Германии выглядела бы как неприкрытая экспансия без какого-либо оправдания (ссылка на угрозы германского посла как причины войны была смехотворной, тем более, что эта угроза прозвучало в ответ на слухи о готовности Японии воевать с Германией). Като «угрожало», что отказ от японского участия может ухудшить союзные отношения между двумя странами. Что именно он имел в виду, так и осталось неясным.

Решение английского правительства об отзыве своей просьбы к Японии «ставит императорское правительство в крайне затруднительное положение», писал Като в телеграмме Иноуэ от 11 августа и просил передать об этом английскому правительству. Япония уже начала подготовку к войне, осталось только объявить ее. На войну настроился японский народ, и вдруг, отказ. «Передайте, что это может оказать самое негативное влияние на наш союз», запугивал Като [41].

Угроза не подействовала. В пространном меморандуме от 12 августа Грей напоминал, что 3 августа Япония сама заявила, что определение причин ее вступления в войну, а также харак-

тера ее действий, она полностью передает на усмотрение английского правительства. Исходя из этого, Грей сформулировал пожелание, чтобы японское участие в военных действиях против Германии было бы ограничено задачей борьбы с германскими кораблями, осуществляющими рейдерский захват торговых судов. Но в ответ Като заявил, что Япония не может ограничить свои действия только морскими операциями. К тому же, 10 августа Лондон получил информацию, что морской путь из Сингапура в Шанхай свободен от германской угрозы, как и путь из Шанхая в Японию, если следовать заданному маршруту, не отклоняясь от него. При отсутствии очевидных угроз Гонконгу и другим британским концессиям, или иначе говоря, специальным интересам Великобритании в Восточной Азии нет возможности апеллировать к союзу с Японией, настаивал Грей.

Таким образом, признавая за Японией право самой определять, какие действия должны быть предприняты в ответ на «воинственные заявления» германского посла, Англия отказывалась санкционировать вступление Японии в войну юридической силой союзного договора с ней. Однако, если Япония на этом основании приступит к военным действиям против Германии, Грей предлагал предоставить Китаю совместные гарантии, что военные действия Японии ограничатся исключительно водами двух Китайских морей и той территорией Китая, которая находится под германской оккупацией [42]. 13 августа основные моменты такой декларации были сформулированы в Форин Офис и через посольство переданы в японский МИД. *«Китай может быть твердо уверен, что его усилия по обеспечению своей независимости и территориальной целостности будут поддержаны Великобританией и Японией всеми средствами, коими они располагают, как во время войны, так и на переговорах после окончания войны, поскольку одной из целей англо-японского союза является поддержание независимости и целостности Китая»* [43].

Помимо приведенной выше декларации Грей пытался добиться от Токио согласия действовать совместно с вооруженными силами Франции и России. Против коалиции с англичанами Токио не мог возражать — она сама собой подразумевалась второй статьёй союзного договора 1911 года. В меморандуме от 13 августа Лондон сообщал, что английскому флоту в Китае и

других местах даны указания сотрудничать с японскими военными властями. Одновременно Лондон пытался добиться от Токио согласия на включение в коалицию французских и русских войск, дислоцированных в регионе. В меморандуме Грей давал понять, что он рассчитывает на согласие Токио [44].

Попытки скоординировать действия стран Антанты с Японией предпринимались и в японской столице. 15 августа «Ёмиури» сообщила об «очень важной встрече послов четырех стран». В 10 часов утра Реньо и Малевский в сопровождении военных аташе (с российской стороны генерал-майор Соймонов?) посетили Грина в английском посольстве, где состоялась важная беседа, после чего в 11 часов три посла, к которым присоединился и посол Бельгии, переместились в посольство России и снова что-то «сосредоточенно обсуждали» [45].

Несмотря на тесные отношения между послами стран Антанты и министром иностранных дел Японии, между Малевским с Като контакты носили специфический характер. Они отличались от контактов с Англией и тем более с Францией особым взаимопониманием и стремлением к самому тесному взаимодействию. Как отмечала японская пресса, и в Петербурге была отмечена активность в дипломатических контактах между двумя странами. В эти дни Мотоно неоднократно встречался с Сазоновым для обсуждения вопроса об участии Японии в войне против Германии [46]. Постепенно становится все рельефнее новая тенденция в российской дипломатии, которая завершилась позже подписанием секретного союзного договора 1916 года.

На одной из частых встреч *Сазонова* и *Мотоно*, а именно 10 августа, русский министр, отметив рост в японском обществе симпатий и поддержки России с началом войны и заверив в ответных чувствах искренней благодарности всех слоев русского населения, заявил, что хотел бы довести до сведения японского посла «сверхсекретную информацию». За две недели до начала войны он поручил русскому послу в Лондоне Александру Константиновичу Бенкендорфу встретиться с *Греем* и выяснить у него отношение английского правительства к желанию России присоединиться к англо-японскому союзу.

Реакция английского министра была весьма позитивной. Он заявил, что «эта идея его очень увлекает» (I am very much taken

by this idea). С началом же войны движение в этом направлении затормозилось. Однако Сазонов глубоко убежден, что союз отвечает коренным интересам двух стран и хотел бы довести дело до конца. Он уже говорил об этом с царем, и тот целиком разделяет его мнение. Из телеграммы Малевского от 9 августа Сазонов узнал, что правительство Франции сделало Японии некое предложение относительно участия Японии в войне против Германии, однако не получило пока ответа.

Передав содержание беседы с Сазоновым Като, Мотоно считает долгом высказать свою точку зрения. Война в Европе, по его мнению, уникальнейший случай во всей японской истории. Нет сомнения, в результате ее возникнет новый миропорядок, а участие в войне дает право голоса при определении того, каким он должен быть. Но вне зависимости от решения японского правительства об участии в войне, он глубоко убежден в необходимости самых тесных отношений с Россией [47].

Мотоно был в курсе того, что на переговорах Като с Греем по поводу участия Японии в войне возникла заминка, и он выражал уверенность, что удастся найти выход из положения и положительно решить вопрос об участии Японии в войне. Именно этому посвящены все последующие дни, и в день провозглашения ультиматума Германии Като находит время, чтобы среагировать на предложение России о ее присоединении к англо-японскому союзу.

Японское правительство еще не определилось с этим вопросом, но оно самым тщательным образом его изучает. Чтобы принять решение, он просит Мотоно выяснить, насколько предложение основано на коренных и долгосрочных интересах России, а не сделано из чисто конъюнктурных соображений в связи с начавшейся и обещающей быть тяжелой войной [48]. Передавая содержание этой же телеграммы Иноуэ в Лондон, он поручает при встрече с Греем вызвать его на откровенный разговор по поводу российского предложения. Несмотря на то, что предложение Сазонова Лондону было сделано за две недели до начала войны, нужно выяснить, не отражает ли оно простое желание *«втянуть Японию в войну в Европе»*. Со вступлением Японии в войну, в которую вовлечены все европейские державы, следует ли англо-японскому союзу трансформироваться в сторону универсаль-

ного договора «без определенной цели», и *не связано ли желание России вступить в англо-японский союз, изначально направленный против этого же союза, с намерением ослабить его? Все эти вопросы требуют самого тщательного анализа*, подчеркивал Като [49].

Как и в отношении французского предложения, информация, полученная из Петербурга, требовала, прежде всего, согласования с Лондоном, переговоры с которым о японском участии пока продвигались медленно. 14 августа из источников британского посольства стало известно, что германский посол в Пекине готов начать переговоры с китайским правительством по поводу возврата Китаю всех германских владений и об интернировании военных кораблей, гражданских судов и сухопутных сил Германии до конца войны. Если бы это случилось, ценность участия в войне резко бы упала. Выручило то, что англичане сами не хотели, чтобы немцам удалась эта уловка и они смогли бы сохранить в целостности свои военные силы, выведя их из-под удара.

И все же очень заметным в эти дни было стремление Лондона максимально ограничить сферу военных действий Японии. Когда через Грина Като передал в Лондон о готовности Японии послать свой флот для защиты британского флота в Вейхайвее, Грей ответил, что, по его сведениям, в Вейхайвее нет британских кораблей и поэтому там нет военной угрозы [50]. Американские газеты, сообщая о немцах, прервавших свой отпуск на дачах и домах отдыха среди живописных японских гор и спешно покидающих Японию на пароходах из Токио и Иокогамы, отмечали, что с Лондоном еще нет согласия относительно «программы» участия Японии в войне [51].

Бегство германских поданных не оставляло никаких сомнений — Япония собирается воевать. Оставалось ждать, когда это произойдет и в каких масштабах. Слухи о готовности Германии отдать Китаю свою концессию до того как ее захватят, подстегнули Японию к действиям.

15 августа, не согласовывая свои действия с Англией, действуя на опережение, Япония объявила Германии ультиматум. В этот день Като отправил временному поверенному в делах Японии в Берлине Фунагоси телеграмму с текстом ультиматума, который поручалось передать германскому министру иностран-

ных дел фон Ягову. Не уверенный в том, что телеграф с Берлином сработает, Като направил копии японским послам в США, Швеции и ряду других стран, для передачи через дипломатические каналы этих стран в Берлин.

Для восстановления мира и порядка Токио «советовал» Германии очистить «район Китайских и Японского морей», а также передать японским властям «без каких-либо условий и безвозмездно» территорию Цзяо-Чжоу, «имея в виду его последующую передачу Китаю» [52]. Выражение «советует» вместо более жесткого «предлагает» или «предписывает» не было проявлением особой дипломатической вежливости, не говоря уже о том, что оно не вяжется с понятием «ультиматум». В нем была преднамеренная издевка. Это выражение напоминало историю двадцатилетней давности, когда три страны, включая Германию, «советовали» Японии очистить Ляодунский полуостров, захваченный в войне с Китаем.

Ультиматум вызвал бурную реакцию во всем мире. В Америке она была особенно острой. Впрочем были и те, кто оправдывал действия Японии. Один из читателей «Нью-Йорк Таймс» писал в газету, что громко возмущавшиеся этим шагом американцы просто запамятовали: двадцать лет назад Германия поддерживала Россию в ультимативном требовании покинуть Порт Артур, который через десять лет японцы вернули себе, заплатив за это огромное число жизней. А как бы поступили мы американцы, если бы какая-нибудь европейская держава построила свою военную базу на берегах Мексиканского залива? [53]

В России новость была воспринята с радостью. Отмечая позитивную реакцию в России, «Таймс» в редакционной статье отмечала: «У нас есть все основания считать, что вмешательство Японии в войну одобрено с таким же чувством удовлетворения Россией, некогда уважаемым противником, а ныне ее преданным другом» [54].

«С таким же чувством удовлетворения» — под этими словами газета имела в виду реакцию Лондона. На самом же деле в Англии были обескуражены этим шагом Японии. Договаривались повременить с объявлением Японией «войны», а тут ультиматум, который вел прямо к войне. Но даже если теоретически предположить, что Германия его примет, — что было бы тогда?

Иноуэ из Лондона просил проинструктировать его, чем можно объяснить этот шаг [55]. Като в ответ просит успокоить Лондон — Берлин вряд ли согласится с условиями японского ультиматума. К тому же японские военные корабли вместе с транспортными средствами уже находятся вблизи Цзяо-Чжоу и ждут только сигнала для десанта [56].

В день объявления ультиматума Германии *Като* принимает вначале посла Франции, затем России. Беседа с *Малевским* была дружественной и теплой. *Като* прежде всего заверил, что Япония не собирается расширять свою территорию за счет германских владений. Вместе с тем он заявил, что Россия теперь может не беспокоиться о своих территориях на Дальнем Востоке и быть «свободной» в своих действиях в Европе.

Атмосфера встречи настраивала на откровенность, и *Малевский* вспомнил о русско-японской войне. Во время войны Япония не захватила ни кусочка исконно российской территории, ни разу не осквернила православный крест, ни разу не оскорбила имя российского императора, говорил он, и в России до сих пор не понимают, зачем, вообще нужно было воевать с Японией!? Война противоречила истинным намерениям всех слоев России. Она входила только в расчеты небольшой группы политиков», говорил посол. Война Японии с Германией позволит ликвидировать такие искусственные образования, как германская колония в Китае, а посему нет сомнения, что хорошие дружественные отношения двух стран получат новое развитие не только в ходе этой войны, но и в будущем. В ответ *Като* процитировал японскую пословицу «земля после дождя становится крепче» и в той же тональности заверил, что он лично сделает все, чтобы отношения с Россией развивались в сторону еще большей дружбы [57].

Чтобы у России не оставалось сомнений на этот счет, телеграмму с комментариями мотивов ультиматума, полученную 15 августа вечером, Мотоно на следующий день повез Сазонову по проторенному пути от Французской набережной к Певчому мосту на Мойке. Здесь в кабинете, где они встречались уже много раз, Сазонов оценил условия ультиматума как достаточно жесткие, и, следовательно, для Германии неприемлемые. Следовательно, она их не примет, и избежать войны с Японией ей вряд ли удастся. Эти рассуждения вызвали у него чувство «глубокого

удовлетворения». Затем с некоторым сомнением в лице, докладывал японский посол, Сазонов спросил, — неужели Япония всерьез собирается вернуть Китаю Цзяо-Чжоу? Мотоно был откровенен — лично он считает, что этого делать не следует [58].

Такая откровенность могла быть только между странами, отношения которых отличались особой доверительностью. Всем другим Токио продолжал настойчиво внушать, что у него нет никаких территориальных амбиций. Особые усилия японской дипломатии были направлены в сторону Вашингтона, чтобы снять сильные подозрения США в отношении японского участия в войне. 15 августа Като встречался с американским послом.

Япония сделала свой геополитический выбор. Мог ли он быть другим в ту эпоху? Судьба послала уникальный шанс завладеть всем германским наследством в Азии — в Китае и в Микронезии. После новых территориальных приобретений вырос статус Японии как мировой империи и страна вошла окончательно в «клуб избранных». Но этот выбор тоже оказался роковым. Он привел в действие механизм «порочного круга», присущего геополитике. Новое стратегическое положение в результате территориальной экспансии порождало проблемы, которые могли решаться только путем дальнейшей экспансии. Самый южный остров гряды Марианских островов — Тиниан теперь граничил с Гуамом — американским владением. Во время Второй мировой войны отсюда взлетали американские Б-29 на бомбардировки японских городов, в том числе и Хиросимы. Такая географическая близость означала начало реальной конфронтации с заокеанской державой.

В дни перед началом войны заместитель начальника генерального штаба Японской армии Акаси Мотодзиро, известный японский «шпион» времен русско-японской войны, в одном из писем своему покровителю Тэраути Масатакэ высказывался за скорейшее занятие Шаньдуна. В противном случае Россия в коалиции с Францией и Англией легко разобьет германские войска и займет его, а затем соединит с КВЖД, писал он [59]. Он ошибался. В новой конфигурации сил захват Японией Циньдао, тем более Марианских островов, направлял вектор «диффузии» японской силы в южном и юго-западном направлении. «Российский вектор» японской политики был наиболее

компромиссным и даже дружественным. Благодаря соглашениям 1907, 1910 и 1912 г. многие статьи которых были засекречены, удалось согласовать интересы двух стран в Китае и сформировавшиеся «полусоюзные» отношения уже через два года стали союзными (соглашение 3 июля 1916 года).

Примечания

1. *Spinks, Charles Nelson*. Japan's Entrance into the World War. *Pacific Historical Review*; Jan 1, 1936. Стр. 297, 298
2. Мотоно Като, Петербург, 28 июля 1914 г. // Документы внешней политики Японии. 1914 год, том 3, раздел 1. «Война в Европе» / МИД Японии. Токио, 1966 г. С. 23, 24. (Далее: ДВПЯ, 1914/3/1...).
3. Мотоно Като, Петербург, 2 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/1... С. 33, 34.
4. *Шаццлло В. К.* Первая мировая война 1914—1918. Факты. Документы. Olma Media Group, 2003. С. 233.
5. *The Japan Times*. 28.07.1914. // Giovanni Giolitti, *Collected Diplomatic Documents Relating to the Outbreak of the European War*. Harrison and Sons. London, 1915. P. 515.
6. Окума ко, хатидзюгонэн си : [85-летняя история маркиза Окума]. Т. 3. С. 169. 大隈侯八十五年史、3; Ёсинори Ёсиока, Сотэнкэн Нихон но сэнсё ва нандатта ка 吉岡吉典、総点検日本の戦争はなんだったか、新日本出版社、2007、ページ155、Син Нихон сюппанся, 2007. С. 155.
7. *Inazo Nitobe*. Japan: Some Phases of Her Problems and Development. C. Scribner's Sons. New York, 1931. С. 130.
8. *Christopher Lasch*. The American Liberals and the Russian Revolution. . Columbia University Press. New York, 1962. P. 16.
9. Беседа Като с английским послом Грином, Токио, 3 августа 1914 г. // Документы внешней политики Японии. 1914 год. Том 3. Раздел 2. «Война Японии с Германией» / МИД Японии, Токио, 1966 г. (Далее: ДВПЯ, 1914/3/2). С. 96.
10. Беседа Като с Грином, Токио, 3 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 97.
11. Беседа Като с германским послом Рексом. 3 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/2. С. 94; *New Strachan. The First World War. Volume I. To arms*. Oxford University Press, 2003. Page 455.
12. Sir C. Greene to Sir Edward Grey. Tokyo, August 3, 1914. Foreign Office, (35666) No. 571.
13. *Madeleine Chi*. China Diplomacy 1914—1918. Harvard, 1970. С. 1.

14. Беседа Като с Реньо, Токио, 4 августа 1914 г. // Документы внешней политики Японии. 1914 год. Том 3. Раздел 8. «Переговоры о заключение четырехстороннего союза Японии, Англии, Франции и России» / МИД Японии. Токио, 1966. (Лалее: ДВПЯ, 1914/3/8...). С. 358.
15. Беседа Като с Малевским. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 97—98.
16. Вокруг Света. URL: <http://www.wreck.ru/stat17.shtml>
17. Timothy D. Saxon... С. 62.
18. Timothy D. Saxon ... С. 62.
19. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 99.
20. Sir Edward Grey to Sir C. Greene. London , August 4, 1914. Foreign Office (36531) No. 641.
21. Мотоно Като, Петербург, 6 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 100.
22. Морис Палеолог. Царская Россия во время мировой войны. URL: www.erlib.com
23. The New York Times. 01.08.1914. BRITAIN'S EAST FLEET SAILS Hongkong, the Naval Base, Is Preparing for Hostilities
24. The New York Times. 04.08.1914. Trade stops in Far East.
25. URL: <http://www.gwpda.org/1914/emden.html>
26. Беседа Като с Грином. Токио, 7 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 103.
27. Асахи симбун. 08.08.1914 г. 昨日の閣議 予算と時局問題
28. Като Иноуэ, Токио, 8 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 106.
29. Като Иноуэ, Токио, 9 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 109.
30. Запись беседы Като с Грином, Токио, 9 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 107, 108.
31. Беседа Мацуи с Рексом. ДВПЯ, 1914/3/2... С.107.
32. The New York Times, August 11, 1914. JAPAN GETS READY WITH TRANSPORTS; War Move Announced at Tokio.
33. New York Times. 23.08.1914. Kaiser Ignores Japan's Demand.
34. *Kit-ching, Chan Lau*. Anglo-Chinese Diplomacy in the Careers of Sir John Jordan and Yuan Shih-kai. Hong Kong University Press, 1978. С. 79.
35. Иноуэ Като. Лондон, 9 августа 1914 г., ДВПЯ, 1914/3/2... С. 111, 112.
36. Грин Като. Токио, 10 августа 1914 г., ДВПЯ, 1914/3/2... С. 112, 113.
37. Като Иноуэ. Токио, 10 августа 1914г. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 115, 116.
38. Иноуэ Като. Лондон, 10 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 116—117.
39. *Lowe, Peter*. Great Britain and Japan's entrance into the Great War, 1914—1915 // Phillips Payson O'Brien-editor. The Anglo-Japanese Alliance, 1902—22. P. 162.

40. *Kit-ching, Chan Lau*. Anglo-Chinese Diplomacy in the Careers of Sir John Jordan and Yuan Shih-kai. Hong Kong University Press, 1978. P. 79, 80.
41. Като Иноуэ, Токио, 11 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 120, 121.
42. Грин Като, Токио, 12 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 126, 127.
43. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 131—132.
44. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 132.
45. Ёмиури симбун. 15.08.1914.
46. Асахи симбун. 15.08.1914. 大使と露外相 再三商議を試む
47. Мотоно Като. Петербург, 10 августа 1914 г. . ДВПЯ, 1914/3/8... С. 606, 607.
48. Като Мотоно. Токио, 15 августа 1914 г. , ДВПЯ, 1914/3/8... С. 612.
49. Като Иноуэ. Токио, 15 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/8... С. 612, 613.
50. Грин Като. Токио, 14 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 139.
51. The New York Times. 14.08.1914. WILL JAPAN TAKE PART; Great Britain Has Not Reached a War Understanding with Her.
52. Като Фунагоси, Токио. 15 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 146.
53. New York Times. 23.08.1914. JAPAN'S ULTIMATUM; Justified as Proper Action to Re-dress a German Injury.
54. The Times. 18.08.1914. The World-wide War.
55. Иноуэ Като. Лондон 17 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 165.
56. Като Иноуэ. Токио, 17 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 167.
57. Малевич Сазонову, Токио 15 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 153—154.
58. Мотоно Като. Петербург, 16 августа 1914 г. ДВПЯ, 1914/3/2... С. 164.
59. *Noriko Kawamura* Turbulence in the Pacific: Japanese-U.S. Relations during World War I. Cathal J. Nolan, William R. Keylor, Erik Goldstein — editors. Westport, CT. 2000. P. 14.

Е. В. Яковкин

ДИВЕРСИОННО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯПОНИИ И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. 1932—1945 гг.

История разведывательной деятельности Японии в Китае полна противоречий и белых пятен, хотя каждый изучающий историю Китая и Японии в 1930-е годы говорит о всеобъемлющем охвате японскими спецслужбами каждой стороны жизни жителей Китая, особенно Маньчжурии. Особенный интерес у руководства японской разведки был к российской эмиграции в Китае, прежде всего в его северо-восточной части в Маньчжурии. Рассмотрим некоторые аспекты деятельности японской разведки по взаимодействию с российскими эмигрантами в 1930-е — начале 1940-х годов.

Свою активную деятельность японская разведка на континенте начала вскоре после окончания Первой мировой войны. Разведывательную деятельность вело 2-е управление Генерального штаба Японской Императорской армии. В 1918 г. в Китае была учреждена Японская военная миссия (ЯВМ) с центром в Харбине. Отделы ЯВМ располагались во многих городах Китая, среди них отметим Чаньчунь, Мукден, Тяньцзинь. Среди целей ЯВМ было: 1) противодействие коммунистическому влиянию в Японии, Корее и Китае; 2) проведение разведывательных операций в полосе отчуждения КВЖД; 3) сбор сведений о Красной армии; 4) вербовка агентов и отправка их в СССР; 4) помощь

антисоветским силам из среды русской эмиграции в Китае [1]. Руководителями ЯВМ становились выходцы из 2-го управления Генштаба Японии.

После создания Маньчжоу-Го в 1932 г. японские спецслужбы активизировались. Необходимо было противостоять активной деятельности советской разведки в Китае и вообще советскому влиянию в новом государстве. Это влияние оказывалось во многом через советских служащих КВЖД. Поэтому с 1932 г. японские спецслужбы начали активную вербовочную работу среди служащих КВЖД с целью создания диверсионных и шпионских кадров. Также предполагалось по возможности заброска этих кадров в СССР для дальнейшей разведывательной деятельности. Более велась работа с теми гражданами СССР, которые призывались на воинскую службу на Дальний Восток и в Восточную Сибирь [2]. Активную помощь в разведывательной деятельности и вербовке агентов японским спецслужбистам оказывала полиция административного отдела Маньчжоу-Го, где служило большое количество русских эмигрантов. Полиция сотрудничала как с ЯВМ, так и с Кэмпэйтэй*. В Маньчжурии насчитывалось 18 000 сотрудников Кэмпэйтэй, из них 400 секретных агентов. Руководил ими полковник Шизучи Танака. С русскими агентами и сотрудниками работал Константин Накамура [3]. Вели работу на этой ниве и офицеры белой армии Б. Шепунов и Грассе [4]. Проводились выявление и слежка за просоветскими агентами среди русской диаспоры. Так, например, японскими спецслужбами был разгромлен нелегальный профсоюз («профсоюзный пяток» в Харбине), который активно сотрудничал с советской разведкой. Вернувшийся в Советский Союз участник этого профсоюза Павел Степанович Красильников вспоминал на допросах в НКВД, что его несколько раз допрашивали в местном сыскном отделении полиции. И среди допрашивавших был один из выходцев из России — грузин по национальности [5]. При непосредственном участии сотрудников ЯВМ, 2-го отдела управления Генштаба Японии полковника Акикуса Сюна и генерал-лейтенанта Андо Ринзо было создано Бюро по

* Кэмпэйтэй — военная полиция Императорской армии Японии, жандармерия, 1881—1945 гг.

делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. С помощью этого бюро японская разведка отслеживала всех эмигрантов, а также привлекала их к диверсионной и прежде всего разведывательной деятельности [6].

Среди методов работы японской разведки с русскими эмигрантами стоит выделить так называемый метод провокационных вербовок, который активно использовался в первой половине 1930-х годов. Русские агенты японской разведки, выдавая себя за резидентов ИНО ОГПУ, НКВД, привлекали к разведывательной деятельности в пользу Японии работников профсоюзных, комсомольских, партийных организаций. Вскоре, правда, японским разведчикам пришлось от этого отказаться, так как период работы таких агентов был небольшим. По данным ИНО ОГПУ, а затем ИНО НКВД, среди таких агентов отличились Воронин и Сивицкий. Также широко использовалась женская агентура, которая изымала необходимые материалы для японской разведки путем компрометации. Как пример можно упомянуть дело Волкова-Деткова, агента ВКП (б), попавшего под влияние японской разведчицы и одновременно артистки Грановской [7].

В своей вербовочной деятельности ЯВМ и 2-е управление Генштаба активно сотрудничало с маньчжурскими спецслужбами — Управлением государственной безопасности Маньчжурии. Так, проводился учет перебежчиков из Советской Союза в Маньчжу-Ди-Го. По данным штаба Квантунской армии, в период 1936—1938 гг. в Маньчжу-Ди-Го прибыло 188 перебежчиков, в том числе и сотрудники пограничных войск НКВД, среди которых стоит отметить таких лиц, как лейтенант Михайлов, рядовой Смоляк, Василкос-Ксидис. Особо много шуму наделал перебежчик — комиссар безопасности 3-го ранга Генрих Люшков, который раскрыл много данных японским разведчикам [8]. Для советских перебежчиков был создан специальный лагерь «Хогоин» (保護院 — с яп. приют). Этот лагерь располагался в Харбине в доме № 2 по улице Кубанской. Так, в 1943 г. даже была издана пропагандистская брошюра одного из перебежчиков, рядового Семена Скворцова под названием «Моя новая жизнь». Из этой брошюры видно, что с советскими перебежчиками работали также русские эмигранты, которые служили в полиции Маньчжу-Ди-Го. Приведем интересную цитату из бро-

шюры: «Русские в Маньчжу-Ди-Го работают не только в торговых и промышленных предприятиях. Они служат в государственных учреждениях и участвуют в управлении страной» [9].

Особую роль в диверсионной и разведывательной деятельности на границе с СССР сыграло такое войсковое подразделение, как отряд «Асано», который состоял из русских эмигрантов и смешанного русско-японского офицерского состава. В его формировании участвовал 2-й (разведывательный) отдел штаба Квантунской армии во главе с подполковником Мичиткой Ямаокой, а также ЯВМ, которой тогда руководил генерал-майор Андо Риндзо. Этот отряд, командиром которого был полковник Асано Макото, на протяжении 1938—1943 гг. постоянно участвовал в разведывательной деятельности на границе с Советским Союзом [10]. Не стоит забывать и про такую организацию, как Главное бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурской империи, созданное также при содействии японской разведки в 1934 г. Особенная активность этого бюро проявилась в годы Второй мировой войны, которую в Маньчжурии и Японии именовали Великой восточноазиатской войной. В 1941—1945 гг. руководство ГБРЭМа (Главного бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурской империи) всячески сотрудничало с японской разведкой. По ее заданию в этой организации отбирали лиц для спецопераций в приграничной территории и заброски в СССР. ГБРЭМ отправляло молодых людей на службу в специальное воинское подразделение, известное как отряд «Асано», а с 1944 г. в Русские воинские отряды маньчжурской Императорской армии [11]. В Харбине по адресу Цицикарская 16 существовала диверсионно-разведывательная школа, в которой обучались русские эмигранты. Продолжительность обучения на курсах оставляла 4 месяца. Изучались, в частности, такие предметы: география СССР, структура государственной власти СССР, история ВКП (б), структура управления Красной армии, системы танков, самолетов, топография, глазомерная съемка, шифры, тайнопись, советские аббревиатуры, концлагеря, уголовный жаргон. Курсантам выдавались советские газеты «Правда», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Забайкальский рабочий». Также курсанты обучались стрельбе из винтовок и маузеров. На случай провала велись лекции, как вести себя на

допросах [12]. Курсантов этой разведывательной школы отбирало ГБРЭМ, которое отдавало отдельные приказы своим местным отделам по набору. Вся эта работа велась непосредственно под наблюдением и руководством ЯВМ. Так, начальник военного отдела Мукденского отдела БРЭМ полковник М. В. Кириченко в содействии с ЯВМ отправил в Харбин 4-х людей. Среди них были молодые активисты (всем около 20 лет), которые состояли в военном отделе БРЭМ: Ярославцев, Владимир Панцырный, Олег Орлов, Нейнгардт. После окончания этой школы одни возвращались назад (Панцырный), другие отправлялись служить в Русские воинские отряды (Орлов), третьи работали на японскую разведку сначала в Харбине, а затем снова отправлялись обратно, как например, было с Ярославцевым, который, между прочим, стал начальником регистрационного отдела БРЭМ в Мукдене. Интересна судьба Нейнгарда, которого в начале 1944 г. направили вместе с другим таким же агентом в приграничный город Сахалин, где предполагалось их заброска на территорию СССР. Как свидетельствовал Кириченко, операция по заброске не удалась, по крайней мере, так сообщили ему представители ЯВМ [13].

Несмотря на активные методы разведывательной деятельности японской стороны вторжение советских войск в Маньчжурию в августе 1945 г. не удалось остановить, хотя это вопросы уже не к японской разведке. Российская эмиграция не пошла по пути воинов-камикадзе после вторжения советских войск в Маньчжурию, более того, вообще многие эмигранты радостно встречали советских воинов, которые покончили с владычеством Японии в Китае и на всем Дальнем Востоке.

Примечания

1. Куртинец С. А. Японские разведывательные органы в Северной Маньчжурии в 20-е годы XX века // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 115.

2. Галузевый державний архів СБУ. Лист ГУГБ НКВД СРСР № 60268 від 09.20.1937. Л. 88.

3. Raymond Lamont-Brown Kempetai. Japan's Dreaded Police. Gloucester, 1998. P. 63—66.

4. Галузевый державний архів СБУ. Лист ГУГБ НКВД СРСР № 60268 від 09.20.1937. Л. 88.

5. ПГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Ед. хр. 13180. Л. 71; Л. 86; Л. 122.

6. Ямпольский В.П. Японская разведка против СССР // Военно-исторический журнал. 1991. № 11. С. 31.

7. Галузевый державний архів СБУ. Лист ГУГБ НКВД СРСР № 60268 від 09.20.1937. Л. 95—96.

8. Полутов А. В. Управление государственной безопасности Маньчжоу-Го (1937—1945 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С.173—174.

9. Скворцов С. Моя новая жизнь. Харбин, 1943. С. 16.

10. Окороков А. В. Русские добровольцы. М., 2007. С. 264; Jowet P. Rays of the Rising Sun, Volume 1: Japan's Asian Allies 1931—45, China and Manchukuo, Birmingham, 2005. P. 29—30; Горбунов Е. Схватка с черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002. С. 335.

11. ПГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9027. Т. 1. Л. 97—98.

12. Перминов В. В. Наказание без преступления. Чита, 2010. С. 43.

13. ПГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9027. Т. 1. Л. 97—98.

В. П. Зимонин

ЯПОНСКАЯ АГРЕССИЯ В АЗИИ И ЗОНЕ ТИХОГО ОКЕАНА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В 12-ТОМНОМ ТРУДЕ «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 ГОДОВ»

Фундаментальный многотомный труд «Великая Отечественная война 1941—1945 годов» [1] разрабатывается в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 5 мая 2008 г. № 240-рп. Труд разрабатывается под руководством главной редакционной комиссии, возглавляемой Министром обороны РФ. Заместителем председателя ГРК—научным руководителем труда является известный российский ученый доктор исторических и юридических наук, профессор, академик РАН В.А. Золотарев. Мне выпала честь быть заместителем научного руководителя труда и руководителем авторского коллектива 5-го тома.

Структура фундаментального многотомного труда:

- 1-й том «Основные события войны»;
- 2-й — «Происхождение и начало войны»;
- 3-й — «Битвы и сражения, изменившие ход войны»;
- 4-й — «Освобождение территории СССР. 1944 год»;

5-й — «Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией»;

6-й — «Тайная война. Разведка и контрразведка в Великой Отечественной войне»;

7-й — «Экономика и оружие войны»;

8-й — «Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны»;

9-й — «Союзники СССР в войне»;

10-й — «Государство, общество и война»;

11-й — «Политика и стратегия Победы. Стратегическое руководство войной и Вооруженными силами в годы войны»;

12-й — «Итоги и уроки войны».

Вышли в свет 9 томов, рукописи 10-го и 11-го томов проходят предиздательскую подготовку, публикация завершающего тома планируется к 70-й годовщине Великой Победы.

В каждом из томов в той или иной степени поднимаются проблемы, связанные с японским военным фактором и его влиянием на принятие советским руководством решений в канун и в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн, развитие военно-политической обстановки в те сложные для судеб мира годы, а также с влиянием политики Советского государства и развития событий на советско-германском фронте на ход и исход военных действий на Азиатско-Тихоокеанском театре войны (АТТВ).

Как свидетельствуют неоспоримые факты, огромную роль в достижении Победы над агрессорами сыграл Советский Союз. Он внёс главный вклад в разгром вооружённых сил нацистской Германии и её европейских союзников. Существенный вклад внес СССР и в завершение в кратчайшие сроки разгрома и принуждение к миру милитаристской Японии. Разгром советскими войсками и силами флота миллионной стратегической Квантунской группировки японских войск и соединений 5-го японского фронта на Южном Сахалине и Курилах поставил победную точку в истории Второй мировой войны. Пройдя сквозь годы трагических испытаний и триумфальных побед в борьбе с фашистской агрессией, воины Советских Вооружённых Сил с честью

выполнили и интернациональную миссию, освободив полностью или частично 11 государств Европы и две страны Азии от оккупационного и колониального гнета. Советско-японская война рассматривается в 12-томнике по этим и некоторым другим причинам как логическое продолжение Великой Отечественной войны, хотя она началась лишь 9 августа 1945 г., спустя 3 месяца после подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии.

В первом томе в общих чертах и во втором томе 12-томника более предметно через призму геополитики, с учетом цивилизационного подхода и мощного влияния идеологического фактора рассматриваются противоречия между ведущими мировыми державами того времени. Новизна наших подходов при этом заключается в том, что при оценке особенностей политики Советского Союза в предвоенный период авторы исходили из того, что старый, европоцентричный, подход в отечественной и европейской историографии к анализу этого периода, заключающийся в том, что главным нашим противником в то время и, соответственно, основным виновником развязывания Второй мировой войны является Германия, недостаточно корректен. Гитлеровская Германия, действительно, больше всего принесла горя и страдания народам Европы и особенно советскому народу, потерявшему в войне с нацизмом почти 27 млн человек. И этому справедливо посвящена большая часть материалов многотомника.

Но нужно четко себе представлять (об этом говорится и в первом, и во втором томах), что первые очаги будущего пожара Второй мировой войны были разожжены в самом начале 1930-х годов, еще до прихода Гитлера к власти, Японией, при достаточно спокойных наших отношениях с Германией в те годы. Япония первой из агрессивных держав начала 18 сентября 1931 г. военные действия, захватив Маньчжурию, а затем и весь Северо-Восточный Китай, а в июле 1937 г. развязала тотальную войну в Китае, превратив его, по сути, в базу расширения экспансии на континенте. И все это происходило вблизи границ СССР, который ощущал в то время реальную опасность именно со стороны Японии [2]. Японский военный фактор поэтому всегда зримо присутствовал при выработке советским руково-

дством своей политики безопасности в канун и начальный период Второй мировой войны. Авторы второго тома убедительно показали с учетом этого фактора в целом правильность, выверенность политического и военного курса нашего руководства вплоть до самого кануна Великой Отечественной войны, включая и вынужденное в тех условиях подписание 23 августа 1939 г. Договора о ненападении с Германией (в дни проработки по инициативе Берлина и подписания этого договора советские и монгольские войска вели под командованием комкора Г. К. Жукова ожесточенные бои с соединениями японской 6-й армии у реки Халхин-гол в дружественной нам и граничащей с нами Монголии). Так вот, подписание Советским Союзом договора с Германией в дни разгрома японских войск в Монголии подорвали доверительные отношения Токио и Берлина, оторвали Японию от союза с Германией, привели к тому, что Япония не стала безоглядно следовать в русле гитлеровской политики с развертыванием Гитлером агрессии против СССР, что вместе с подписанием Советским Союзом Пакта о нейтралитете с Японией 13 апреля 1941 г. позволило ему избежать войны на два фронта [3].

Не могла не подталкивать Москву к подписанию договора с Германией и откровенная политика стран Запада, направленная на поощрение агрессоров как на востоке Евразии, так и в центре Европы к нападению на СССР. Милитаристская Япония и нацистская Германия были в то время для западных демократий более привлекательными, чем «коммунистический» Советский Союз. Уже после войны бывший премьер-министр Франции Э. Даладье, подписавший 30 сентября 1938 г. вместе с английским премьер-министром Н. Чемберленом позорное Мюнхенское соглашение с Германией и Италией по разделу Чехословакии с явным расчетом придать агрессивной политике Германии восточный вектор, признал, что большую роль в этом сыграла идеология [4]. Авторы труда, однако, убедительно доказали, что «мюнхенская политика» как явление зародилась задолго до Мюнхена-38 именно на Дальнем Востоке в начале и середине 1930-х годов, когда запад закрывал глаза на агрессии Японии против Китая, Монголии и СССР, уверовав посулам японцев в том, что их главная цель — коммунистический Советский Союз.

Тем самым было проявлено абсолютное безразличие руководителей стран запада к судьбам народов Азии, расчленению Японией Китая. Точно такой же подход спустя некоторое время проявился в политике западных держав и по отношению к разделу Чехословакии [5].

Следует признать, что идеологическая заданность сыграла злую шутку со всеми ведущими членами будущей антифашистской коалиции: в конце концов, в ходе войны союзниками стали те, кто считался врагами, а те, с кем пытались выстроить совместную стратегию, оказались врагами. При этом страны агрессивного блока, безусловно разделявшие со странами Запада антикоммунистическую идеологию, начали свои захваты с прагматичными геополитическими и геостратегическими целями завоевать природные, производственные и людские ресурсы в самых разных по устройству странах для обеспечения расширения своей военной экспансии (что не исключало достижения ими конечной цели: уничтожения оплота коммунистической идеологии — СССР). Это один из самых важных уроков минувшей войны.

В последующих третьем и четвертом томах 12-томника в тесной увязке событий на всех театрах Второй мировой войны показаны военные действия, переломившие ход не только Великой Отечественной, но и всей мировой войны, включая ее Азиатско-Тихоокеанский театр. Это Московская, Сталинградская, Курская битвы, сражения за Ленинград, Кавказ, Днепр, Белоруссию. Эти битвы не только привели к разгрому крупных стратегических группировок врага и началу изгнания агрессора с советской земли. Героические действия Вооруженных Сил СССР на советско-германском фронте — главном фронте Второй мировой войны — объективно способствовали восстановлению и постепенному наращиванию после крайне неудачных для США и их союзников первых месяцев войны на Тихом океане и в ЮВА их вооруженных сил и наступательных возможностей в войне с Японией, что убедительно показано в соответствующих разделах томов [6].

Наиболее детально и комплексно проблемы Советско-японской войны 1945 г. раскрываются в 5-м томе. Сам по себе показ в отдельном томе фундаментального труда о Великой Отечест-

венной войне всех военных операций 1944—1945 гг. на зарубежных (по состоянию на 22 июня 1941 г.) территориях Европы и Азии предпринят в отечественной историографии впервые, что позволило наглядно показать коалиционный характер мировой войны, верность СССР союзническому долгу и подлинно гуманную интернационалистскую освободительную миссию Советского государства по отношению к странам — жертвам агрессии, которую ныне пытаются очернить недобросовестные политики и ученые.

Советско-японская война показывается в томе не только как одна из завершающих кампаний союзных сил на завершающем этапе мировой войны, позволившая, по оценкам союзников, на, как минимум, год-полтора ускорить окончание войны и сберечь миллионы жизней военнослужащих США, Великобритании и других участников антияпонской войны, в т. ч. и самой Японии. Она, с учетом многочисленных многолетних враждебных японских акций против СССР и решавшихся Советским Союзом задач, рассматривается и как логическое продолжение четырехлетней Великой Отечественной войны советского народа и его Вооруженных Сил за свою свободу и независимость, утверждение справедливых не только западной, но и восточной границ СССР, обеспечение его безопасности на Востоке Евразии, осуществление освободительной миссии по отношению к китайскому и корейскому народам. Особое внимание в томе уделено показу верности СССР союзническому долгу, дано убедительное обоснование соответствия решения Советского правительства об объявлении войны Японии нормам международного права. Показаны высокие моральные и боевые качества советских воинов, их массовый героизм в вооруженной борьбе на зарубежной территории, ответственное отношение как к поверженному противнику, так и к местному населению освобождаемых территорий.

Материалы 5-го тома, касающиеся войны с Японией, раскрывают содержание, формы и методы проведения операций Дальневосточной кампании СССР, боевого взаимодействия Советского Союза и его Вооруженных Сил с союзниками и патристическими силами освобождаемых государств Азии. Значительное внимание уделено анализу успехов и неудач союзников

в войне на Тихом океане и причинам настойчивых обращений их руководства к СССР с просьбами о вступлении в войну на Дальнем Востоке.

Тема войны с Японией занимает около 400 из почти 900 крупноформатных страниц 5-го тома [7], и, конечно же, в кратком материале представляется возможность изложить лишь наиболее важные проблемы, связанные с этой войной.

Капитуляция нацистской Германии в мае 1945 г. ознаменовала окончание войны в Европе. Но на Дальнем Востоке и Тихом океане продолжалась упорную борьбу против США, Великобритании, Китая и их союзников Япония. Союзникам удалось изгнать японские войска со значительной части территорий, которые они захватили в начале войны, заставить Японию отойти на «внутреннюю линию обороны», но периметр ее был еще огромен (рис. 1).

Планы принудить Японию к капитуляции морской блокадой и бомбардировками японских городов авиацией, которых ранее придерживалось практически все политическое и военное руководство США, были квалифицированы как «стратегия ограниченных целей», не дающей «гарантий в том, что она приведет к безоговорочной капитуляции или разгрому». Япония, продолжая сопротивление силами пяти стратегических группировок на обширном театре войны, развернула подготовку для решительного отпора американо-британскому наступлению непосредственно на Японских островах, а также к обороне на Северо-Востоке Китая и в Корее.

К августу 1945 г. вооруженные силы Японии насчитывали более 7 млн человек против менее 2,5 млн войск союзников, а только для вторжения на Японские острова, по расчетам союзников, требовалось не менее 7 млн войск и сил. Кроме того, у Японии имелась возможность мобилизовать в действующую армию еще 1,5 млн человек, создавались многомиллионное ополчение, армия смертников. Подготовка и проведение союзниками десантных операций в Японской метрополии были сопряжены с громадными трудностями, а сами операции могли начаться не ранее ноября 1945 г. **на второстепенном острове Кюсю.** Но у США и Великобритании не было уверенности, что даже после того, как их десантные операции увенчаются успехом и Япония

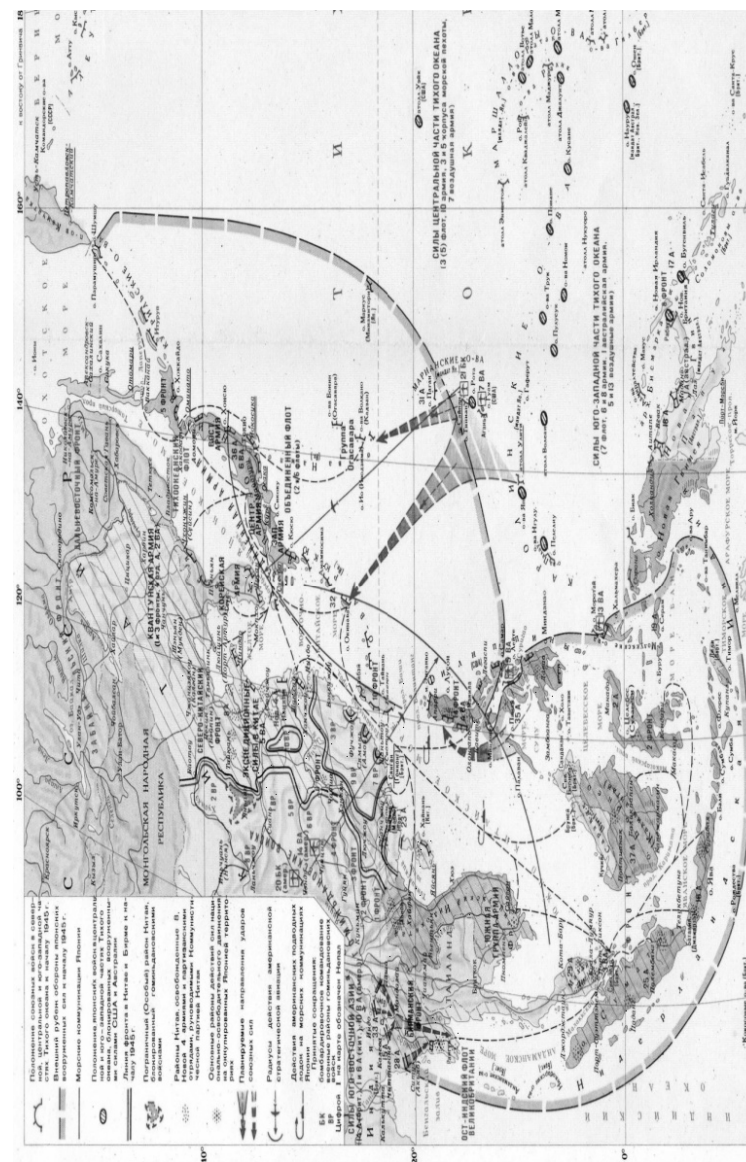

Рис. 1

капитулирует, ее стратегические группировки на материке также сложат оружие. По оценкам союзников, война на Востоке могла затянуться еще на 1,5—2 года (более того, главнокомандующий вооруженными силами союзников в войне против Японии Д. Макартур считал, что без участия СССР японское сопротивление может продлиться 5—7 лет), и она унесла бы жизни по крайней мере 1,5 млн солдат и офицеров американской и британской армий, а также около 10 млн жизней японцев.

Позиция Китая, потерявшего, по современным китайским оценкам, в результате преступной агрессии Японии более 35 млн своих граждан, по вопросам определения перспектив войны против Японии была аналогичной. Ситуация в Китае усугубилась с развертыванием Японией с весны 1944 г. на юге страны стратегической наступательной операции «Итиго», приведшей к потере около миллиона гоминьдановских войск, утрате 40 американских авиационных баз и нарушению наземных коммуникаций, обеспечивавших Китай поставками материальной помощи от США и Великобритании.

На огромном АТТВ создавалась явно тупиковая ситуация, при которой ни та, ни другая воюющие стороны не находили, опираясь только на участвовавшие в вооруженной борьбе в то время силы, быстрого, не связанного с огромными потерями эффективного решения.

По мнению многих военных авторитетов союзников, заставить японцев капитулировать в короткий срок можно было только путем нанесения решительного поражения наиболее крупной, сильной, стратегически важной группировке японских войск на материке. Этим параметрам соответствовал маньчжуро-корейский регион с его более чем миллионной группировкой войск, значительной промышленной и сырьевой базой и крупными стратегическими запасами. Этот регион играл роль связующего звена Японской метрополии с континентом. Союзники хорошо понимали, что, потеряв этот важнейший стратегический регион, Япония лишится большинства необходимых средств продолжения войны и неизбежно «запросит пощады». Решить эту задачу в короткий срок могли только советские войска. Генерал Д. Макартур был убежден, что американские войска «не должны высаживаться на острова собственно Японии,

пока русская армия не начнет военные действия в Маньчжурии».

Итак, стратегическая обстановка на АТТВ к августу 1945 г. в целом складывалась благоприятно для воевавших против Японии государств, однако без вступления Советского Союза в военные действия рассчитывать на быстрое завершение разгрома противника не приходилось. Это требовало от руководства союзных держав принятия судьбоносных решений, и они были выработаны и тщательно проработаны на Ялтинской и Потсдамской конференциях лидеров «Большой тройки» в феврале и июле 1945 г., результатом чего стало вступление в войну на Дальнем Востоке СССР, который имел и собственные основания для выступления против Японии.

Военные действия велись вблизи дальневосточных границ СССР, где советское руководство на протяжении 1941—1945 гг. было вынуждено держать войска общей численностью более 1 млн человек, что, безусловно, затрудняло оказание сопротивления гитлеровской агрессии. Советский Союз не мог считать обеспеченной свою безопасность на Дальнем Востоке, пока там полыхал огонь войны и Япония продолжала проводить свою захватническую политику. В этой ситуации 5 апреля 1945 г. СССР заявил о денонсации Пакта о нейтралитете с Японией, то есть о намерении прекратить его действие в одностороннем порядке со всеми вытекающими из этого последствиями. Однако японское правительство не посчиталось с этим серьезным предупреждением и до конца войны в Европе продолжало поддерживать Германию, а затем отвергло опубликованную 26 июля 1945 г. правительствами США, Великобритании и Китая Потсдамскую декларацию, содержащую требование безоговорочной капитуляции Японии. 8 августа 1945 г. советское правительство объявило поэтому о поддержке декларации союзников и вступлении на следующий день в войну с Японией, а с наступлением этого дня с дальневосточных рубежей СССР развернулись крупномасштабные военные действия в Маньчжурии.

План советской Дальневосточной кампании 28 июня 1945 г. был утвержден Ставкой Верховного главнокомандования, Центральным комитетом ВКП(б) и Государственным Комитетом Обороны СССР.

Политическая цель советской военной кампании на Дальнем Востоке сводилась к тому, чтобы как можно быстрее ликвидировать последний очаг Второй мировой войны, устранить постоянную угрозу нападения японских захватчиков на СССР, совместно с союзниками изгнать их из оккупированных Японией стран, содействовать восстановлению всеобщего мира. Скорейшее завершение войны избавляло человечество, в том числе японский народ, от дальнейших многомиллионных жертв и страданий, способствовало развитию национально-освободительного движения в странах Азии.

Главной военно-стратегической целью Вооруженных Сил СССР в войне с Японией являлся разгром ядра ее сухопутных войск — Квантунской группировки войск, освобождение от японских захватчиков Северо-Восточного Китая и Северной Кореи. Решение этой задачи должно было оказать решающее влияние на ускорение капитуляции Японии и обеспечить успех в разгроме японских войск на Южном Сахалине и Курилах.

Для проведения Дальневосточной кампании советским командованием были привлечены три фронтовых объединения — Забайкальский (командующий войсками — Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский), 1-й Дальневосточный (командующий — Маршал Советского Союза К. А. Мерецков) и 2-й Дальневосточный (командующий — генерал армии М. А. Пуркаев) фронты, Тихоокеанский флот (командующий — адмирал И. С. Юмашев), Краснознаменная Амурская военная флотилия (командующий — контр-адмирал Н. В. Антонов), три армии ПВО, а также части монгольской Народно-революционной армии (главнокомандующий — маршал Х. Чойбалсан). Советские и монгольские войска и силы флота насчитывали на Дальнем Востоке более 1,7 млн человек, около 30 тыс. орудий и минометов (без зенитной артиллерии), 5,25 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, 5,2 тыс. самолетов, 93 боевых корабля основных классов. Общее руководство войсками осуществляло специально созданное Ставкой ВГК Главное командование советских войск на Дальнем Востоке (главнокомандующий — Маршал Советского Союза А. М. Василевский).

В состав японской Квантунской группировки войск входили 1-й и 3-й фронты, 4-я отдельная и 2-я воздушная армии, Сунга-

рийская военная флотилия. 10 августа ей были оперативно подчинены 17-й фронт и 5-я воздушная армия, расположенные в Корее. Общая численность сосредоточенных у советских границ войск противника превышала 1 млн человек. На их вооружении находились 1215 танков, 6640 орудий, 1907 самолетов. Свыше 30 боевых кораблей и катеров насчитывала Сунгарийская военная флотилия. Кроме того, на территории Маньчжурии и Кореи находилось значительное количество японских жандармских, полицейских, железнодорожных и иных формирований, а также войска марионетного Маньчжоу-го и князя Внутренней Монголии Дэвана (Тонлопа). На границе с СССР и МНР у японцев имелось 17 укрепленных районов общей протяженностью свыше 800 км, в которых насчитывалось около 4,5 тыс. долговременных огневых сооружений.

Японское командование рассчитывало, что «против превосходящих по силе и подготовке советских войск» войска Японии в Маньчжурии продержатся в течение года. В критический момент на помощь Квантунской группировке планировалось перебросить войска Суйюаньской армейской группы и Северо-Китайского фронта Экспедиционных сил Японии в Китае.

Дальневосточный театр военных действий (ДВ ТВД) охватывал территорию Маньчжурии, Северной Кореи и прилегающую акваторию морей бассейна Тихого океана. По своей площади, протяженности границы и природным условиям он резко отличался от Европейского театра. Площадь сухопутной части ДВ ТВД составляла 1,5 млн кв. км, где проживало 70 млн человек. Эта огромная территория превосходила размеры территорий стран главных агрессоров — Германии, Италии и Японии, вместе взятых. По своим физико-географическим условиям театр был весьма сложным и представлял собой сочетание горно-таежного, болотистого и пустынного ландшафтов при наличии развитой гидрографической сети к востоку от Большого Хингана. На такой местности оперативные объединения и даже соединения могли вести наступательные действия лишь на отдельных направлениях, порой изолированных друг от друга сотнями километров. Обширной была и морская часть театра, на которой действовал советский Тихоокеанский флот. Она включала бассейны Охотского, Японского и Желтого морей и аква-

торию северо-западной части Тихого океана и имела протяженность в меридиональном направлении около 4 тыс. миль.

Театр военных действий против советских войск был заблаговременно подготовлен с точки зрения создания системы оборонительных сооружений, пунктов базирования аэродромов, сети коммуникаций. Чтобы прорвать такие оборонительные рубежи и успешно развивать наступление, нужны были мощные силы и современная система тылового обеспечения.

Средства материально-технического обеспечения советской группировки стали перебрасываться на Дальний Восток с февраля, еще до капитуляции Германии, однако основной поток войск и грузов начал поступать с мая 1945 г. В короткий срок, в течение трех месяцев, по единственной Транссибирской железнодорожной магистрали на Дальний Восток с европейской части территории СССР на расстояние 9—12 тыс. км было переброшено 2 фронтовых и 4 армейских управления, 15 управлений стрелковых, артиллерийского, танкового и механизированного корпусов, 36 управлений стрелковых, артиллерийских и зенитно-артиллерийских дивизий, а также 53 бригады основных родов сухопутных войск, 2 укрепленных района. Сюда поступили также управления бомбардировочного авиационного корпуса и 5 авиадивизий, 3 корпуса ПВО территории страны.

Всего с запада на Дальний Восток было переброшено свыше 403 тыс. военнослужащих, около 275 тыс. единиц стрелкового оружия, 7137 орудий и минометов, 2119 танков и самоходных артиллерийских установок, 17 374 грузовые автомашины, около 1,5 тыс. тракторов и тягачей, свыше 36 тыс. лошадей. По пространственному размаху, срокам осуществления и по количеству переброшенных войск, вооружения, боевой техники и материальных средств эти перевозки, по оценке маршала А. М. Василевского, «не имели себе равных в истории Второй мировой войны и являлись поучительной стратегической операцией».

С первых часов 9 августа ударные группировки советских фронтов, атаковав японские войска с суши, воздуха и моря, нанесли два глубоких встречных удара с территории Монгольской Народной Республики и советского Приморья, что поставило войска Квантунской группировки перед необходимостью вести

оборону на два фронта, а также несколько вспомогательных ударов по сходящимся к центру Маньчжурии направлениям. Для изоляции Квантунской группировки войск от японских Экспедиционных сил в Китае и от метрополии наносились вспомогательные удары на калган-бейпинском направлении к побережью Желтого моря и вдоль восточного побережья Северной Кореи.

По командным пунктам, штабам и узлам связи противника был нанесен мощный удар авиации, в результате которого связь между штабами и формированиями японских войск в Маньчжурии в первые же часы войны была нарушена, и командование Квантунской группировки потеряло управление своими войсками, что облегчило советским войскам решение поставленных перед ними задач. (Общий ход военных действий в Дальневосточной кампании Вооруженных сил СССР см. на рис. 2.)

Тихоокеанский флот вышел в открытое море, перерезал морские коммуникации, использовавшиеся войсками противника для связи с Японией, и силами авиации и торпедных катеров нанес мощные удары по японским военно-морским базам в Северной Кореи, где были высажены морские десанты.

В результате сокрушительных ударов, нанесенных Советскими Вооруженными Силами, мощные японские укрепленные линии, созданные по Амуру, Уссури и Большому Хинганскому хребту, были повсюду прорваны, а там, где японцы продолжали упорно сопротивляться, они были блокированы и обойдены. Стремительное наступление советских и монгольских войск поставило Японию в безвыходное положение, расчеты ее командования на упорную оборону и последующее контр наступление с решительными целями были сорваны.

Крупный успех советских войск в Маньчжурии, достигнутый в первые же дни войны, позволил советскому командованию 11 августа начать наступление на Южном Сахалине. Проведение операции было возложено на войска 56-го стрелкового корпуса 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта и Северную Тихоокеанскую флотилию. Южный Сахалин обороняла входившая в состав 5-го фронта со штабом на о. Хоккайдо усиленная 88-я японская пехотная дивизия, опиравшаяся на Котонский укрепленный район. Прорвав 18 августа оборону противника,

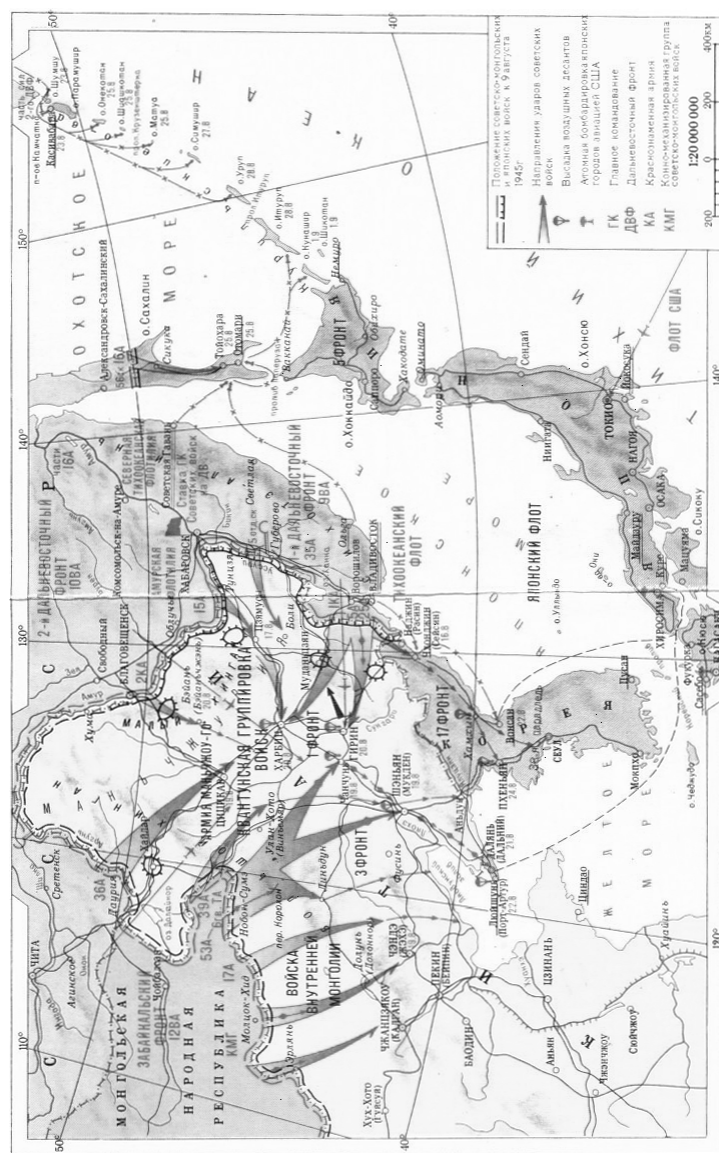

Рис. 2

советские войска развернули стремительное наступление к южному побережью острова. 20 августа был высажен морской десант в порт Маока (Холмск), а утром 25 августа — в порт Ото-мари (Корсаков). В тот же день советские войска вступили в административный центр Южного Сахалина город Тойохара (Южно-Сахалинск). Организованное сопротивление насчитывавшего около 30 тыс. солдат и офицеров гарнизона японцев на Южном Сахалине прекратилось.

Успешный ход военных действий в Манчжурии, Корее и на Южном Сахалине позволил советским войскам 18 августа приступить к проведению операции по освобождению Курильских островов, на которых 5-й фронт имел свыше 50 тыс. солдат и офицеров, и одновременно готовить крупную десантную операцию на Хоккайдо, необходимость в которой вскоре отпала. Для осуществления Курильской десантной операции привлекались войска Камчатского оборонительного района и корабли Тихоокеанского флота.

18 августа началась высадка войск на сильно укрепленный северный остров Курильской гряды Шумшу, бои за который приняли ожесточенный характер. Преодолевая упорное сопротивление противника, советские войска 23 августа завершили освобождение острова. К началу сентября войска Камчатского оборонительного района и Петропавловской военно-морской базы заняли всю северную гряду островов, включая остров Уруп, а силы Северной Тихоокеанской флотилии очистили от японских войск остальные острова к югу от этого острова.

Сокрушительный удар по Квантунской группировке войск явился одним из определяющих факторов разгрома Японии. Он привел к самому крупному во Второй мировой войне поражению японских вооруженных сил и к наиболее тяжелым для них потерям. Последние превысили 720 тыс. солдат и офицеров, в том числе 84 тыс. убитыми и ранеными, более 640 тыс. пленными. Япония, лишившись крупнейшей военно-промышленной базы на материке и наиболее сильной группировки сухопутных войск, оказалась не в состоянии продолжать вооруженную борьбу. Это намного сократило сроки окончания Второй мировой войны.

Разгром Советскими Вооруженными Силами японских войск в Маньчжурии и Корее, а также на Южном Сахалине и Курильских островах лишил Японию всех плацдармов и баз, которые она в течение многих лет создавала, готовясь к агрессии против СССР.

Безопасность Советского Союза на Дальнем Востоке была обеспечена.

Победа далась нелегко: Вооруженные Силы СССР потеряли в войне с Японией убитыми, ранеными и пропавшими без вести 36 456 человек, в том числе 12 031 — погибшими.

В войне против Японии вновь проявились лучшие традиции российского воинства — глубокая любовь к Родине, готовность отдать жизнь за ее интересы, интернационализм советского солдата, его готовность прийти на помощь другим народам, верность союзническому долгу. Как на исконно русской (Сахалин, Курилы), так и на сопредельных территориях (Китай и Корея) советские воины проявляли чудеса героизма во имя скорейшего окончания мировой войны, спасения от гибели миллионов солдат и населения воевавших сторон, восстановления исторической справедливости в отношениях с Японией, не жалея при этом ни своей крови, ни самой жизни.

С подписанием 2 сентября 1945 г. Акта о капитуляции Японии закончилась Вторая мировая война, заключительным событием которой стала Дальневосточная кампания СССР. Послевоенным Указом Президиума Верховного Совета СССР 3 сентября объявлено Днем победы над Японией.

В 6, 7, 8, 9, 10 и 11-м томах 12-томника раскрывается деятельность, в том числе с учетом японского военного фактора, советских спецслужб и дипломатии, направленная на вскрытие и снижение угроз Советскому Союзу в предвоенное время, создание условий для обеспечения победы над агрессорами, усиления советского народа по мобилизации экономики военного времени, место и роль союзников в совместной борьбе против фашистской коалиции, система стратегического руководства страной и Вооруженными Силами СССР, показаны достижения советского военного искусства [8].

Название 12-го тома «Итоги и уроки войны» говорит само за себя. Наша страна переживает переломные времена. Вновь, как

и в канун прошлой мировой войны, мир изобилует противоречиями, социальными, религиозными и межнациональными конфликтами, сопровождаемыми острым вооруженным противоборством, гибелью тысяч людей и целых государств, перекройкой сложившихся после Второй мировой войны границ. Вновь имеются страны, желающие лишить Россию суверенитета и права на выбор собственного пути развития.

К сожалению, вызывает беспокойство и направленность внешней, в том числе военной, политики современной Японии. Накопившаяся инерция процесса милитаризации страны стала существенным фактором, тормозящим переход японского руководства к новому мышлению в военно-политической области.

Фактом является и то, что в результате умело поставленной пропаганды подавляющая часть японского общества поддерживает существование вопреки положениям статьи 9-й конституции страны современных вооруженных сил под названием «Силы самообороны», воссоздание министерства обороны и службы внешней разведки, а антивоенное движение в стране в последнее время значительно ослабло.

В условиях, когда Японии никто реально не угрожает (в новой и новейшей истории не было ни одного примера угрозы неспровоцированного вторжения в ее пределы вооруженных сил каких-либо государств) и когда она сама имеет территориальные претензии к соседним странам, в том числе к России, продолжающийся рост ее военных приготовлений не может не расцениваться рядом государств АТР как серьезный вызов региональной безопасности.

В сложные моменты истории люди испытывают особую потребность в духовных опорах, которые они ищут, обращаясь к опыту предков, к их героическим боевым и трудовым традициям, к их патриотизму и подвижничеству. Изучение истории минувшей войны актуально, поскольку помогает найти ответ на чрезвычайно важный для сегодняшней России вопрос: что помогло нашему народу выстоять в годы суровых испытаний, перенести невиданные лишения и при этом сохранить лучшие нравственные и духовные качества, не утратить веру в светлые идеалы, в трудную и потому особенно желанную Победу.

Примечания

1. Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 т. М.: Воениздат; Кучково поле, 2011—2015.
2. Там же. Т. 1. М.: Воениздат, 2011. С. 12; Т. 2. М.: Кучково поле, 2012. С. 167—168.
3. Там же. Т. 2. С. 197—199.
4. Там же. Т. 1. С. 32.
5. Там же. С. 32—33.
6. Там же: Т. 3. М.: Кучково поле, 2012. С. 777—789; Т. 4. С. 643—659.
7. Там же. Т. 5. М.: Кучково поле, 2013. С. 417—830.
8. Там же. Т. 6. С. 110—117, 205—208, 309—314, 723—728; Т. 7. С. 248—260; Т. 8. М.: Кучково поле, 2014. С. 26—33, 90—112, 501—503, 645—677; Т. 9. С. 312—424.

ЯЗЫК, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА

Т. М. Гуревич, Л. Т. Нечаева

**ПРЕПОДАВАНИЕ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Российская японистика имеет давнюю и стабильную школу не только теоретических исследований в области японского языка, но и практического преподавания этого языка.

Вузы с преподаванием японского языка

В 2014 году Ассоциация преподавателей японского языка РФ провела очередное анкетирование вузов, где изучают японский язык. На сегодняшний день японский язык изучают в 36 государственных и 7 негосударственных (частных) вузах страны, но вполне вероятно, что число этих вузов больше, так как не обо всех вузах имеется информация в Ассоциации и Японском фонде МИДа Японии. Для сравнения, до 1949 г. в России был 1 вуз, где изучали японский язык, в 50-х — 60-х годах — 4, в 70-х — 80-х годах — 5.

Главным центром преподавания японского языка остается Москва. В Москве японский язык преподают в 10 государственных и в 4 частных вузах. В некоторых вузах японский язык преподают на разных факультетах по разным программам, напри-

мер, в МГУ имени М.В. Ломоносова — в ИСАА, на географическом факультете и на факультете глобальных процессов, в РГГУ — в Институте восточных культур и античности и в Институте лингвистики. В национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» и в МГЛУ также японский язык преподаётся на двух факультетах.

История преподавания японского языка в Институте стран Азии и Африки (бывшем Институте Восточных языков) Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, в Московском государственном институте международных отношений (теперь университет) и Дипломатической академии МИД РФ насчитывает уже не одно десятилетие.

В 90-х годах прошлого века в давно известных и в новых государственных вузах возникли кафедры и отделения, где начали преподавать японский язык. Это Московский государственный лингвистический университет, Российский государственный гуманитарный университет, Российский университет дружбы народов, Высшая школа экономики, Московский государственный институт индустрии имени Ю. А. Сенкевича, Институт иностранных языков Московского городского педагогического университета.

В это же время стали появляться частные вузы, где вводилось преподавание японского языка. Это — Восточный университет при Институте востоковедения РАН, Институт практического востоковедения, Институт иностранных языков «Гаудеамус».

Проявляющие интерес к японскому языку люди получили возможность изучать его и на различных курсах, к которым в первую очередь относятся Высшие курсы иностранных языков при МИД РФ, Дипломатической академии МИД РФ, МВЭС РФ, а также курсы, открытые в Японском центре при МГУ. «Клуб японского языка и культуры» открылся также и при информационном отделе посольства Японии в РФ.

В Санкт-Петербурге, где ещё в XVIII веке было положено начало преподавания японского языка в России, этот язык преподаётся не только на нескольких факультетах Санкт-Петербургского университета, но и в Государственном университете культуры и искусств, Государственном педагогическом университете

имени А. И. Герцена, Университете экономики и финансов, а также в негосударственных вузах — Восточном институте и Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов.

В начале нынешнего века значительно расширилась география городов, где есть вузы с преподаванием японского языка.

В Центральной России открылось отделение японского языка в Рязанском государственном университете.

В Волжском регионе японский язык преподают в Нижнем Новгороде (Нижегородский лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова, курсы при Японском центре), в Казани и в Самаре.

На Юге России появились отделения японского языка в Ростовском государственном экономическом университете.

На Урале активно изучают японский язык в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург) и в Челябинском государственном университете.

В крупных городах Сибири и Дальнего Востока японский язык преподают не в одном, а в нескольких вузах. В Новосибирске — это Новосибирский государственный университет, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирский государственный университет экономики и права, Сибирский институт международных связей и регионоведения (частный), в Иркутске — Иркутский государственный лингвистический университет и Иркутский государственный технический университет. Появились отделения японского языка в Сибирском федеральном университете в Красноярске, Бурятском государственном университете в Улан-Удэ, Якутском государственном университете в Якутске, Хабаровском педагогическом государственном университете, Южно-Сахалинском государственном университете в Южно-Сахалинске, Камчатском государственном университете в Петропавловск-Камчатский. Уже давно ведётся преподавание японского языка в Дальневосточном государственном университете во Владивостоке.

Следует подчеркнуть, что японский язык в последнее время преподают как в языковых вузах, так и в специальных. Естественно, программа преподавания в этих вузах разная.

В лингвистических вузах на язык отводится до 22 часов в неделю, читаются теоретические курсы по различным аспектам языка.

Специалистов с японским языком готовят по программе бакалавров и магистрантов. Выпускники получают дипломы с указанием разнообразных квалификаций — переводчик японского языка, востоковед, переводчик японского языка в сфере профессиональной квалификации, лингвист-переводчик по специальности, перевод и переводоведение, лингвист, преподаватель, востоковед-филолог, регионовед, востоковед-японист, лингвист-переводчик, референт, учитель японского языка, японская социолингвистика.

В ряде крупнейших вузов занятия по японскому языку проводятся и с аспирантами самых различных направлений современной науки.

В настоящее время из вузов России в год выпускаются около 400 человек со знанием японского языка.

Лингвострановедческий аспект обучения

По результатам анкетирования можно сделать вывод о том, что в зависимости от профиля того или иного учебного заведения неоднозначно оценивается значимость разных аспектов преподавания языка. В целом можно отметить, что при преподавании японского языка сохраняется установка на развитие коммуникативной компетенции и обучение ситуативно-обусловленной речи. Однако последнее время все большее внимание уделяется формированию межкультурной компетенции, что предполагает не только ситуативное речевое высказывание, но также деятельностные поступки и невербальные формы поведения, адекватные конкретной ситуации, национальному менталитету, историческим традициям, обычаям, привычкам и предпочтениям. При изучении японского языка как феномена иной культуры происходит постоянное соприкосновение, пересечение, взаимодействие двух культур. Уже, пожалуй, ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что для эффективного обучения иностранному языку необходимы учебники и учебные пособия,

составленные с учетом не только особенностей родного языка, но также менталитета учащихся и культуры страны, в которой этот язык изучается. Именно поэтому в России повсюду наряду с написанными японскими авторами аутентичными учебниками, по которым японский язык изучают во многих странах мира, широко используются учебники, созданные российскими преподавателями.

Можно сказать, что в настоящее время в большинстве вузов России японский язык изучается как прикладная дисциплина. Обучение японскому языку проводится в тесной связи с изучаемыми профилирующими дисциплинами, а также с учетом будущей профессиональной деятельности выпускников. Японский язык преподаётся и в технических вузах, причем учебный курс строится таким образом, чтобы способствовать развитию практических навыков владения японским языком. Теоретических курсов по аспектам языка в этих вузах студентам не читают. Японский как иностранный понимается не как наука об иностранном языке или иноязычная методика, а как своеобразный курс японоведения, включающий следующие компоненты:

- современный японский язык и обучение японскому языку как иностранному;
- страноведение и лингвострановедение;
- изучение на языке литературы, истории или материалов по каким-либо другим отраслям знаний;
- диалог культур и межкультурная коммуникация.

Лингвострановедческий аспект присутствует на всех этапах обучения. В процессе овладения языком студенты усваивают необходимый минимум фоновых знаний о стране изучаемого языка (география; основные вехи истории; общественный строй; центральные органы власти; политические партии; внутренняя и внешняя политика; важнейшие общественные организации; праздники, обычаи и традиции; видные исторические личности; выдающиеся представители науки и культуры). Это достигается путем изучения материалов прессы, публицистических и художественных текстов, кинофильмов, радио, телепередач, интернета, произведений искусства страны изучаемого языка, с помощью лингвострановедческих комментариев к текстам учебных пособий. Исходя из предпосылки о том, что язык

фиксирует практически все, что принято считать национально-культурным достоянием народа — носителя языка, особое внимание уделяется толкованию безэквивалентной лексики, а именно различным реалиям, пословицам, поговоркам и др.

Учебный процесс строится таким образом, чтобы способствовать формированию у учащихся гуманистического мировоззрения, более глубокого понимания специфики страны изучаемого языка. Лингвострановедческая ориентированность изучения иностранного языка способствует тому, что параллельно с коммуникативной целью постепенно в течение всего периода занятий реализуются и воспитательно-образовательные задачи обучения. Эти задачи осуществляются главным образом путем подбора учебных материалов соответствующего содержания.

Обучение языку в контексте культуры, национального менталитета, специфической национальной картины мира обеспечивает навыки эффективного межкультурного общения, под которым понимается и общение специалистов по самым разным отраслям знаний. Подбор учебных текстов осуществляется таким образом, чтобы обучение языку вообще шло параллельно с обучением языку специальности и соответствовало вузовской программе по специальным дисциплинам. Последнее особенно важно, так как обучение по этим дисциплинам ведется на русском языке, а соответствующая литература в основном представлена на японском.

С начала 90-х годов XX века в российском японоведении стали разрабатываться и апробироваться на практике концепции межкультурного обучения, распределяющегося по следующим стадиям, которые рассматриваются как цели обучения японскому языку:

1. Межкультурное обучение в смысле приобретения ориентировочных знаний: при этом изучается специфика культурной среды, формы социального поведения, разнообразие обычаи и традиции, имеющие значение в повседневной жизни.

2. Межкультурное обучение в смысле знакомства с отличиями от собственной культуры системами ориентации: нормами, оценками, межличностными отношениями и убеждениями. Другими словами, понимание японского социального про-

странства, его иерархической структуры и коллективного менталитета, отличного от российского.

3. Межкультурное обучение в смысле координации различных схем поведения и поступков в соответствии с культурными традициями. Существующие в обеих культурах правила и формы поведения должны правильно истолковываться и использоваться в различных ситуациях.

4. Межкультурное обучение в смысле обобщающего понимания и знания культуры страны изучаемого языка. Предполагается постепенная выработка подтвержденного опытом и практикой набора общих правил, стратегий и техник, необходимых для быстрого усвоения культуры и умения реагировать в реальном японском жизненном контексте.

Наполнение дидактическим материалом каждой из вышеперечисленных ступеней межкультурного обучения является задачей преподавателей японского языка непосредственно в каждом конкретном учебном заведении, где этот язык преподается.

Школы

с преподаванием японского языка

С 1990-х годов в России значительно увеличилось количество школ, где преподают японский язык. Обычно он преподаётся как второй, иногда как третий иностранный язык, поскольку он не входит в список обязательных предметов, утвержденных Министерством образования. По решению правительства Москвы, с 2007 г. в 10 школах было введено обязательное преподавание японского языка как 2-го иностранного с 5-го класса. В департаменте образования ввели должность специалиста, отвечающего за преподавание японского языка в школах. Однако с 2012 г. это решение было отменено, и японский язык стал необязательным.

В зависимости от школы изучение японского языка может начинаться с 1-го, 2-го, 5-го, 8-го или 9-го класса, в неделю может быть один, два, три или четыре урока.

В географии школ, где ведется преподавание японского языка, можно выделить четыре направления — Европейская

часть РФ, Урал, Сибирь и Дальний Восток. В Европейской части — Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Саратов, на Урале — Екатеринбург, в Сибири — Новосибирск, на Дальнем Востоке — Владивосток, Южно-Сахалинск. Школы с японским языком появляются не только на Дальнем Востоке, где этот язык может быть реально востребован, но и в городах, где есть вузы, ведущие обучение японскому языку, и есть преподаватели японского языка.

Можно сказать, что в школах возникновение групп изучения японского языка зачастую носит «стихийный» характер, что приводит к стихийному определению программ для каждой школы. Это зависит от разных обстоятельств — от степени загруженности учеников в данной школе, от временных возможностей преподавателя, большей частью работающего в школе по совместительству, от возможностей родителей платить за занятия, так как в некоторых школах занятия вводились как платные факультативы.

В выборе учебников тоже нет единообразия, каждый преподаватель выбирает тот учебник, какой знает, или тот, что есть в наличии. Конечно, вначале это были только учебники, созданные и изданные в Японии. На первых порах очень помог Японский фонд при Министерстве иностранных дел Японии, который передал учебники японского языка многим школам России.

По мере увеличения школ с преподаванием японского языка всё яснее вырисовывалась проблема создания учебника японского языка для русскоязычных школ. Появился учебник М. В. Ядрышниковой для 5-го класса и для 6-го класса — С. В. Майдоновой, М. В. Ядрышниковой. В настоящее время С. В. Майдоновой подготовлены к изданию учебники японского языка с 5-го по 11-й класс.

Учебники японского языка

Если говорить об учебниках, то в аудитории используются как учебники, созданные в России, так и созданные в Японии. Из российских учебников на начальном этапе используются

учебник японского языка для начинающих Л. Т. Нечаевой (часть 1 и 2) (2005), учебник Е. В. Струговой и Н. С. Шефтелевич «Читаем, пишем, говорим» (2005). На среднем и продвинутом этапе учебник М. А. Мишиной по устному переводу (1995), пособие Н. В. Раздорской по работе с газетными материалами (2006), учебник японского языка для продолжающих Е. Ю. Бессоновой, Т. И. Корчагиной, А. В. Кудряшовой, Л. Т. Нечаевой под редакцией Л. Т. Нечаевой (2009). Из японских учебников на начальном этапе в основном используется «Минна-но нихонго», распространяемый по вузам бесплатно Японским фондом [1]. На среднем и продвинутом этапах почти все вузы используют на занятиях различные японские учебники, выбранные преподавателями этих вузов.

Среди учебной литературы по японскому языку, справочников и словарей, созданных за последнее время в нашей стране, мы имеем информацию и положительные отзывы коллег о следующих изданиях:

Анохина Е. В. Японский язык. Справочник по грамматике. М., 2011.

Быкова С. А., Ямада М. Японский язык. Пособие по переводу деловой документации. М.я 2001.

Гуревич Т. М. Японско-русский учебный словарь ёдзидзюкуго. М.: 2011.

Гуревич Т. М., Изотова Н. Н. Японский язык. Лингвокультурология. М., 2013.

Максименко Н. Л. Обучение выступлению на японском языке студентов вуза. Петропавловск-Камчатский, 2013.

Павловская Н. А. Практическая фонетика японского языка. М., 2011.

Румак Н. Г., Зотова О. П. Толковый японско-русский словарь ономастических слов. М., 2009.

Рыбин В. В. Фонетика японского языка. СПб., 2013.

Стрижак У. П. Основы теории и практики японской иероглифики. М., 2012.

Фролова Е. Л. Практический словарь-справочник японской грамматики. М., 2011.

Чиринов С. В. Японский язык. Экономический перевод. М., 2007.

Чиринов С. В. Японский язык. Юридический перевод для специалистов международных. М., 2012.

Остаётся только сожалеть, что многие из этих книг не поступают в широкую продажу, так как издаются университетами или местными издательствами, серьёзно не занимающимися распространением своих изданий.

Мотивы изучения японского языка

По данным опросов, проводившихся в учебных заведениях России [2], в школе желание изучать японский язык больше всего определяется интересом к культуре Японии, желанием общаться на японском языке, стремлением понять другую культуру, а также надеждами устроиться в будущем на престижную работу. Среди студентов университетов приоритеты в мотивах изучения японского языка выстраиваются несколько по-иному. На первом месте опять же интерес к Японии, но на втором — расчеты на последующее устройство на престижную работу, далее получение знаний по политике, экономике, социологии Японии, а затем уже — желание научиться общаться на японском языке и понять другую культуру.

В школах в группах японского языка обычно сначала бывает много желающих овладеть этим языком, первичная мотивация для занятий японским языком очень высока. Но, к сожалению, в процессе обучения группы становятся всё меньше, так как занятия японским языком требуют большой затраты сил и времени. Даже очень способные ученики не могут усвоить японскую письменность без постоянной тренировки, поэтому перед старшеклассниками встаёт вопрос — стоит ли заниматься японским языком? И многие прекращают заниматься, особенно если эти занятия факультативные.

Учащиеся, продолжающие заниматься японским языком, занимаются с интересом и добиваются хороших результатов. Это показывают и ежегодные конкурсы на лучшее выступление на японском языке учащихся России, и участие победителей этих конкурсов в Международном конкурсе, проходящем ежегодно в Токио. Наши школьники неоднократно участвовали в Международном конкурсе и занимали призовые места.

Среди выпускников школ немало таких, для которых японский язык становится профессией: поступив в вуз, они продолжают заниматься японским языком. Для других японский язык становится средством приобщения к иной культуре, средством общения с представителями этой культуры.

Наблюдающиеся у студентов негативные тенденции по отношению к изучению этого языка можно объяснить сомнениями молодых людей в его перспективности и в возможности использования японского языка в профессиональной деятельности в будущем. Явное желание японцев говорить с иностранцами только на английском, который всё активнее вытесняет японский язык из многих сфер жизни, тоже не способствует стремлению овладеть этим весьма непростым языком.

Развитие методики преподавания японского языка в России

Оглядываясь на историю создания нашей российской школы преподавания языка, можно сказать, что до 90-х годов прошлого столетия основное внимание уделялось созданию учебников японского языка, учебных пособий, но практически не было работ, посвященных методике преподавания этого языка. Лишь в 50-е годы Н. Г. Паюсовым была защищена диссертация по методике преподавания иероглифики, и Л. А. Лобачев опубликовал статью по использованию подстановочных таблиц для обучения грамматике. В 1984 г. Вышло дидактолингвистическое пособие И. В. Головнина «Морфологическая и синтаксическая подсистемы современного японского языка в языковых образцах и моделях».

С 90-х годов начинается традиция проведения круглых столов, а потом и конференций, на которых всё большее внимание стало уделяться методике преподавания японского языка. В первую очередь это было обусловлено значительным расширением круга преподавателей японского языка и мест, где этот язык преподавался. В преподавание пришли люди без достаточного преподавательского опыта и подготовки. Им надо было получать знания как в сфере самого японского языка, так и в области методики его преподавания. Впрочем, и те времена в

ведущих вузах постоянно проходили методические семинары, большое влияние и помощь оказывали старшие по возрасту и по опыту преподаватели. Была система открытых уроков, посещения старшими преподавателями занятий начинающих коллег, другими словами, практиковалось обучение преподавателей прямо на рабочем месте.

Активизацию методической работы стимулировало и появление разнообразных форм обучения японскому языку. Теперь это были не только языковые, где японский язык — это основная специальность, но и неязыковые вузы, где этот язык может изучаться как 1-й, 2-й и даже 3-й, а также школа, кружки, курсы и прочее.

Только в самом конце XX века в педагогических вузах России начали готовить преподавателей японского языка.

Как положительный момент следует отметить успешные защиты одной докторской и девяти кандидатских диссертаций по методике преподавания японского языка. Это работы Л. Т. Нечаевой, Е. С. Авдеевой, М. В. М. Аракава, О. Н. Груниной, Н. С. Ивановой, Е. В. Корсаковой, Н. Л. Максименко, Л. В. Молчановой, Н. В. Раздорской, И. С. Сон.

Необходимо отметить, что благодаря работам наших коллег появилось новое направление в методике преподавания иностранных языков — методика преподавания восточных, точнее, японского языка. Перед молодыми преподавателями открывается новый перспективный путь — развивать это направление на основе опыта предыдущих поколений преподавателей и знаний, полученных во время учёбы и стажировок, используя современный уровень технического оснащения учебного процесса.

Японский фонд

В «лихие 90-е», когда не только в школах, но и в вузах России не хватало преподавателей, не было необходимых учебных пособий и соответствующего оборудования, неоценимую помощь для поддержки преподавания японского языка в России оказал Японский фонд, взявший на себя обеспечение вузов и школ, где преподавался японский язык, учебными пособиями,

аудио- и видеоматериалами, словарями, необходимыми для занятий техническими средствами.

Японский фонд и сейчас вносит ощутимый вклад в дело развития преподавания японского языка. Поддержка от Фонда идет по нескольким направлениям, а именно:

- работа в наших школах и вузах японских преподавателей, специализирующихся на преподавании японского языка как иностранного;
- приглашение российских преподавателей в Институт японского языка для написания учебников и консультаций со специалистами в области преподавания японского языка иностранцам;
- стажировка молодых преподавателей в Институте японского языка в г. Урава;
- приглашение наших вузовских преподавателей для консультаций и работы над их научными проектами в ведущие японские вузы;
- обеспечение вузов и школ учебными пособиями, аудио- и видеоматериалами, словарями, наглядными пособиями;
- командировка в Москву координатора по преподаванию японского языка в России, который проводит ежемесячные семинары по трудным вопросам грамматики и консультирует преподавателей японского языка;
- проведение в Москве летней стажировки для молодых преподавателей японского языка из стран СНГ;
- обеспечение участия японских коллег в регулярных конференциях, проводимых Ассоциацией преподавателей японского языка РФ и стран СНГ.

Ассоциация преподавателей японского языка РФ и стран СНГ

Ассоциация преподавателей японского языка регулярно проводит конференции преподавателей японского языка — осенью во время Московского конкурса выступлений на японском языке, а с 2006 г. конференции в Москве проводятся ещё и весной. В осенних конференциях участвуют не только рос-

сийские преподаватели, но и преподаватели стран СНГ. Мартовские конференции начинались как российские, но постепенно тоже обрели статус международной конференции. На этих конференциях обсуждаются самые разнообразные методические проблемы — программы, учебники, психология обучения и другие вопросы. Рассматриваются программы целого курса обучения для специализированных вузов, программы отдельных спецкурсов и спецсеминаров, уделяется внимание преподаванию отдельных аспектов языка. С 2008 г. по результатам конференций стали издавать сборник статей: «Японский язык в вузе».

Ассоциация преподавателей японского языка постоянно участвует в организации экзамена на определение уровня знаний, проводимого в РФ, в подготовке и проведении Московского конкурса выступлений на японском языке победителей подобных конкурсов из стран СНГ.

Члены Ассоциации активно участвуют в различных мероприятиях, посвященных вопросам преподавания японского языка, которые проводятся по всей России и в странах СНГ.

Перед Ассоциацией стоит еще много проблем, о которых говорят преподаватели японского языка. Основной задачей мы считаем работу с молодым поколением преподавателей, для её активизации желательно:

- проводить курсы профессиональной подготовки и повышения квалификации преподавателей японского языка из вузов РФ;
- организовывать заочные и онлайн методические семинары и конференции;
- организовать проведение занятий, лекций в системе онлайн.

Ассоциации преподавателей японского языка необходимо активизировать информационную деятельность, особенно это касается отдаленных регионов. Мы планируем выпускать информационное издание, из которого преподаватели могли бы узнавать профессиональные новости, делать постоянную рассылку о мероприятиях, проводимых Ассоциацией и создать информационные страницы в соцсетях (Вконтакте, фейсбуке и т. п.);

Примечания

1. К сожалению, здесь у нас срывает «мышеловка с бесплатным сыром» — имея аутентичные бесплатные учебники, пусть и устаревшие, наши преподавателям не могут внедрить в преподавание новые, адаптированные к современным реалиям учебные материалы из-за высокой цены на издание.

2. См., например: *Гуревич Т.М.* Почему становится всё меньше желающих изучать японский язык // *Японский язык в вузе: Актуальные проблемы преподавания.* Вып. 6. М., 2011. С. 50—58.

А. В. Белов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМЫ УНИВЕРСИТЕТОВ ЯПОНИИ

В начале 1990-х годов университеты Японии столкнулись с сокращением финансирования, падением количества студентов и необходимостью повышения качества образования как важного элемента национальной конкурентоспособности. В ходе широкой общественной дискуссии были определены направления и механизмы университетских реформ, началось их осуществление на практике. За прошедшие 20 лет удалось получить определенные результаты и накопить огромный массив информации, которая мало известна за рубежом. Тем не менее, опыт японских реформаторов может представлять интерес для России, где также происходят крупные перемены в системе высшего образования.

Национальную систему образования можно характеризовать как совокупность институтов, занятых поиском приемлемого компромисса между возможностями получения, уровнем затрат и качеством образования. Три данных оси, образно говоря, определяют широту, высоту и глубину «образовательного здания», в стенах которого каждая страна вводит в отделку элементы собственного стиля. С известной долей упрощения координаты систем высшего образования можно описать несколькими конкретными показателями (табл. 1).

Их сопоставление показывает, что высшее образование в Японии носит массовый характер, предоставляется на высоком

Таблица 1. Три характеристики стран с развитыми системами высшего образования

Показатель	Япония	Россия	Корея	Франция	США	ОЭСР*
«Широта» охвата населения третичным образованием в возрастной когорте (% , 2010 г.)						
От 25 до 34 лет	58,70	56,46	63,82	43,01	43,13	38,62
От 25 до 64 лет	46,40	53,48	40,41	29,76	42,45	31,51
«Высота» (уровень) совокупных расходов на образование (% ВВП, 2010 г.)						
Все уровни	5,1	4,9	7,6	6,3	7,3	6,3
В т.ч. третичное	1,5	1,6	2,6	1,5	2,8	1,7
«Глубина» (качество) образования на вторичном и третичном уровне						
Баллы PISA**	538	475	536	505	498	496
Университеты в топ-500***	20	2	11	20	149	436

* В среднем (количество университетов в топ-500 — всего для стран ОЭСР).

** Количество баллов, набранных 15-летними школьниками в испытаниях на восприятие печатного текста (reading) по программе PISA (2012 г.).

*** Количество университетов в топ-500 «шанхайского» рейтинга ARWU-2013.

Источник: OECD, Education at a Glance 2013; OECD, PISA 2012 Key Findings; Academic Ranking of World Universities 2013 (ARWU-2013).

международном уровне, причем за счет умеренных расходов. Привлекательное соотношение цены и качества является наиболее сильной стороной японской системы.

Одна из причин этого заключается в существовании в системе высшего образования Японии крупного частного сектора. Это проявляется, прежде всего, в структуре университетов и в комбинации источников финансирования. В настоящее время университеты Японии включают в себя несколько типов организаций, которые по форме собственности делятся на государственные, общественные (региональные) и частные. С количе-

ственной точки зрения в системе высшего образования Японии доминируют частные университеты (табл. 2).

Таблица 2. Количественные характеристики университетов Японии (2011 г.).

	Всего	Государственные	Общественные	Частные
Кол-во организаций	780	86	95	599
доля (%)	100,0	11,0	12,1	76,9
Кол-во работников (чел.)*	76091	23948	3711	48432
доля (%)	100,0	31,4	4,1	64,5
Кол-во учащихся (чел.)	2 842 167	608 718	140 965	2 092 504
доля (%)	100,0	21,4	4,9	73,7
в т.ч. студентов	2 569 716	450 854	124 502	1 994 380
доля (%)	100,0	17,5	4,8	77,7
аспирантов	272 451	157 864	16 463	98 124
доля (%)	100,0	57,9	6,0	36,1

* 2009 (Институт исследований высшего образования Токай, Дайгаку о каэру (Изменяя университеты). С. 97).

Источник: Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии (далее — Министерство образования). Хэйсэй 24 нэндо монбу кагаку хакусё (Белая книга по вопросам образования и науки 2012 года. На японском языке).

Однако, качественные оценки говорят о том, что роль безусловных лидеров принадлежит государственным учебным заведениям. Это заключение основано на большом количестве регулярно публикуемых рейтингов, которые освещают все стороны университетской жизни. Практически по всем качественным показателям наверху пирамиды находятся государственные и прежде всего, бывшие императорские университеты Токио, Киото, Тохоку, Осака, Кюсю, Хоккайдо, Нагоя. Они финансируются государством на 90 % и традиционно специализируются

на естественно-научном образовании и фундаментальных исследованиях, а также готовят кадры для государственных учреждений.

Общественные университеты занимают промежуточное положение. Доля бюджетных субсидий в их доходах составляет около 70 %. Основной функцией общественных (региональных) университетов можно считать деятельность по социальному развитию территорий. В группе частных университетов два заведения — Васэда и Кейо — имеют научно-исследовательскую базу мирового класса, а среди большинства других отмечаются очень серьезные различия по величине, уровню и направлениям проводимых исследований. Бюджетное субсидирование частных университетов относительно невелико (10 % доходов), однако именно эти учебные заведения выполняют основную массу преподавательской работы. Сложившаяся иерархия и разделение труда является общепризнанной, устойчивой и вряд ли изменится в обозримом будущем.

В финансировании высшего образования в Японии традиционно преобладают частные источники (табл. 3).

В 1990-х — 2000-х годах система японских университетов серьезно изменилась: сократилось государственное финансирование, появились новые направления использования государственных средств и увеличилась степень их концентрации, поменялся статус и расширились полномочия государственных и общественных университетов, были приняты разнообразные меры по повышению качества образования. Перемены затронули все три важнейшие характеристики национальной образовательной системы, а именно: возможности получения высшего образования, уровень затрат и качество университетского образования. Исследование японского опыта позволяет сделать ряд выводов, важных с точки зрения разворачивающихся в России реформ.

Дизайн национальной системы образования предполагает достижение приемлемого компромисса между шириной охвата, величиной затрат и уровнем качества. Государственное финансирование университетов в Японии сокращается, но при этом заметно стремление общества если не расширить, то хотя бы сохранить достигнутые возможности университетского обучения. Эта задача решается преимущественно за счет расширения и ре-

Таблица 3. Количественные характеристики финансирования высшего образования

Показатель	Япония	Россия	Корея	Франция	США	ОЭСР*
Расходы на образование (% ВВП, 2010 г.)						
Все уровни обр.	5,1	4,9**	7,6	6,3	7,3	6,3
Третичное	1,5	1,6**	2,6	1,5	2,8	1,6
в т.ч. колледжи	0,2	0,2**	0,3	0,3	...	0,2
университеты	1,3	1,4**	2,3	1,2	...	1,4
Доля расходов на образование в бюджетах всех уровней (% , 2010 г.)						
Все уровни обр.	8,9	...	15,3	10,4	13,3	13,0
Третичное	1,8	...	2,6	2,4	3,0	3,1
Расходы на образование по источникам финансирования (% ВВП, 2010 г.)						
Все уровни обр.						
общ. источники	3,6	4,1	4,8	5,8	5,1	5,4
част. источники	1,5	0,8	2,8	0,5	2,2	0,9
Третичное						
общ. источники	0,5	1,0	0,7	1,3	1,0	1,1
част. источники	1,0	0,6	1,9	0,2	1,8	0,5

* В среднем.

** Только общественные расходы.

Источник: OECD, Education at a Glance 2013.

структуризации в частном секторе. С точки зрения качества образования государство направляет свои ресурсы на повышение его в небольшом числе избранных университетов, а в отношении основной массы частных заведений отказывается одновременно и от жесткого регулирования, и от широкой поддержки.

Сопоставление качества и затрат, а также решение о целесообразности обучения в том или ином частном университете переносится на уровень потребителя. Роль государства в значительной мере сводится к раскрытию университетских данных для составления многочисленных рейтингов, т. е. устранению асимметричности информации. Это означает, что после многолетнего развития рынок образовательных услуг Японии вступает в период зрелости, когда предложение формируют сотни разнообразных игроков, потребители имеют возможность рационально выбирать качество и цены. В том случае, если Россия решит сократить государственное и расширить частное предоставление услуг высшего образования, японский опыт формирования рыночных механизмов может представлять значительный интерес.

Существенным элементом политики Японии в области университетского образования является концентрация государственных средств в небольшом числе избранных учебных заведений для повышения качества и превращения их в глобальных лидеров. Однако при сокращении общих объемов финансирования это ведет скорее к увеличению разрывов, чем к повышению среднего уровня образования в стране (по крайней мере, об этом говорит динамика позиций университетов Японии в рейтинге Times Higher Education). По-видимому, подвижность кадров и межуниверситетская кооперация в Японии слишком слабы, и лидеры не подтягивают к себе аутсайдеров, а уходят от них в непреодолимый отрыв. Такую ситуацию вполне можно считать провалом рынка, требующим интервенции государства. Японский опыт в этой области подчеркивает важность вертикальных университетских связей, а также необходимость оценки результатов реформ не только по передовым достижениям, но и по средним показателям национальной образовательной системы.

Качество образования представляет собой чрезвычайно сложное понятие, связанное со многими сторонами общественной жизни, да к тому же не имеющее общепризнанной системы оценок. Логично предположить, что любые нововведения в этой области, тем более связанные с сокращением направляемых в данную сферу общественных ресурсов, должны иметь эволюци-

онный характер и развитую систему обратной связи. Постепенность, открытость, коррекция негативных последствий — все это в значительной степени присутствует в Японии и может послужить важным уроком в ходе перестройки высшего образования в России.

Более подробно с проблемами высшего образования Японии можно познакомиться в следующих статьях:

Белов А. В. Основные направления реформы университетов Японии // Япония-2014. Ежегодник. М., 2014. С. 87—108.

Белов А. В., Золотов А. В. Экономические аспекты деятельности университетов в Японии // Вопросы Образования. 2014. № 3. С. 30—53.

Белов А. В., Золотов А. В., Золотова М. В. Реформирование системы высшего образования в Японии: опыт, значимый для России // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. 2014. № 3. С. 197—205.

АВТОРЫ

Белов Андрей Васильевич, доктор экономических наук, профессор Университета префектуры Фукуи (Япония)

Гринюк Владимир Александрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН

Гуревич Татьяна Михайловна, доктор культурологии, профессор МГИМО(У) при МИД России

Зимонин Вячеслав Петрович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН

Кистанов Валерий Олегович, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН

Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

Маркарьян Седа Багдасаровна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник-консультант Института востоковедения РАН

Меркушева Ольга Андреевна, аспирант географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Нечаева Людмила Тимофеевна, доктор педагогических наук, заведующий лабораторией ИСАА МГУ

Павлятенко Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра японских исследований ИДВ РАН

Саркисов Константин Оганесович, кандидат исторических наук, Университет Хосэй, приглашенный исследователь

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, председатель Ассоциации японоведов, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО(У) при МИД России

Яковкин Евгений Васильевич, магистр истории, Колледж спортивной подготовки Пермского края

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Просим авторов придерживаться следующих правил оформления статей для ежеквартального научного сборника ИДВ РАН «Япония наших дней»:

- Для оформления авторства статьи просим указывать: ФИО (полностью), учёную степень (если есть), учёное звание, должность и место работы/учёбы, контактный телефон и e-mail.
- Рекомендуемый объём статьи — не более 40 тыс. знаков.
- Оформлять статьи в формате, поддерживаемом редактором MS Word.
- Ссылки на сноски в MS Word оформляются в виде номеров в квадратных скобках (например, [12], а не ¹²) без использования опции «сноски». Применяется сквозная нумерация. Раздел «Примечания» оформляется как нумерованный список в конце статьи.
- Первоисточники указываются на языке оригинала. Даётся перевод первоисточника с японского языка на русский.
- Допускается использование в тексте иероглифов для указания оригинальных имён собственных, топонимов, названий японских организаций, терминов и др.
- В источниках обозначать дату публикации в полном формате dd.mm.yyyy (dd — день, mm — месяц, yyyy — год), а не в усечённом. Например, 01.01.2001, а не 1.1.01.
- Ссылки на интернет-ресурсы, в том числе после текста в примечании, указываются с префиксом URL (от Uniform Resource Locator). Например: 12. 朝日新聞: [Газета «Асахи»]. 01.01.2001. URL: <http://www.asahi.com>.

- Японские слова пишутся в соответствии с системой Поливанова за исключением таких ставших общепринятыми, как гейша, иена, Йокогама, Киото, рикша, Токио и др. Например: *анимэ*, *Ёмиури* (газета), *икэбана*, *каратэ*, *Кёдо* (информационное агентство), *синкансэн*, *суси*, *Хитати* (компания) и т. д. При необходимости японские слова и термины выделяются курсивом.

- Японские имена и фамилии пишутся и склоняются в соответствии с правилами русского языка. При написании сначала идёт имя, потом — фамилия, за исключением случаев, когда в русском языке на первом месте принято ставить фамилию.

- Последовательно использовать букву «ё» (без замены её на «е»).

- Пересылать статьи на e-mail Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН jp.ifes@gmail.com. Контактный тел./факс: +7 (499) 124 06 01.

Сборник формируется поквартально: последний день квартала — это последний день приёма материалов в номер за данный квартал. Информация о появлении очередного сборника размещается на сайте ИДВ РАН <http://ifes-ras.ru> и в блоге Центра японских исследований ИДВ РАН <http://japancenter.livejournal.com>.

Научное издание

Япония наших дней

№ 4(22), 2014

Выпускающий редактор *Е. В. Белилина*
Корректор *Н. Б. Потапова*
Компьютерная верстка *С. Ю. Тарасова*
Обложка *Т. В. Иваншиной*

Подписано в печать 18.05.2015.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 11,5. Бумага офсетная. Тираж 150 экз.
Заказ № 7

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.